

XXII $\frac{75}{11}$

3 id 05

23

1843

XXIV $\frac{75}{11}$

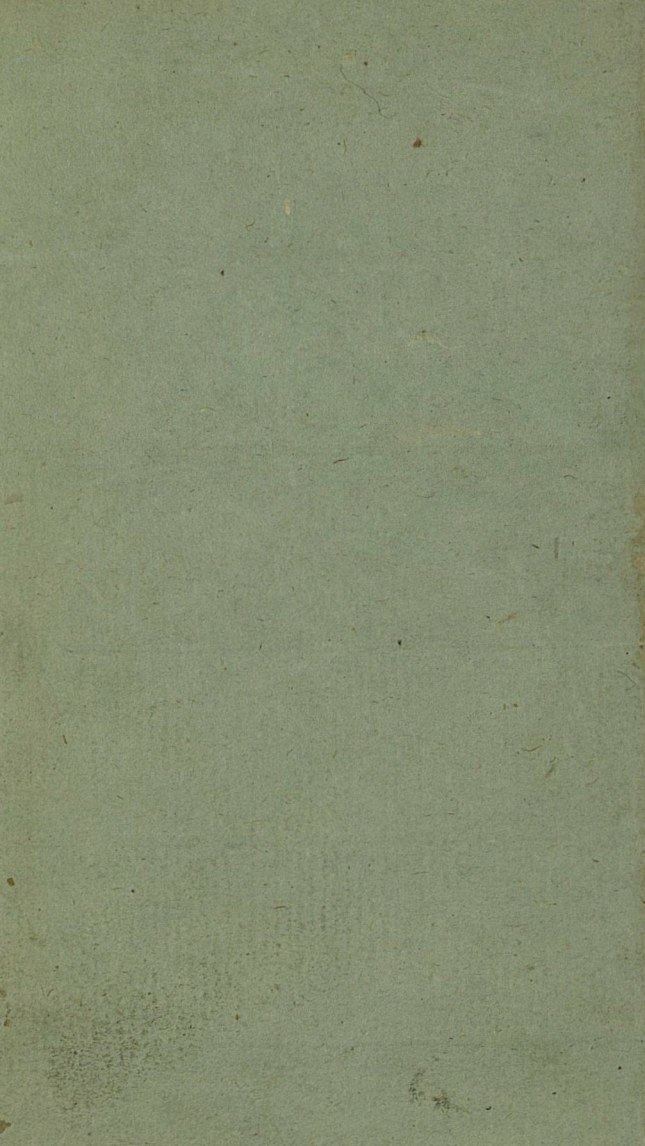

или будут внесены или переведены на

№ 876

~~Ha 016~~

57
1131
XXIV 75
II

БИБЛІОТЕКА

ВОСПИТАНІЯ.

— *log 1u* —
ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Часть III.

— *log 1u* —
Изданіе А. Семена.

op 31-11575

МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФИИ А. СЕМЕНА.
1843.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экзем-
пляровъ. Москва, Ноября 1-го дня 1843 года.

Ценсоръ Н. Крыловъ.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ

ДЛЯ ДѢТЕЙ.

ПОСТРОЕНІЕ ТРОИ.

СКАЗКА О ЩЕЛКУНѢ.

Въ Сочельникъ, передъ Рождествомъ, дѣти Доктора Медицины, Коллежскаго Совѣтника Штальбаума, цѣлой день не смѣли входить въ среднюю горницу, которая была подлѣ парадной гостиной. Оединька и Маша сидѣли, прижавшись другъ къ другу, въ углу своей дѣтской. Давно уже смерклось, и имъ было немного страшно сидѣть безъ свѣчекъ, какъ обыкновенно въ тотъ день случалось. Оединька шепшаль на ухо меньшей сестрѣ своей, (а ей недавно минуло семь лѣтъ) какъ онъ съ самаго ранняго утра слышалъ, что въ запертой горницѣ во-тся, шумять и что-то колотятъ. Не-

давно прокрался туда маленькой человечикъ въ черномъ платьѣ, съ большимъ ящикомъ, и не смотря на черное платье, онъ узналъ дядю Дросельмейера. Тогда Маша радостно всплеснула ручонками и сказала: «Ахъ! Дядя Дросельмейеръ вѣрно выдумалъ для насъ что-нибудь прекрасное!» — Статскій Совѣтникъ Дросельмейеръ былъ не очень красивъ собою; немножко черезъ чуръ худъ и черезъ чуръ не великъ ростомъ; на лицѣ множество морщинъ; на мѣсто праваго глаза большой черный пластырь, а на головѣ ни одного волосика. За то онъ носилъ прекрасный бѣлый парикъ, изъ тонкихъ стеклянныхъ ниточекъ, очень искусно сработанный. Да и самъ дядя Дросельмейеръ былъ большой искусникъ, зналъ Механику и могъ даже дѣлать часы; когда случалось, что которые нибудь изъ прекрасныхъ стѣнныхъ часовъ, въ домѣ Доктора Штальбаума, занемогали, и переставали пѣть, то дядя Дросельмейеръ

тотчасъ являлся, снималъ стеклянный парикъ свой, скидывалъ желтоватый сертукъ, подвязывалъ синій фартукъ и острымъ инструментомъ кололъ внутренность часовъ, такъ что Машѣ всегда было ихъ жалко; а часы опять жить начинали, начинали весело стучать, и звѣнѣть, и пѣть; и въ домъ всѣ радовались. — Онъ всегда приносилъ въ карманѣ что-нибудь прекрасное для дѣтей: иногда мальчика, который ворочалъ глазами и шаркалъ ногою, что очень было смѣшно; иногда табакерку, изъ которой вылетала птичка, и многое подобное. Къ Рождеству же онъ всегда приготовлялъ имъ какой-нибудь отличный подарокъ, надъ которымъ самъ долго трудился; за то дѣтямъ его и не давали, а Маминька запирала къ себѣ подъ ключъ. — Что-то приготовилъ намъ дядя Дросельмейеръ? повторяла Маша. Оединька думалъ, что на этотъ разъ онъ вѣрно сдѣлалъ имъ крѣпость; въ крѣпости множество солдатъ

разныхъ полковъ , маршируютъ, и выходятъ на ученье; а потомъ приходятъ къ крѣпости другіе солдаты и хотятъ войти въ нее, а изъ крѣпости солдаты не пускаютъ, и храбро стрѣляютъ въ нихъ изъ пушекъ, и все вокругъ гремитъ и дрожитъ отъ грома. — Нѣтъ, нѣтъ! перервала Маша! Дядя Дросельмейеръ рассказывалъ мнѣ однажды, что есть прекрасный садъ, въ саду большое море, а по морю плаваютъ прекрасные бѣлые лебеди, съ золотыми ошейниками, и поютъ прекрасныя пѣсни; въ саду гуляетъ маленькая дѣвочка, подходитъ къ морю, лебеди къ ней приплываютъ и она кормитъ ихъ сахарными бисквитами. — Лебеди не ѣдятъ бисквитовъ, отвѣчалъ съ досадою Ёдинька; да и какъ же можетъ дядя Дросельмейеръ сдѣлать цѣлый садъ? По настоящему о дядиныхъ игрушкахъ и думать нечего: онѣ у насъ не остаются; тѣ, которыя дарятъ намъ Папинька и Маминька гораздо лучше:

изъ нихъ мы можемъ дѣлать все, что хотимъ. — Тутъ дѣти опять начали отгадывать, какіе будутъ имъ подарки на нынѣшній годъ. Маша говорила, что (большая ея кукла) очень въ нравѣ перемѣнилась; стала такая неуклюжая, безпрестанно падаетъ на полъ, и встаетъ всякій разъ съ исцарапаннымъ лицомъ, а платье ея всегда такъ запачкано, что ужъ и брань никакая не помогаетъ. Еще же Маминька засмѣялась, когда она хвалила ей зеленый Лилинькинъ зонтикъ. Оединька въ свою очередь увѣрялъ, что въ конюшнѣ его необходима рыжая лошадь, а въ войскахъ большой недостатокъ въ кавалеріи, и что Папинькъ это очень извѣстно. — Дѣти знали, что родители покупаютъ имъ очень хорошіе подарки, но знали и то, что Рождественскіе доставятъ радость больше всякихъ другихъ. Старшая сестра, Луиза, напомнила дѣтямъ, что и теперь наступаетъ Рождество, и что родители приготовятъ дѣтямъ тѣ подар-

ки, которыхъ имъ больше всего хочется, и потому должно не только желать и надѣяться, но скромно и молчаливо ожидать своей участи. Маша послушно притихла, а Одея прошепталъ въ полголоса: мнѣ бы очень хотѣлось и гусаровъ и рыжую лошадь!

Между тѣмъ совсѣмъ стало темно. Единька и Маша прижались другъ къ другу и не говорили ни слова: имъ казалось, будто надъ ними вѣютъ тихія крылья, будто гдѣ-то играетъ дальняя музыка. Вдругъ яркая полоска свѣта явилась на стѣнѣ; въ то же мгновеніе раздался звонкій, серебристый звукъ: клингъ! клингъ! — двери растворились, и яркій блескъ разлился изъ освѣщенной парадной гостиной. Ахъ! ахъ! — вскрикнули дѣти, вскочили, но отъ радости не могли тронуться съ мѣста. Отецъ и мать подошли къ нимъ, взяли за руки, и сказали: «Пойдемте же, дѣти! пойдемте! посмотрите ваши подарки.»

ПОДАРОКЪ.

Теперь обращаюсь къ тебѣ, благосклонный читатель или слушатель Оединька, — Николнянка, Андрюша, Серёжа, или какъ иначе тебя зовутъ, — и прошу припомнить послѣдніе подарки, которые ты получилъ наканунѣ Рождества, и потомъ вообразить радость, которую ощущали въ эту минуту дѣти. Они стояли молча, вытараща блестящіе восторгомъ глазки, и прошло нѣсколько минутъ, прежде нежели Маша съ глубокимъ вздохомъ сказала: «Ахъ! какъ это хорошо!» — и прежде чѣмъ Оединька пять разъ вспрыгнулъ очень высоко, что ему вообще всегда удавалось. Видно, что въ этотъ годъ дѣти были очень прилежны и очень послушны; никогда еще не бывало у нихъ такихъ красивыхъ, блестящихъ игрушекъ. По срединѣ стола, на большой ёлкѣ висѣло множество золотыхъ яблокъ; пестрыя конфекты и сахарныя печенья раз-

цвѣтали на ней, какъ цвѣточныя распу-
кольки, и всякія сласти различнаго рода
по всѣмъ вѣткамъ качались. Всего же
красивѣе сіяли на чудномъ деревѣ ма-
ленькія свѣчи: ихъ тысячи, какъ звѣзды
горѣли въ темныхъ его вѣтвяхъ и лас-
ково манили дѣтей играть его цвѣтами
и плодами. Около дерева также все нест-
рѣло и свѣшилось;— ахъ! какія прекра-
сныя тутъ были вещи! — нѣтъ! этого
описать не возможно. — Маша увидѣла
съ одной стороны безподобныхъ куколъ,
подлѣ нихъ всякаго рода маленькая по-
суда, а надъ ними шелковое платице, съ
розовыми бантиками; оно такъ было по-
вышено, что Маша могла со всѣхъ сто-
ронъ его осматривать. Оединька между
тѣмъ три или четыре раза объѣхалъ
около стола на щегольской рыжей ло-
шади, которая стояла совсѣмъ осѣдлан-
ная съ другой стороны подлѣ дерева.
«Лихая лошадка!» сказалъ онъ, сходя съ
нея; мы её однакожь объѣздимъ!» — По-

томъ подошелъ къ новому полку гусаръ, одѣтыхъ въ богатые красные съ золотомъ мундиры, съ серебряными саблями, и на такихъ бѣлыхъ лошадяхъ, что и они казались серебряными. — Немного успокоившись отъ перваго восторга, дѣти хотѣли уже брать въ руки раскрытыя съ картинками книжки, — а на этихъ картинкахъ видны были и цвѣты, и рыцари, и красавицы, и дѣти съ разными игрушками; дѣти собирались уже разсматривать чудныя эти изображенія, какъ вдругъ опять зазвонили; они догадались, что теперь явятся подарки дяди Дросельмейера, и побѣжали къ тому столу, которой стоялъ у стѣнки. Ширмы, которыми онъ былъ загороженъ, исчезли — и что-же увидѣли дѣти? На зеленомъ деревѣ, посреди пестрыхъ цвѣтовъ, стоялъ пышный замкъ, съ золотыми башнями и съ зеркальными окошками. Въ замкѣ заиграли колокольчики, двери и окошки растворились, и по большимъ заламъ замка

стали расхаживать крошечные человечки: мужчины въ нарядныхъ платьяхъ, и дамы въ перьяхъ и съ длинными хвостами. Въ средней залѣ, которая такъ огнемъ и горѣла отъ множества свѣчекъ, зажженныхъ въ ея люстрахъ, танцовали маленькія дѣти въ красненькихъ курточкахъ и красненькихъ платицахъ. Одинъ баринъ, въ изумрудной япанчѣ, выглядывалъ изъ окошка и опять прятался, а другой высовывался изъ-за двери замка и опять уходилъ въ дверь. Этотъ другой былъ очень похожъ на дядю Дросельмейера, а ростомъ съ Папинькинъ мизинчикъ. Оединька, облокотясь на столъ, смотрѣлъ съ большимъ вниманіемъ на прекрасный замокъ, на танцующихъ и гуляющихъ въ немъ фигурокъ, потомъ сказалъ: «Дядя Дросельмейеръ! позволь и мнѣ пойти въ этотъ замокъ!» — Статскій Совѣтникъ Дросельмейеръ отвѣчалъ, что этого сдѣлать совсѣмъ не лзя; да и не глупо ли, что Оединька просился туда,

когда замокъ, со всѣми его золотыми башнями, былъ почти одного съ нимъ роста? Ёдинька и самъ это видѣлъ. Черезъ нѣсколько минутъ, пока дамы и мужчины продолжали прогуливаться, дѣти танцовать, господинъ въ изумрудной япанчѣ выглядывать изъ окошка, а дядя Дросельмейеръ высовываться изъ-за двери, Ёдинька закричалъ съ великимъ нетерпѣніемъ: «Эй, дядя Дросельмейеръ! выдь совсѣмъ изъ-за двери, и поди сюда!» — Этого не лзя, Ёдинька! — отвѣчалъ Статскій Совѣтникъ. — «Велите же по крайней мѣрѣ, сказалъ Ёдинька, изумрудному господину перестать глядѣть въ окошко: пусть онъ пойдетъ, погуляетъ съ другими.» — И этого не лзя, отвѣчалъ Статскій Совѣтникъ. — По крайней мѣрѣ, дайте мнѣ поближе посмотреть дѣтей: пускай они сюда въ садъ придутъ!» — Да и этого не лзя! съ досадою сказалъ ему Статскій Совѣтникъ; какъ тутъ однажды устроено, такъ бу-

дети всегда оставаться. — «Та-акъ-то, протяжно сказал Оединъка, ничего нельзя? — Слушай, дядя Дросельмейеръ! если твои маленькія, парядныя фигурки должны вѣчно вертѣться въ замкъ все на однихъ мѣстахъ, то вѣдь это не весело! — Мои гусары лучше! Тѣхъ я буду учить маневрамъ, впередъ! назадъ! куда хочу! и не буду запираить ихъ въ золотой домъ.» — Съ этимъ словомъ побѣжалъ онъ опять къ среднему столу, и заставилъ серебряныхъ лошадей скакать, солдатъ драться и стрѣлять сколько душъ его было угодно. И Маша тихонько отошла отъ замка, и ей надоѣло однообразное вертѣнье куколокъ, только она была учтивѣе и скромнѣе Оединъки. — Тогда Статскій Совѣтникъ Дросельмейеръ съ досадою сказалъ родителямъ: «Ваши дѣти слишкомъ безтолковы; не могутъ понять какая это искусная штука. Я лучше свой замокъ уложу опять въ ящикъ.» — Мать подошла къ замку и просила показать

ей внутреннее его устройство и искусную игру пружинъ, которыми куклы двигались въ замкъ. Статскій Совѣтникъ началъ все разбирать и опять вмѣстѣ составлять. При этомъ сдѣлался онъ опять очень веселъ и подарилъ дѣтямъ нѣсколько человѣчковъ съ золочеными руками и головами: сами они были изъ сусла и такъ сладко пахли пряниками, что Машъ и Оединъкъ очень весело было ихъ нюхать. Луиза по Маминькиному желанію надѣла прекрасное платье, которое было ей приготовлено, и была въ немъ очень хороша и очень авантажна. Маша просила, чтобъ ей позволили не надѣвать теперь своего платья съ розовыми бантиками, а такъ на него любоваться; Маминька ей это позволила.

ДЮВШЕНЦЪ.

Маша потому не могла рѣшиться отойти отъ дерева, что увидѣла подлѣ него

еще новую игрушку. Оединкинны гусары, разстановленные въ парадъ около дерева, заслоняли собою прѣмлага маленькаго человѣчка, который стоялъ за ними чинно и скромно, и спокойно ждалъ, чтобъ до него дошла очередь. Станъ его не лѣзя сказать чтобъ отличался стройностью: большое пузо немножко свисло на короткія, тоненькія ножки, а голова огромностью своею заставляла забывать о пузѣ. Щегольская одежда показывала, что онъ былъ человѣкъ со вкусомъ и воспитанъ въ хорошемъ обществѣ. На немъ было фіолетоваго цвѣту Венгерское полукафтанье, съ бѣлыми пуговками и бѣлыми шнурками, такіе же фіолетовые панталоны, и свѣтлые, лакированные сапоги, какихъ не только студенту, но и не всякому офицеру надѣвать удавалось. Они такъ гладко обхватывали стройныя тоненькія ноги, что казалось, будто написаны на нихъ краской. — Смѣшно было однакожь, что къ такому изысканному наряду надѣлъ

онъ на плеча узкій, общипанный плащъ, который торчалъ совсѣмъ какъ деревянный, а на голову простую съ ушками шапку. Маша думала, глядя на него, что случается и дядѣ Дросельмейеру надѣвать очень изорванную япанчу и прегадкую шапку, да что это не мѣшало дядѣ быть очень милымъ. Еще Маша замѣтила, что еслибъ дядя Дросельмейеръ одѣлся такъ щеголевато, какъ этотъ малютка, то все не сравнился бы съ нимъ красотою. Маша съ перваго взгляда очень полюбила маленькаго человѣчка, и чѣмъ больше на него глядѣла, тѣмъ больше нравилось ей доброе его лице. Въ свѣтлозеленыхъ, выпуклыхъ глазахъ его свѣтилось ласковое доброжелательство; кроткая, веселая улыбка пунцоваго ротика была еще замѣтнѣе отъ бѣлой, изъ хлопчатой бумаги сдѣланной бороды, которая очень къ нему пристала. «Папинька!» вскричала наконецъ Маша, «скажите, пожалуйста, кому принадлежитъ этотъ

миленькой человѣчикъ, который тамъ стоитъ у дерева?» — Вамъ всѣмъ, дѣти, отвѣчалъ отецъ; онъ на всѣхъ васъ будетъ работать; будетъ всѣмъ вамъ грызть крѣпкіе орѣхи, и Луиза столько же имъ будетъ пользоваться, сколько ты и Единька. Сказавши это, отецъ взялъ его осторожно со стула, погнулъ вверхъ деревянный плащъ, и маленькій человѣкъ разинулъ огромный большой ротъ, и показалъ два ряда бѣлыхъ, красивыхъ зубовъ. Маша, по приказанію Папиньки, положила туда крѣпкій грѣцкій орѣхъ: *щелкъ!* — орѣхъ разгрызенъ, скорлупа упала на полъ, а зерно къ Машѣ въ руку. Тутъ узнала Маша, и всѣ прочіе съ нею, что нарядный человѣчикъ происходитъ изъ роду орѣховыхъ Шелкуновъ, и продолжаетъ заниматься ремесломъ своихъ предковъ; она громко вскрикнула отъ радости, и отецъ сказалъ ей: «Если тебѣ, Машинька, такъ нравится другъ нашъ Шелкунъ, то возьми его совсѣмъ подѣ

свое покровительство; береги, и прячь къ себѣ, когда братъ и сестра имъ наиграются.» — Маша тотчасъ взяла его на руки и дала ему щелкать орѣхи, выбирая однако же самые маленькіе, чтобы не заставлятъ Щелкунчика разѣвать такой огромный ротъ. — И точно, это къ нему совсѣмъ не пристало. И Луиза подошла къ сестрѣ, и она заставила Щелкуна грысть орѣхи; онъ дѣлалъ свое дѣло очень охотно, и пунцовый его ротикъ не переставалъ улыбаться. Между тѣмъ и Оединька утомился маневрами и верховой ѣздой, услышалъ какъ весело сестры щелкаютъ орѣхи, прибѣжалъ къ нимъ и во все горло хохоталъ надъ смѣшнымъ Щелкуномъ, который и началъ переходить изъ рукъ въ руки, потому что Оедъ въ свою очередь орѣховъ захотѣлось. — Оединька не переставалъ пихать ему въ ротъ самые большіе и самые крѣпкіе орѣхи, вдругъ — кракъ! кракъ! — три зуба выскочили разомъ

у Щелкуна изо рта, и вся нижняя челюсть ослабла и стала безъ зубовъ шататься. — «Ахъ мой милый, бѣдный Щелкунъ!» громко закричала Маша и взяла его у Оеди изъ рукъ. — «Онъ глупый, безтолковый Щелкунъ, сказалъ Оедя; хочетъ орѣхи грызть, а зубы плохіе, и кусаться нечѣмъ; — да и ремеслу-то своему видно не умѣлъ выучиться. Подай его сюда, Маша! пусть щелкаетъ мнѣ орѣхи, пока и остальные зубы вывалятся, и борода пусть совсѣмъ отвалится, онъ ни на что не годенъ.» — Нѣтъ, нѣтъ! со слезами отвѣчала Маша, не дамъ я тебѣ моего добраго Щелкуна! посмотри, какъ жалко онъ на меня смотритъ, показываетъ свой больной, беззубый ротикъ! — Ты жестокой человекъ, Оединъ-ка! ты бѣешь лошадей своихъ, и пожалуй не задумаешься застрѣлить до-смерти кого-нибудь изъ солдатъ своихъ. — «Ты этого дѣла не разумѣешь, я исполняю то, что велитъ долгъ службы»;

а Щелкуна подай сюда, онъ и мнѣ столько же принадлежить, сколько тебѣ.» — Маша горько заплакала и спѣшила завернуть раненаго Щелкуна въ носовой свой платокъ. Отецъ, мать и дядя Дросельмейеръ подошли къ нимъ. — Дросельмейеръ сталъ оправдывать Оединьку, но отецъ сказалъ: «Я самъ отдалъ, Щелкуна подъ особенное покровительство Машѣ; по случаю болѣзни своей онъ имѣетъ въ немъ необходимую нужду, слѣдовательно Маша вольна располагать имъ, какъ ей угодно. А отъ тебя, Оедя, мудрено мнѣ, что ты требуешь службы отъ человѣка, вовсе неспособнаго служить. Ты знаешь и по военному уставу, что раненыхъ въ строй не ставятъ.» — Оединькѣ стало стыдно; не заботясь больше о Щелкунѣ, пошелъ онъ тихимъ шагомъ къ другому концу стола, гдѣ отведена была ночная квартира его гусарамъ, и гдѣ стояли передовые ихъ посты. — Маша отыскала выломанные

зубы, сняла съ себя бѣлую ленточку, подвязала ею бороду маленькому Щелкуну, который поблѣднелъ отъ боли и испугу, и еще тщательно завернула его въ платочекъ. — Такъ держала она его на рукѣ, и начала тихонько, пока рассматривала картины въ прекрасной книжкѣ, доставшейся ей вмѣстѣ съ другими подарками; она даже разсердилась (а обыкновенно Маша никогда не сердилась), когда дядя Дросельмейеръ на нее засмѣялся и спросилъ: какъ можетъ она такъ лелѣять сквернаго, безобразнаго мужичка? — Въ эту минуту пришло ей въ голову то сходство съ Дросельмейеромъ, которое поразило ее при первомъ взглядѣ на маленькаго ея любимца, и она отвѣчала очень важнымъ тономъ: «Кто знаетъ, Дядя! если бы ты также нарядился, какъ мой милый Щелкунчикъ, если бѣ и ты надѣлъ такіе же прекрасные сапожки, кто знаетъ, можетъ и ты сталъ бы такой же хоро-

шенькій, какъ онъ». — Маша совсѣмъ не поняла, чему такъ громко захохотали ея родители, почему у Статскаго Совѣтника Дросельмейера покраснѣлъ носъ, и почему онъ одинъ пересталъ смѣяться. Видно у нихъ были на все это особенныя причины.

ЧУДЗГА.

Въ домъ Коллежскаго Совѣтника Штальбаума въ комнату, которая была передъ спальней, на лѣво отъ двери, стоялъ во всю стѣну высокій, стеклянный шкафъ, куда дѣти ежегодно прятали свои сокровища. Луиза была еще маленькая, когда отецъ заказалъ этотъ шкафъ очень искусному столяру; въ немъ полки были бѣлыя, налакированные, и всѣ игрушки за стеклянными его дверцами казались лучше даже, нежели въ рукахъ. На самой верхней полкѣ, до которой ни Маша, ни Оединька достать не могли,

устанавливались искусныя игрушки дяди Дросельмейера. Полка подъ нею была назначена для картинъ и книгъ, а на двѣ нижнія полки Ёдинька и Маша могли ставить все, что имъ было угодно; случилось всегда такъ, что Маша поселяла своихъ куколъ въ самомъ нижнемъ этажѣ, а Ёдинька надъ ними располагалъ зимнія квартиры своимъ войскамъ. Такъ и теперь: пока Ёдинька устанавливалъ своихъ гусаровъ на вышней полкѣ, Маша на самой нижней положила Лизхенъ къ сторонкѣ; новую, парадную куклу свою посадила въ прекрасно меблированную комнату, и разложивши всѣ лакомства, пригласила себя къ ней на балъ. Я сказалъ, что комната была очень хорошо меблирована, и сказалъ правду; не знаю, есть ли у тебя, моя милая слушательница Маша, также какъ у маленькой Маши, Штальбаумъ, прекрасный маленькій диванъ, четыре маленькія кресла, шесть стульевъ, всѣ голубою бомбою

обитые, круглый, чайный столикъ и красивая съ занавѣсомъ кровать, на которой могутъ отдыхать красавицы? — Все это стояло у Маши въ углу шкафа, стѣны въ этомъ мѣстѣ увѣшаны были разными картинками, и вы представить себѣ можете, что эта комната очень понравилась новой куклѣ, которую, какъ въ тотъ же вечеръ узнала Маша, зовутъ Мамзель Адель.

Было поздно. Дядя Дросельмейеръ давно ушелъ домой, а дѣти все еще не могли отойти отъ ~~офиса~~ стекляннаго шкафа, хотя Маминька нѣсколько разъ уже посылала ихъ спать. Это правда, сказалъ наконецъ Оединька, бѣдному народу нуженъ покой (онъ думалъ о своихъ гусарахъ); а покуда я на нихъ глядѣть буду, ни одинъ и вздремнуть не посмѣетъ. Съ этимъ словомъ онъ отправился спать. Маша просила у Маминьки позволенія еще немножко остаться; ей многое нужно было убрать, а послѣ общала тотчасъ

уйдти въ постелю. Маша была тихая и разумная дѣвочка, Маминька могла оставить ее одну съ игрушками; но для того, чтобы Маша заигравшись не забыла погасить стоящихъ около шкафа свѣчекъ, Маминька сама всѣ ихъ потушила; осталась одна лампа, которая висѣла посреди комнаты, и разливала по ней тихій и слабый свѣтъ. «Приходи же скорѣе, Маша,» сказала Маминька, затворяя за собою двери, «а то завра вставать будетъ трудно.»

Какъ скоро Маша осталась одна, то спѣшила заняться тѣмъ, что у нея было на сердцѣ, и чего даже при Маминькѣ дѣлать ей не хотѣлось. Тихонько положила она больного Щелкунчика на столъ, распеленала платокъ, и осмотрѣла его рану. Щелкунъ былъ очень блѣденъ, однако, такъ ласково и жалко улыбался, что у Машиньки совсѣмъ сжалось сердце. «Ахъ, милый Щелкунчикъ,» сказала она ему тихо, не «сердись на брата Ѳединьку, что

онъ тебя такъ больно ранилъ; онъ право добрый мальчикъ, и только отъ солдатской жизни своей сталъ немного жестокосердъ. Я буду за тобой ходить, пока ты совсѣмъ выздоровѣешь, а дядя Дросельмейеръ вставить тебѣ зубы и исправить горбатое плечо.» — Больше говорить Маша не могла, потому что при имени Дросельмейера Щелкунъ скривилъ ротъ и страшно заблестѣлъ глазами. Маша не успѣла еще порядочно испугаться, а добрый Щелкунъ опять ужъ смотрѣлъ на нее ласково, и Маша догадалась, что сквозной вѣтеръ подулъ на лампу и пробѣжавшая тѣнь скривила такъ лице Щелкуна. — «Не глупая ли я дѣвочка? Чего я испугалась? Ну, могутъ ли деревянные куклы дѣлать гримасы? — Я буду лелѣять своего Щелкунчика, и ходить за нимъ, и лечить его.» — Съ этимъ словомъ Маша опять взяла на руки Щелкуна, подошла къ стеклянному шкафу, сѣла подлѣ не-

го на полъ, и такъ говорила новой своей куклѣ: «Прошу васъ, Мамзель Адель, уступите вашу постелю раненому больному челѣвѣку; перейдите сами на диванъ; вѣдь вы совсѣмъ здоровы; это видно по вашимъ толстымъ, краснымъ щекамъ. Есть много превосходныхъ куколъ на свѣтъ, которымъ негдѣ взять и такого мягкаго дивана.»

Мамзель Адель гордо лежала въ полномъ блескѣ своего праздничнаго наряда и не отвѣчала ни полслова. Напрасно я такъ церемонюсь, сказала Маша; вынула кроватку, уложила на неѣ милаго своего Щелкунчика, покрыла его наряднымъ своимъ поясомъ, и тихонько укутала почти до самаго носа. «Не надобно тебѣ оставаться на одной полкѣ съ чванной Аделью!» сказала она потомъ, и поставила кроватку съ больнымъ Щелкуномъ на верхнюю полку, подлѣ прекрасной деревни, гдѣ квартировали Оединькины солдаты. Тутъ Маша заперла шкафъ и

хотѣла идти въ спальню; вдругъ, — слушайте, дѣти! — что-то — тихонько, — тихонько зашевелилось, зашептало и заворочалось всюду кругомъ: за печкой, за стульями, за шкафомъ; — стѣнные часы зашипѣли громко, однако не били; большая, вызолоченная сова, которая на нихъ сидѣла, опустила длинныя свои крылья такъ низко, что закрыла почти маятникъ, и далеко вытянула свою гадкую кошачью голову съ кривымъ носомъ. Громче зашипѣли часы, и Маша могла ясно разобрать слѣдующія слова: часы, часы, часъ, часъ! тише! чтобъ не слышно васъ! — Царь мышинный вѣдь не глухъ; пойте пѣсенки не вслухъ. Пумъ, бурумъ, и пумъ, пумъ! пумъ! Колоколчикъ зазвѣнитъ, и судьбу его рѣшить? — И пумъ, пумъ, тихо и сипло пробили часы двѣнадцать. Машѣ было очень страшно; она хотѣла уйти, и вдругъ увидѣла, что вмѣсто совы сидитъ на часахъ дядя Дросельмейеръ, и желтый кафтанъ его, вмѣсто

совиныхъ крыльсѣвъ, висить по обѣимъ сторонамъ маятника. Она сквозь слезы закричала ему: «Дядя Дросельмейеръ! Дядя Дросельмейеръ! за чѣмъ ты взлѣзъ на часы? сойди сюда ко мнѣ и перестань пугать меня?» — Тутъ пуще поднялся шорохъ, и свистъ, и шумъ по всей горницѣ кругомъ, и тихій топотъ за стѣнами, какъ будто ходятъ тысячи маленькихъ ножекъ, а на полу изъ всѣхъ щелей свѣтятся тысячи маленькихъ свѣчекъ. — Однако это были не свѣчки? нѣтъ! это выглядывали чѣрные блестящіе глазки, и Маша увидѣла, что отсюда лѣзли и высовывались мыши; скоро по всей горницѣ: тротъ? тротъ! тротъ, топъ, топъ, топъ, скакали въ галопъ и бѣгали рысью толпы мышей, потомъ собрались въ кучу и установились въ строй, какъ солдаты Оединькины, когда онъ ихъ готовить въ сраженіе. — Машѣ это показалось очень смѣшно; и какъ она, подобно многимъ другимъ дѣтямъ, мышей не

боялась, то первый испугъ ея навѣрно прошелъ бы, еслибъ за ней кто-то не засвисталъ такъ рѣзко и такъ звонко, что у нея морозъ пошелъ по кожѣ. — Что-жь наконецъ увидѣла она? — Нѣтъ, почтенный мой читатель Оединька, хотя я знаю, что ты также не трусливъ и также отваженъ, какъ мудрый и храбрый полководецъ Оединька Штальбаумъ, однакоже увѣренъ, что ты убѣжалъ бы въ постелю, и закупалъ бы носъ въ одѣяло, еслибъ увидѣлъ то, что увидѣла Маша. Бѣдная Маша убѣжать не могла, потому что — слушайте же, дѣти! — Прямо подъ ея ногами, какъ будто какой-то подземной силой движимыя, посыпались извѣстка, песокъ и кирпичъ, и семь мышинныхъ головъ, съ ужаснымъ визгомъ и пискомъ выкарабкались изъ скважинки пола. Потомъ мышинное туловище, на которомъ прикрѣплены были эти семь головъ, стало вылѣзать по немногу изъ половой щели. Все мышин-

ное войско, общимъ, троекратнымъ восклицаніемъ привѣтствовало большую мышъ, потомъ все подвиглось; — тихо, тихимъ шагомъ: тротъ, тротъ, тротъ! — и ахъ! прямо къ шкафу, прямо къ тому мѣсту, гдѣ стояла Маша, прижавшись къ стеклянной его дверцѣ. Отъ страха и волненія, сердце у Маши такъ крѣпко билось, что она боялась, чтобъ оно не выпрыгнуло совсѣмъ изъ груди вонъ, и тогда ужъ непременно пришлось бы ей умереть; однако, вдругъ сердце биться остановилось. и кровь какъ будто совсѣмъ перестала по жиламъ течь, Почти безъ чувствъ прислонилась она назадъ, и пррр — клирръ! клирръ! — звонко покатились стекла шкафа изъ-подъ ея локотка. Она почувствовала сильную боль въ лѣвой рукѣ, на сердцѣ однако же стало ей легче, въ ушахъ звонъ и свистъ перестали раздаваться, все утихло, и хотя она взглянуть была еще не въ силахъ, но подумала, что мыши ис-

пугались звуку разбитыхъ стеколъ и убѣжали въ свои норы. — Но что же вышло? Въ шкафу, за Машей, страннымъ образомъ все зашевелилось, и тоненькіе голоса говорили: «Пора въ бой! — сонъ долой! — станемъ въ строй! — бодро въ бой!» — И при этихъ словахъ раздавался тихій, пріятный набатъ колокольчиковъ. — Ахъ, радостно вскрикнула Маша, это играетъ моя гармоника, и повернулась къ шкафу смотрѣть, что тамъ происходитъ. — А тамъ въ шкафу возня, суета, хлопоты. Всѣ куклы бѣгали взадъ и впередъ, вооружались и храбро махали маленькими руками своими не щадя другъ друга. Вдругъ Щелкунъ поднялся съ постели, сбросилъ съ себя одѣяло и громко воскликнулъ: «Щолкъ! щолкъ! — Глупый толкъ! — Мышиный полкъ! — Всѣмъ щелчка? Трата-та!» Тутъ выдернулъ онъ изъ ноженъ маленькую свою саблю и махая ею по воздуху, произнесъ громогласно: «Любезные мои

друзья и братья, хотите ли помогать мнѣ въ опасности смертельной?» — Тотчасъ четыре Трубочиста, одинъ Паяцъ, два Скомороха, два Скрыпача, три Сбитеньщика и одинъ Барабаныщикъ, въ одинъ голосъ воскликнули; «Ради съ тобой! на смерть и бой!» — и бросились къ восторженному Щелкуну, который въ пылу отваги собрался было вмѣстѣ съ ними спрыгнуть съ верхней полки прямо на полъ! — Да! — имъ хорошо прыгать! на нихъ шелковые и суконныя платья, да и внутри то ничего нѣтъ, кромѣ хлопчатой бумаги и отрубей, они всѣ и бухнули преблагополучно на полъ, какъ шерстяные клубки. А бѣдный Щелкунъ, онъ конечно сломалъ бы себѣ и руки и ноги! Посудите сами! Полка, на которой онъ стоялъ, была отъ пола слишкомъ на два аршина, а все его тѣло такое вытянутое, неподвижное, прямое, какъ будто выточено изъ липоваго дерева. Щелкунъ конечно разбился бы въ прахъ,

еслибъ въ то время, какъ онъ прыгалъ съ верхней полки, Мамзель Адель не скочила съ своего дивана и не обхватила героя съ обнаженной саблей мягкими своими руками. «Ахъ, ты добрая, милая Адель!» со слезами сказала Маша; «какъ я напрасно тебя давеча обвинила! Конечно ты сама отдала бы постель свою нашему другу, Щелкунчику!» — Мамзель Адель не отвѣчала Машѣ, но прижимая героя къ шелковой груди, ласково ему говорила. «Для чего тебѣ, герой, пускаться въ такія опасности? Ты раненъ и слабъ! Смотри отсюда на твоихъ друзей, какъ они храбро готовятся къ сраженію и побѣдѣ? Паяцъ, Скоморокъ, Сбитеньщики, Трубочисты, Скрыпачи и Барабанщики, всѣ уже внизу, всѣ сахарныя куклы на моей полкѣ видимо встаютъ и ополчаются? Отдохни герой, въ моихъ объятіяхъ, или съ высоты атласной моей шляпки смотри на ожидающую тебя побѣду.» — Такъ говорила

Мамзель Адель, но Щелкунъ болталъ ногами такъ нетерпѣливо, что Мамзель Адель принуждена была его поставить на нижнюю полку. — Лишь только Щелкунъ очутился на ногахъ и на своей волѣ, тотчасъ сталъ на одно колѣно и тихимъ голосомъ прошепталъ ей: «Благодарю тебя, красавица! Никогда не забуду твоего великодушнаго участія!» — Мамзель Адель поклонилась очень низко, подняла Щелкуна, и снявши съ себя поясъ, вышитый фольгой и золотой канителью, хотѣла надѣть его на шею рыцаря, но онъ отступилъ два шага, положилъ на грудь руку, и торжественно сказалъ: «Нѣтъ! нѣтъ, красавица! — не могу я принять твоего дара! у меня...» Тутъ вздохнулъ онъ глубоко, сорвалъ съ плеча бѣлую, замаранную ленточку, которой Маша обернула его, сдѣлавъ изъ нея себѣ черезъ плечо рыцарскую перевязь, и поднявши вверхъ свѣтящуюся саблю, перепорхнулъ, какъ птичка, че-

резъ нижнюю перекладинку шкафа. — За-
мѣчаете ли вы, дорогіе мои слушатели,
что Щелкунъ еще не оживши, въ де-
ревянномъ состояніи своемъ, чувствовалъ
какъ Маша съ нимъ дружно и ласково
обходилась? и потому не захотѣлъ при-
нять блестящаго пояса Адели, что самъ
всѣмъ сердцемъ полюбилъ добрую Машу.
Какъ рыцарь вѣрный, Щелкунъ охотнѣе
надѣлъ дурную Машину ленточку, не-
жели нарядный красавицынъ поясъ. —
Ахъ, что-то будетъ дальше! Щелкунъ
бросился впередъ; свистъ, шорохъ и
шипѣнье снова слышались всюду. —
Подъ большимъ столомъ, на срединѣ
комнаты стоящимъ, собрались несмѣтные
полки негодныхъ мышей. — Гадкая семиго-
ловая мышь стояла впереди и пред-
водительствовала всѣми. — Ахъ что-то
будетъ! —

СЛАЖИТЕ.

«Вѣрный мой барабанщикъ!—закричалъ Щелкунъ, ударъ тревогу! бей генеральный маршъ!» — и барабанщикъ тотчасъ началъ такъ громко барабанить, что всѣ стекла дрожали въ шкафу. А внутри шкафа поднялся стукъ, трескъ, визгъ: Маша видѣла какъ проворно слетали крышки съ тѣхъ ящиковъ, въ которыхъ квартировали Оединькины солдаты, какъ солдаты прыгали на нижнюю полку, становились тамъ въ строй и формировались въ полки. Щелкунъ бѣгалъ передъ войскомъ взадъ и впередъ, и вдохновительными рѣчами старался одушевить его. «Что же это?» — вскричалъ онъ наконецъ — «почему ни одинъ Трубачъ не трубить?» — Потомъ быстро оборотился къ Паяцу, который стоялъ поблѣднѣвши немного, и удерживая сильное дрожанье длинной бороды своей, и торжественнымъ голосомъ сказалъ: «Генералъ! мнѣ

извѣстны ваша храбрость и ваша опытность! Намъ необходимо пользоваться благопріятной минутой, — поручаю вамъ командовать Кавалеріей и Артиллеріей. — Лошади вамъ не пужно: у васъ ноги длинные, на нихъ галлопировать вамъ удобно! — Исполняйте долгъ вашъ!» — Паяцъ поклонился, не медля поднесъ длинные пальцы свои ко рту и запищалъ такъ пронзительно, что цѣлая сотня самыхъ звонкихъ трубъ не могла бы съ этимъ пискомъ сравниться. Въ шкафу поднялся шумъ и топотъ, Оединькины Кирасиры и Драгуны, а впереди всѣхъ новые блестящіе Гусары пустились вскачь по нижней полкѣ, а потомъ и по полу. Каждый полкъ проскакалъ мимо рыцаря Щелкуна, съ распущеннымъ знаменемъ, съ барабаннымъ боемъ, и примкнувши къ одной стѣнѣ, расположился въ боевой порядокъ. — Съ ужаснымъ громомъ примчались Оедины пушки съ пушкарями; — бумъ! бумъ! бумъ! — Вотъ Маша видитъ,

что всѣ анисовые шарики, и обсахаренный горошекъ, и прочія круглыя конфекты, оставшіяся отъ праздника, полетѣли въ густую толпу мышей, обсыпали всѣхъ бѣлымъ порошкомъ и мышамъ стало стыдно. Тяжелая артиллерія, установленная на шитой Маминькиной скамѣйкѣ, больше прочаго приносила вреда мышамъ: клеевые шарики и пряничные орѣхи жестоко ихъ беспокоили. — Между тѣмъ мыши тихо и храбро все больше и больше подавались впередъ, овладѣли уже нѣсколькими пушками: — бумъ, бумъ! — прр! — прр! — свистъ! визгъ! пыль! дымъ! — Маша ничего не могла различить, чтò происходило на полѣ битвы. Несомнѣнно было то, что оба войска сражались съ неслыханнымъ остервененіемъ, и побѣда долго колебалась. Мыши напирали массаами, толпа ихъ все больше и больше сгущалась, и Маша видѣла, что серебряныя пилюли изъ Папинькиной банки, которыми стрѣляли

мышь, начинаютъ уже долетать до стеклянныхъ дверей шкафа. Мамзель Адель и Лизхенъ въ отчаяніи бѣжали назадъ и впередъ, и ломали мягкія свои руки. — «Неужели мнѣ умереть въ такой цвѣтущей молодости? мнѣ, красавицѣ между куклами всего свѣта!» — кричала Мамзель Адель. — «Для того ли я такъ искусно сберегла красоту свою, чтобы съѣли меня мышь!» — кричала Лизхенъ. — Потомъ упали онѣ другъ къ другу въ объятія и ревѣли такъ громко, что голосъ ихъ заглушалъ и пушечную пальбу, и весь громъ жаркой битвы. — Того, что въ этой битвѣ происходило, рассказать я вамъ не берусь, да и вы сами, почтенные слушатели, врядъ ли въ состояніи это вообразить. Бумъ? бумъ! — Прр! Прр! Бумъ, бурумъ! — Пифъ! Пафъ! Тщщ! — Тщщ! — Пискъ мышей! звонкій визгъ Мышиного Царя! — Повелительный голосъ Щелкуна! Мужество, съ которымъ онъ проходилъ посреди батальоновъ, стоящихъ въ

огнь! и прочее, и прочее! — Паяц сдѣлалъ сначала двѣ счастливыя атаки кавалеріей, и покрылъ себя вѣчной славой, но Мышиная артиллерія настрѣляла вонючими своими шариками столько пятенъ на красныхъ мундирахъ Оединькиныхъ гусаръ, что красивые полки не могли рѣшиться идти впередъ. Паяц скомандовалъ имъ: на лѣво кругомъ! и въ жару восторга прокричалъ тоже Кирасирамъ и Драгунамъ; всѣ повернули на лѣво, т. е. въ шкафъ. Такое распоряженіе оставило совсѣмъ безъ защиты батарею, на скамѣйкѣ стоящую, и скоро значительный отрядъ грозныхъ мышей наперъ на батарею, и опрокинулъ пушкарей, и пушки, и даже скамѣйку. Щелкунъ въ смущеніи приказалъ правому крылу сдѣлать отступательное движеніе, а ты знаешь, мой, въ военномъ дѣлѣ опытный, слушатель, что отступательное движеніе все равно, что бѣгство, вмѣстѣ со мною пожалѣешь о несчастіи

маленькаго Машинькина любимца. — Отверни же взоры отъ этого бѣдственнаго зрѣлища, и посмотри на лѣвое крыло Щелкунова войска; тамъ все еще въ порядкѣ, и полководцы, и вся армія не теряютъ духа, и дерутся въ надеждѣ на совершенный успѣхъ. — Между тѣмъ мышиная кавалерія тихимъ шагомъ обѣхала комоду, и вдругъ съ ужаснымъ визгомъ бросилась на лѣвое крыло. Отчаянное сопротивленіе встрѣтило ея нападеніе. — Медленно, осторожно преодолевая всѣ трудности пути, конфектный корпусъ, подъ предводительствомъ двухъ Китайскихъ Императоровъ, выступилъ изъ предѣловъ шкафа и образовалъ правильное каре. — Это храброе и весьма пестрое войско, состоящее изъ множества Пастуховъ, Тирольцевъ, Тунгусовъ, Арлекиновъ, Амазонокъ, Купидоновъ, Львовъ, Тигровъ, Котовъ, Собакъ Обезьянъ и Попугаевъ, сражались съ отличнымъ хладнокровіемъ, и мужественною

неподвижностью. Спартанская непоколебимость этого резерва вѣроятно склонила бы побѣду на сторону Щелкуна, еслибъ одинъ отчаянный непріятельскій Ротмистръ не откусилъ головы одному изъ Китайскихъ Императоровъ, а тотъ въ паденіи своемъ не опрокинулъ двухъ Тунгусовъ и одного кота. Непріятель проскочилъ сквозь незамѣщенное пространство, и въ одно мгновеніе весь полкъ былъ переѣденъ. Значительный такой успѣхъ не могъ однако достаться непріятелю безъ малѣйшаго урона. Въ то время какъ одинъ изъ кровожадныхъ мышинныхъ кавалеристовъ перекусывалъ пополамъ храбраго своего противника, печатный конфетный билетецъ попалъ ему въ горло и задушилъ на мѣстѣ. — Войско Щелкуна отступало все больше и больше, все больше и больше теряло людей, и наконецъ Щелкунъ, съ маленькимъ отрядомъ своихъ тѣлохранителей, очутился у самой двери стекляннаго

шкафа, — « Выводите резервные корпуса! Генералы! Паяц! Барабанщикъ! гдѣ вы?» — Такъ кричалъ Щелкунъ, надѣясь, что новыя силы станутъ выступать изъ шкафа. На вызовъ его, послѣдніе пряничные люди, мужчины и дамы съ золочеными головами, руками и шляпами выступили на боевое поле, — только они такъ неловко сражались, что не попали ни разу въ непріятеля, и чуть было не сшибли шапки съ самаго предводителя своего, Щелкуна. — Непріятельскіе егеря скоро и этимъ перегрызли ноги, такъ что они всѣ повалились, и въ паденіи своемъ задавили большую часть тѣлохранителей Щелкуна. — Окруженный со всѣхъ сторонъ непріателемъ, Щелкунъ былъ въ великой опасности. Ему хотѣлось перепрыгнуть черезъ нижнюю перекладину шкафа, но короткія ноги мѣшали сдѣлать высокій прыжокъ. Лизхенъ и Мамзель Адель лежали въ обморокъ и не могли помочь ему. Гусары и Драгуны опрометью ска-

кали мимо его, перелетали через перекладину и спасались въ шкафъ, не слушая отчаяннаго голоса, съ которымъ Щелкунъ кричалъ имъ: «коня! коня! пол-царства за коня!» — Въ эту минуту два непріятельскіе стрѣлка схватили его за деревянную япанчу; — Царь мышиный съ радостнымъ пискомъ во всѣ семь горлъ своихъ прибѣжалъ на торжество. Маша была внѣ себя. «О бѣдный! бѣдный мой Щелкунъ!» вскричала она рыдая, и не помня себя, почти безъ сознанія схватила лѣвый башмакъ съ ноги и изо всей силы бросила его въ толпу мышей и въ Царя ихъ. Въ самое то мгновеніе все стихло и замолкло; Маша почувствовала жестокую боль въ лѣвой рукѣ, потѣмъ сильный обморокъ обхватилъ ее и она повалилась на полъ.

ВОЛѢВЪ.

Когда Маша очнулась отъ глубокаго, почти смертнаго сна своего, то увидѣла,

что лежала въ постели. Солнце ярко блестяло сквозь обледенѣлыя стекла окошекъ. Подлѣ ея кровати сидѣлъ чужой человѣкъ, въ которомъ она скоро узнала Доктора Вендельштерна. Докторъ сказалъ тихимъ голосомъ: «Теперь она проснулась!» — Тотчасъ подошла Маминька и заботливо смотрѣла на Машу. — «Ахъ, милая Маминька! лепетала тихонька Маша — «ушли ли мерзкія мыши? спасень ли Щелкунъ мой?» — Не говори тогого вздору, милая Машинька; что за нужда мышамъ до твоего Щелкуна? Ты сама, дурочка, ужасно насъ напугала. Видишь ли, что дѣти должны слушаться приказаній матери? Вчера ты слишкомъ поздно заигралась, вѣроятно задремала, какая нибудь мышка забралась сюда и тебя испугала; локтемъ ты разбила шкафъ, и такую глубокую разрѣзала себѣ рану, что Докторъ Вендельштернъ, который вынулъ изъ нея отломокъ стекла, боялся, чтобъ ты не изошла кровью. — Слава

Богу еще, что я встала ночью, увидѣла, что тебя нѣтъ на постели и пошла за тобою. Ты въ обморокъ лежала подлѣ шкафа, а изъ руки кровь такъ и текла. Около тебя разбросаны были Оединькины оловянные солдаты, много поломанныхъ конфектныхъ и пряничныхъ куколокъ; на раненой рукѣ лежалъ твой Щелкунчикъ, а недалеко брошенъ былъ твой лѣвой башмакъ.»— «Видите ли, Маменька, это слѣды большого сраженія, которое произошло между мышами и куклами; отъ того-то я такъ и испугалась, что мыши хотѣли взять въ плѣнъ Щелкуна, предводителя кукольнаго войска. Я бросила башмакъ свой въ мышей, чтобы защититъ его, а больше ничего ужъ и не помню!»— Докторъ Вендельштернъ кивнулъ матери головою, и мать сказала Мишинькѣ: «Оставь это, Маша! успокойся! мыши всѣ убѣжали, а Щелкунъ стоитъ въ шкафу въ добромъ здоровьѣ.»— Тутъ вошелъ въ комнату отецъ

Машинѣ, долго говорилъ съ Докторомъ въ полголоса, пощупалъ пульсъ у Маши, и она слышала слово: горячка! — Машѣ велѣли лежать въ постели и поили ее лѣкарствами; такъ прошло нѣсколько дней; кромѣ сильной боли въ рукѣ, Маша никакой болѣзни не чувствовала: она знала, что Щелкунъ здоровъ, не попался въ плѣнъ, и стоитъ въ шкафу; иногда казалось ей, будто она внятно слышитъ, какъ онъ жалобнымъ голосомъ говоритъ ей; «Маша, завѣтная моя красавица! ты спасла меня отъ плѣна! а теперь еще больше нужна мнѣ твоя помощь, отъ тебя спасенье!» — Маша много думала, что бы это было такое, и какъ ей спастись Щелкунчика, однакоже придумать не могла. Играть въ куклы ей было нельзя, потому что рука у нея очень болѣла, а если хотѣла читать книжку, или смотрѣть картинки, то въ глазахъ у нея такъ поыхало, и голова такъ вертѣлась, что принуждена была оставить книжку.

Отъ этого ей часто бывало скучно, и она съ большимъ нетерпѣньемъ ждала сумерекъ; тогда приходила къ ней Маминька и рассказывала сказки или читала какую нибудь интересную исторію. — Только что Маминька dokonчила прекрасную повѣсть о Принцѣ Факардинѣ, какъ дверь разстворилась и вошелъ дядя Дросельмейеръ. «Надобно же мнѣ взглянуть какова моя больная, раненая Машинька,» сказалъ онъ, подходя къ постели. — Лишь только Маша увидѣла дядю Дросельмейера въ желтоватомъ его сертукѣ, то вспомнила поступки его въ знаменитую ночь, когда Щелкунъ выдержалъ такое кровопролитное сраженіе, и съ жаромъ сказала ему: «Ахъ, Дядя! какой же ты дурной! — я видѣла тебя, когда ты на часы взлѣзъ и закрылъ ихъ крыльями, чтобъ они не громко били и не испугали мышей; я слышала какъ ты кричалъ мышиному Царю; — зачѣмъ не хотѣлъ ты придти на помощь моему Щелкуну? —

за чѣмъ не пришелъ на помощь ко мнѣ?— Дурной ты, ты, дядя, нехорошій! Ты одинъ виноватъ въ томъ, что я ранена, что такъ давно лежу больная въ постели!»—Мать испугалась, услышавъ такіе упреки, и заботливо спрашивала: «Что съ тобою, Маша? — Что ты?»— А дядя Дросельмейеръ скривилъ лице, и осиплымъ, мѣрнымъ, однозвучнымъ голосомъ запѣлъ: «Гиря шнурить тикъ, тукъ, такъ!— Перпендикуль сталъ на лады;— гиря шнуръ въ часахъ потише;— Царь мышинный ближе, ближе;— бумъ, бурумъ, часы да часъ;— куколка, не бойся насъ,— клингъ и клангъ, сова летитъ;— тихо колоколъ звѣнитъ;— чикъ да чукъ, да пикъ, да пакъ;— дѣвочка бросай башмакъ!»— Маша глядѣла на дядю Дросельмейера вытараща свои глазки: онъ билъ тактъ, поднимая и опуская правую руку точно какъ на пружинахъ кукла, и никогда еще не кривлялъ такихъ безобразныхъ гримасъ. Она точно-бы испу-

галась, еслибы не сидѣла подлѣ нея Маминька, и еслибъ Одея, который вошелъ вмѣстѣ съ дядей, не захохоталъ во все горло, громко закричавши: «Эй, дядя Дросельмейеръ! отъ чего ты такъ смѣшонъ сегодня? Ты точно также поднимаешь руки, какъ мой бочаръ, котораго я давно за печь забросилъ!» — Маминька совсѣмъ не улыбалась, а очень серьёзно сказала: «Что вы это выдумали, любезный сосѣдъ? Эта шутка совсѣмъ не смѣшна.» — «Развѣ вы не знаете часовщиковой пѣсни?» отвѣчалъ смѣючись Дросельмейеръ, «я всегда ее пою такимъ больнымъ, какъ Маша.» — Потомъ подсѣлъ къ Машинькиной постели и сказалъ: «Не сердись на меня, Маша, что я не выцарапалъ мышинному Царю всѣ его четырнадцать глазъ; мнѣ этого не лѣзя было сдѣлать; за то намѣренъ доставить тебѣ большое удовольствіе.» — Съ этимъ словомъ, Статскій Совѣтникъ Дросельмейеръ опустилъ руку въ карманъ, и тихонько, тихонько вынулъ оттуда —

Щелкуна, которому онъ вставилъ выломанные зубы и укрѣпилъ челюсть. Маша вскрикнула отъ радости, а мать, улыбаясь, сказала: «Видишь, что дядя Дросельмейеръ любитъ твоего Щелкуна.» — Статскій Совѣтникъ Дросельмейеръ продолжалъ: «Ты видишь, Маша, что Щелкунъ твой немного уродливъ, и довольно безобразенъ лицомъ; если хочешь, я расскажу тебѣ, какимъ образомъ это наслѣдственное безобразіе укоренилось въ его родѣ. Или ты, можетъ статья, знаешь сказку о Принцессѣ Пирлипатъ, колдунѣ Мышепрыгъ и знаменитомъ Часовщикѣ?» — «Послушай, Дядя!» перервалъ вѣтрый Одея, «зубы ты Щелкуну вставилъ, и бороду починилъ, за чѣмъ же снялъ его саблю? За чѣмъ, по прежнему, не виситъ у него сабли?» — «Эй, эй!» съ досадою отвѣчалъ Дросельмейеръ, «тебя спрашиваютъ, мальчишка, во все вмѣшиваться и все замѣчать! — Какая мнѣ нужда до Щелкуновой сабли? мое дѣло

вылечить его самого, а тамъ саблю доставай онъ себѣ какъ, и гдѣ захочетъ.» — Правда,» сказалъ Одея, «храбрый воинъ сдумаетъ добыть себѣ оружіе!» — «Ну, что же Маша!» продолжалъ Статскій Совѣтникъ, знаешь ты повѣсть о Принцессѣ Пирлипатъ!» — «Нѣтъ, не знаю; расскажи, милый дядя! расскажи!» — Надѣюсь, примолвила мать, что теперь ваша сказка не такая будетъ страшная, какъ тѣ, которыя вы обыкновенно рассказываете.» — «Напротивъ, Сударыня! сказка, которую буду имѣть честь вамъ рассказать, очень забавна.» — «Рассказывай! рассказывай, милый дядя!» — кричали дѣти, и господинъ Статскій Совѣтникъ Дросельмейеръ началъ такъ:

СКАЗКА

О КРОШКОМЪ ОРОЖЬѢ.

Мать Пирлипаты вышла за-мужъ за одного Короля, и потому сдѣлалась Королевой; Принцесса же Пирлипата

съ самой той минуты какъ родилась, родилась урожденной Принцессой, Король былъ виѣ себя отъ радости, смотрѣлъ на прекрасную дочь свою, плясалъ около ея колыбелки, прыгалъ на одной ногѣ и кричалъ разъ двадцать сряду: «Ура! вѣдаю-ли на свѣтѣ что-нибудь лучше моей Пирлипатки?»—Всѣ Министры, Генералы, Президенты, Гвардіи офицеры прыгали за Королемъ на одной ножкѣ и кричали: «Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, никогда!»—И въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ какъ свѣтъ стоитъ на этомъ свѣтѣ, не раждалось еще ребенка прекраснѣе прекрасной Принцессы Пирлипаты. Личико казалось соткано изъ лилейныхъ и розановыхъ нѣжныхъ листочковъ, глазки блестѣли какъ живые яхонты, а волосики золотыми кудрями вились на красивой головкѣ. Въ пунцовомъ ротикѣ бѣлѣлись два ряда острыхъ, жемчужныхъ зубовъ, такъ, что тотчасъ по рожденіи она укусила за палецъ, Государственна-

го Канцлера, и народъ съ восторгомъ узналъ, что въ мишенькомъ тѣльцѣ прекрасной Принцессы обитаетъ высокая, разумная душа. Всѣ въ Королевствѣ радовались и пировали. Одна Королева была грустна и безпокойна, но никто не могъ догадаться за чѣмъ?—Страшно казалось, что она сторожила колыбельку новорожденной, какъ птичку, только что пойманную рукою. У двери стояли драбанты; кромѣ двухъ главныхъ надзирательницъ, шесть нянюшекъ должны были ночь и день окружать колыбель, а всего мудренѣе было то, что каждой нянѣ приказано было держать на колѣнахъ большаго кота, и гладить по спинкѣ, чтобы онъ цѣлую ночь не переставалъ мурлыкать. Вамъ, милыя дѣти, невозможно отгадать, почему Пирлипатина мать принимала такія строгія предосторожности, а я знаю причину и расскажу вамъ. — Однажды собралось при дворѣ Короля, Пирлипатина отца,

очень много превосходныхъ Королей и любезныхъ Принцевъ, и по случаю этого сбора при дворѣ были блистательные праздники, и рыцарскія игры, и комедіи, и придворные балы. Королю захотѣлось выставить все серебро и золото, которое хранилось въ его сокровищницахъ, и потому задумалъ дать имъ праздникъ съ сюрпризомъ. — И такъ, посоветовавшись втайнѣ съ Оберцеремоній-мейстеромъ, и съ своимъ Казнохранителемъ, рѣшился дать полный, огромный, колбасинскій пиръ, бросился въ карету, и самъ своелично пригласилъ всѣхъ Королей и Принцевъ, — только на ложку супу. Потомъ возвратился домой, и ласково говорилъ Королевѣ: «Любезная моя Королева! ты знаешь какъ я люблю колбасы!» — Королева знала уже, что значить такое Королевское слово, и покорно отправилась заниматься собственноручно важнымъ, колбасинскимъ дѣломъ. Казнохранитель выдалъ на кухню

большой золотой котелъ для колбасъ, и множество большихъ серебряныхъ кастрюль. Королева подвязала парчевой фартукъ, и скоро понёслось по кухнѣ благовоніе колбаснаго супа. Пріятный запахъ проникъ до самыхъ покоевъ, гдѣ находился Государственный Совѣтъ, и наполнилъ всѣ головы и всѣ души насладительнымъ ожиданіемъ. Король не могъ одолѣть своего восторга; внѣ себя побѣжалъ на кухню, обнялъ Королеву, помѣшалъ кипящее въ котлѣ кушанье, и, успокоившись, возвратился въ Государственный Совѣтъ. Наступила важная минута! Ветшинное сало, маленькими кусками наръзаное, надѣтое на длинныя серебряныя вилки, поспѣло къ поджариванію, и готовилось влѣзть въ огонь! Придворныя дамы отступили съ благоговѣніемъ; Королева, исполненная преданности и уваженія къ супругу, сама сунула вилки въ печь. Лишь только сало затрещало въ огнѣ, тоненькій пискливый го-

лосокъ сказалъ: «Дай и мнѣ жаркаго, сестрица! — и я хочу пировать. — Вѣдь и я Королева! Дай мнѣ жаркаго!» — Королева догадалась, что съ нею разговариваетъ Г-жа Мышепрыга. Г-жа Мышепрыга давно уже жила подъ печкой въ Королевскомъ дворѣ. Она почитала себя родственницей Королю и Государыней Мышгольскаго Государства, почему всегда подъ очагомъ окружена была очень большою толпою придворныхъ. Королева была очень добродушна, и хотя не считала Г-жу Мышепрыгу роднею, и равною себѣ Государыней, однако не захотѣла, по случаю Царскаго пира, отказать ей въ ветшинномъ салѣ, и закричала въ отвѣтъ ей: «Выдьсюда, Г-жа Мышепрыга; милости прошу отвѣдать моего шпеку!» — Г-жа Мышепрыга проворно и весело выпрыгнула изъ-подъ печки, вспрыгнула на очагъ, и маленькими лапками своими чинно брала ветшинное сало, которое подавала ей сама Королева. Но на бѣду, за Мышиной Ца-

рицей выскочили всѣ зятья и кумовья, и родственники ея за ними семь родныхъ ея сыновей, негодныхъ повѣсь; за ними толпа придворныхъ. — Напрасно Королева старалась спасти и защитити ветшинное само: они бросились на него всѣ вдругъ, и не оставили бы ни куска, еслибъ не подоспѣла Оберъ-Гофмаршалша, и не пособила отогнать прожорливыхъ гостей. Сама осталось такъ немного, что принуждены были послать за придворнымъ Математикомъ, и соображаясь съ его выкладками, раздѣлили его по колбасамъ.

Ударили бубны, трубы и литавры. Всѣ Государи, Принцы и Короли, въ праздничныхъ платьяхъ, отправились на колбасный пиръ, кто верхомъ на бѣломъ конѣ, кто въ хрустальной каретѣ. Король принялъ ихъ съ сердечнымъ радушіемъ, и чтобы лучше угостить, сѣлъ за столомъ на первое мѣсто. — Начали подавать печеночныя колбасы — Король поблѣднѣлъ и поднималъ глаза къ небу: --

тихіе вздохи стѣсняли грудь его; тайная скорбь закралась въ его внутренность. — Подали кровяныя колбасы! — Тутъ уже не въ силахъ онъ былъ долѣе крѣпиться! Рыдая и всхлипывая упалъ онъ на кресла, закрылъ лице руками и ревѣлъ громко. — Всѣ выскочили изъ за стола, придворный Медикъ напрасно старался схватить Короля за пульсъ; онъ не поддавался его усиліямъ; глубокая горестъ раздирала его душу. Наконецъ послѣ долгихъ увѣщаній, истощивши всѣ самыя сильныя средства, какъ на примѣръ: куренье жженными перьями, и пр., Король началъ по немногу приходить въ себя, и едва слышнымъ голосомъ пролепеталъ слѣдующія слова: «Мало шпеку!» — Тогда безутѣшная Королева бросилась къ ногамъ его и въ отчаяніи вопила: «О бѣдный мой, несчастный супругъ! — О какая скорбь постигла тебя! — Воззри на виновную: она лежитъ у ногъ твоихъ! — Суди! Казни! —

Казни строгою казною, я заслужила ее! — Ахъ! Г-жа Мышепрыга, сыновья ея, кумовья ея, зятья ея, родные ея. Ахъ! они съѣли мой шпекъ!» — При сихъ словахъ упала она въ обморокъ. — Король, пораженный гнѣвомъ, вскочилъ и закричалъ: Гжа Обергофмаршальша! какъ могло это случиться?» — Тутъ Обергофмаршальша рассказала все, что знала и что видѣла, и Король рѣшился выместить Мышепрыгъ весь шпекъ, который она выѣла изъ колбасъ его. Не медля созвали Тайный Государственный Совѣтъ, и положили отдать подъ судъ Гжу Мышепрыгу и описать въ казну все ея имѣніе. Король хотя былъ доволенъ рѣшеніемъ, но она-сался проволочки, и того, чтобы Мышепрыга, пользуясь временемъ, не продолжала ѣсть шпекъ изъ колбасъ его; въ слѣдствіе чего сѣвшилъ передать все производство дѣла Придворному часовыхъ дѣлъ мастеру и Арканисту. Этотъ

часовыхъ дѣлъ мастеръ назывался, также какъ и я, Христьянъ Дросельмейеръ, и общался, посредствомъ одной чудной дипломатической операціи, выжить изъ дворца Г-жу Мышепрыгу и всю родню ея. Въ слѣдствіе этого общанія изобрѣлъ онъ маленькія искусныя машинки, внутри которыхъ развѣсилъ жареное ветшинное сало на тоненькихъ ниточкахъ, и которыя разставилъ около жилища Г-жи Мышепрыги. — Мышепрыга была слишкомъ умна и прозорлива, чтобъ не догадаться, что въ этихъ приманкахъ таятся хитрыя козни Дросельмейера, но всѣ ея предостереженія и увѣщанія не послужили въ пользу пылкому семейству ея. Привлеченные вкуснымъ запахомъ жаренаго сала, всѣ семь сыновъ ея, многіе зятья, кумовья и сваты, пошли къ Дросельмейеровымъ машинкамъ, и лишь только дотронулись до благовоннаго кусочка, прихлопнуты были запоркой, взяты въ плѣнъ, и каз-

нены въ кухнѣ, всѣ безъ пощады. Г-жа Мышепрыга съ малымъ числомъ ей преданныхъ, оставила навсегда позорное мѣсто. Скорбь, отчаяніе, месть, терзали грудь ея. Весь дворъ торжествовалъ побѣду; одна Королева не могла скрыть своего безпокойства: она знала чувствительный характеръ Г-жи Мышепрыги, знала, что она не оставитъ безъ отмщенія смерть дѣтей своихъ и родственниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, однажды случилось, что Королева варила любимую Королевскую похлебку, и очень занялась ею на кухнѣ, вдругъ передъ нею явилась Г-жа Мышепрыга и сказала: «Сыновья мои, — кумы и кумовья, — зятя и невестки, всѣ погибли здѣсь злою смертию; погибли по милости твоей; берегитесь, Королева, берегись! — смотри какъ бы мышиный Царь не перегрызъ и твою будущую Принцессочку! — Берегись. — Съ этими словами она исчезла. Королева такъ сильно испугалась, что

уронила въ огонь похлебку, и въ другой разъ, по милости Мышепрыги, привела въ гнѣвъ обожаемаго Короля своего.— Довольно однако же на сегоднѣшній вечеръ, завтра доскажу остальное.

Маша прилежно слушала повѣсть; и про себя думала многое, другое, долго упрашивала она дядю Дросельмейера продолжать разсказъ, онъ никакъ не согласился и вскочилъ, говоря: «Вдругъ много, нездорово; завтра доскажу остальное.» И съ этимъ отвѣтомъ пошелъ вонъ изъ комнаты. Одея въ дверяхъ остановилъ его и сказалъ ему: «Скажи пожалуйста! въ самомъ дѣлѣ ты выдумалъ мышеловки? — «Можно ли такія глупости спрашивать?» вскричала мать; а Г-динъ Статскій Совѣтникъ засмѣялся и тихо отвѣчалъ ему: «Развѣ я не искусный часовой мастеръ? а часы дѣлать мудренѣе, чѣмъ выдумать мышеловки.»

ПРОДОЛЖЕНИЕ

~~СКАЗКА~~ О КРЫШКОМЪ ОРЪЖЬ.

Теперь, вы дѣти, знаете, продолжалъ на другой день Статскій Совѣтникъ Дросельмейеръ, почему Королева такъ тщательно охраняла прекрасную принцессу Пирлипату. Она того и глядѣла, что Мышепрыга исполнить свои угрозы и перегрызетъ принцессу пополамъ до смерти. Дросельмейеровы дипломатическія машины не пугали разумную Мышепрыгу. Между тѣмъ, придворный Астрономъ, который въ то-же время былъ придворный тайный Оберъ-вѣщунъ, узналъ по теченію звѣздъ, что семейство Кота Шнура обладаетъ способностью отдалять всякую опасность отъ колыбели дивной принцессы. Для того то и вѣрно было всѣмъ нянюшкамъ держать на колѣнахъ, каждой по сыну изъ сей знаменитой фамиліи: всѣ они служили при дворѣ Совѣтниками По-

сольства; приличное глаженье спины, и щекотанье шейки, услаждали имъ тяжесть государственной службы.—Однажды, было уже за полночь, вдругъ одна изъ главныхъ надзирательницъ, сидѣвшая у колыбели, вздрогнула какъ будто проснувшись отъ сна;—смотреть—все вокругъ нея погружено въ глубокий сонъ;—слушаетъ—мертвое молчанье; ни мурлыканья! ни пѣсенъ! одно только тихое точенье червяка въ стѣнѣ.—Но каково-же было ея положеніе, когда нагнувшись къ колыбели, увидѣла она большую, гадкую мышь, которая стояла на заднихъ лапкахъ, и мерзкую свою голову положила прямо на личико маленькой принцессы. Громкій вопль ужаса перебудилъ всѣхъ; Г-жа Мышепрыга проворно отпрыгнула въ дальній уголъ комнаты; Совѣтники Посольства со всѣхъ колѣнъ спрыгнули и опрометью бросились за ней въ погоню;—но поздно!—При первой щели исчезла Мышепры-

га! — Пирлипата проснулась отъ шуму и заревѣла громко. «Она жива!» закричали нянюшки съ радостью, «она жива!» Но можно-ли описать ихъ страхъ, когда онѣ увидѣли и освидѣтельствовали, какое дѣйствіе посѣщеніе Мышепрыги произвело надъ красотою прекрасной Пирлипаты? — На мѣсто блорозовой головки, съ золотыми кудрями, очутилась толстая, безобразная головища, на крошечномъ, сросшемся туловищѣ, лазоревые глазки превратились въ зеленые, вытаращенные, тусклые буркалы; пунцовый ротикъ разѣхался отъ одного уха къ другому. Королева едва не умерла съ горя; а Государственный Совѣтъ въ самой скорости обилъ кабинетъ короля обоями на ваткѣ, чтобы онъ не разшибъ себѣ лба объ стѣну, когда въ отчаяніи станетъ стучаться то объ ту, то объ другую сторону комнаты, приговаривая: «О я, несчастный!» — Король могъ ясно видѣть, что лучше-бы ку-

шать колбасы безъ шпеку, а мышиную матку со всѣмъ дворомъ ея спокойно оставить подъ очагомъ: но онъ совсѣмъ не хотѣлъ этого видѣть, и всю вину сложилъ на придворнаго часоваго мастера и Арканиста, Христіана Дросельмейера, изъ Нюрнберга. Въ слѣдствіе чего издалъ онъ мудрый указъ слѣдующаго содержанія: «Дросельмейеръ долженъ въ теченіи четырехъ недѣль непременно изцѣлить принцессу Пирлипату, или по крайней мѣрѣ отыскать неложное и вѣрное средство возвратить ей прежнюю красоту; въ противномъ-же случаѣ, оный Дросельмейеръ, за неисполненіе, осуждается на смертную казнь.» — Дросельмейеръ чрезвычайно испугался, услышавши такой приговоръ, но какъ дѣлать было нечего, то положился онъ на свои свѣдѣнія и приступилъ къ нужнѣйшимъ операціямъ. Во первыхъ, самымъ искуснымъ образомъ разложилъ онъ на части принцессу Пирлипату, и

весьма осторожно рознялъ всю по составамъ, для осмотра внутреннихъ пружинъ; тутъ увидѣлъ онъ тотчасъ, что чѣмъ больше она выростать станетъ, тѣмъ безобразнѣе и уродливѣе становится будетъ, а какъ этому пособить, не могъ онъ придумать средства. Тщательно сложилъ онъ опять вмѣстѣ всю принцессу, и впалъ у колыбели ея въ глубокую тоску. Прошло три недѣли, и на четвертой наступила уже середина, — вдругъ Король вышелъ въ комнату, бросилъ на Дросельмейера пылающій гнѣвомъ взоръ, махнулъ рукою, и сказалъ: «Христьянъ исцѣли принцессу, или готовься къ смерти!» — Дросельмейеръ горько заплакалъ: Пирлипата между тѣмъ лежала въ своей колыбелкѣ, весело грызла орѣхи. Тутъ только отчаянный Арканистъ обратилъ вниманіе на необыкновенную страсть принцессы къ орѣхамъ, и на то, что она родилась съ зубами. Тутъ только вспомнилъ онъ,

что тотчасъ послѣ ея превращенія, она до тѣхъ поръ кричала, пока ей попался случайно орѣхъ; она разгрызла его, съѣла зернышко и успокоилась. — «О священный инстинктъ природы!» воскликнулъ Христьянъ Дросельмейеръ! «ты указуешь мнѣ дверь къ спасенію, я буду въ нее стучаться, и она мнѣ отворится!» — Немедленно испросилъ онъ позволенія видѣться съ другомъ своимъ, придворнымъ Астрономомъ, и отправился къ нему подъ прикрытіемъ сильной стражи. Они обнялись, проливая нѣжныя, дружескія слезы, вошли въ кабинетъ, заперлись тамъ вмѣстѣ, и начали рыться въ разныхъ книгахъ, чтобы перечитать все, что написано объ Инстинктахъ, Симпатіяхъ, Антипатіяхъ и прочихъ таинственныхъ вещахъ. — Въ такихъ розысканіяхъ застала ихъ ночь; оба друга, искусные во всякихъ дѣлахъ, отправились по звѣздамъ снимать ороскопъ принцессы Цирлипаты. Линіи пу-

тались, запутывались, перепутывались, но наконецъ—о радость! о счастье! наконецъ, имъ открылось ясно, что очарованье, обезобразившее Пирлипату, разрушится, какъ скоро дадутъ принцессъ скушать сладкое зерно орѣха Кракатука. *Бр*

Орѣхъ Кракатукъ находился заключеннымъ въ такой крѣпкой скорлупѣ, что 48-ми пудовая пушка могла понемъ проѣхать, не раздавивши его. Выходило изъ дальнѣйшихъ вычисленій ороскопа, что этотъ орѣхъ надобно разгрызть молодому человѣку, еще не брившему бороды; что этотъ молодой человѣкъ долженъ быть въ башмакахъ, и чтобъ онъ ни разу во всю жизнь свою не обувался въ сапоги; что грызть орѣхъ онъ долженъ закрывши глаза; не открывая ихъ подать зерно Принцессѣ, потомъ отступить семь шаговъ назадъ не споткнувшись;—тогда уже позволялось ему взглянуть. Три дня и три ночи Дросель-

мейеръ и Астрономъ работали надъ этимъ открытіемъ, наконецъ, въ субботу, Дросельмейеръ, котораго казнь назначена была въ воскресенье утромъ, вѣбжалъ къ Королю, во время обѣденнаго стола его, и доложилъ объ отысканіи вѣрнаго средства возвратить принцессѣ Пирлипатъ потерянную красоту ея. Король благосклонно обнялъ его и общалъ два праздничныхъ фрака. «Тотчасъ послѣ обѣда, прибавилъ онъ ласково, приступите же къ дѣлу; любезный Арканистъ; похлопочите сами, чтобы молодой, небритый человѣкъ, въ башмакахъ, явился съ орѣхомъ Кракатукомъ; не велите ему пить вина, чтобы не споткнулся, отступая задомъ; послѣ успѣть напиться сколько вздумаетъ!» — Такая Королевская рѣчь очень смутила бѣднаго Дросельмейера; со страхомъ и трепетомъ объявилъ онъ Его Величеству, что найдено только средство, а не найдено еще ни орѣха Кракатука, ни молодого чело-

вѣка для разгрызу, и неизвѣстно есть-ли какая нибудь возможность отыскать ихъ обоихъ. — Въ великомъ гнѣвѣ под-нялъ Король руку выше коронованной главы своей, и льву подобнымъ голосомъ заревѣлъ : « Казнить ! казнить ! » — Бѣд-ный Дросельмейеръ ! — Счастье еще, что въ этотъ день обѣдъ Его Величества такъ былъ удачно приготовленъ и такъ необыкновенно вкусенъ, что великодуш-ная Королева осмѣлилась представить заступительныя свои возраженія. Дро-сельмейеръ, ободрившись, прибавилъ самъ, что жизнь была ему обѣщана за одно только отысканіе средства къ из-цѣленію принцессы. Король отвѣчалъ, что все это крючки, тонкости и при-цѣпки ; но выпивши рюмку анисовой водки, смягчился, и повелѣлъ обоимъ, Часовщику и Астроному, идти за орѣ-хомъ Кракатукомъ, куды глаза глядятъ, и безъ него не возвращаться во дво-рецъ. — Человѣка-же для разгрызу рѣ-

шились, по совѣту Королевы, вызывать черезъ газеты, и немедленно приказано было припечатать вызовъ во всѣхъ столичныхъ, иногородныхъ и иностранныхъ вѣдомостяхъ.—При сихъ словахъ Статскій Совѣтникъ остановился и общалъ продолженіе повѣсти на другой вечеръ.

ОКОНЧАНІЕ

СКАЗКИ О КРЫЖОМЪ ОРЪХЪ.

На другой вечеръ, какъ скоро подали свѣчки, дядя Дросельмейеръ пришелъ опять и продолжалъ такъ: Пятнадцать лѣтъ странствовали придворный Астрономъ и Дросельмейеръ, переходя изъ одной страны въ другую, а объ орѣхъ Кракатукъ ни слуху, ни духу. Гдѣ они были, и какія чудныя вещи видѣли, объ этомъ могъ-бы я вамъ, дѣти, рассказывать четыре недѣли сряду, да я этого не хочу, а скажу вамъ вдругъ, что Дро-

сельмейеръ почувствовалъ тоску по лю-
безномъ своемъ отечествѣ Нюрнбергъ. —

Однажды онъ лежалъ съ другомъ своимъ въ Азіи, среди большого лѣса, курилъ Гаванскую сигарку, и не въ силахъ будучи преодолѣть тоску свою, возопилъ громко: «О прекрасное, пре-
милое отечество мое Нюрнбергъ! О пре-
красный, прекрасный городъ! Кто тебя не видалъ, тотъ не зналъ никакихъ радостей на свѣтѣ, хотя-бы прямо изъ Парижа воротился! — О Нюрнбергъ! прекрасный городъ! гдѣ прекрасные дома, съ окошками! — О!» — Услыша такія трогательныя жалобы, Астрономъ возмущенъ сердцемъ глубоко, и завывалъ такъ громко и жалобно, что во всей Азіи слышны были ихъ согласные вопли. Потомъ утеръ слезы свои и спросилъ: «Скажи мнѣ, любезный товарищъ, за чѣмъ мы здѣсь сидимъ и тоскуемъ? Для чего не идемъ опять въ Нюрнбергъ? Въдѣ и тамъ никто не помѣшаетъ намъ

искать этого проклятаго орѣха Крака-
тука. Не все-же ли равно, гдѣ ни искать
его?» — Совершенная правда, отвѣчалъ
Дросельмейеръ, утѣшившись. — Оба вста-
ли, выбили трубки, и прямымъ путемъ,
не останавливаясь, пошли въ Нюрнбергъ.
Пришедши въ Нюрнбергъ, Дросель-
мейеръ спѣшилъ навѣстить двоюроднаго
брата своего Христофора Дросельмей-
ера, искуснаго токарнаго мастера, кото-
рый самъ точилъ превосходныя куклы,
самъ покрывалъ ихъ лакомъ, и самъ
золотилъ. Ему-то нашъ часовыхъ дѣлъ
мастеръ разсказалъ всю повѣсть о прин-
цессѣ Пирлипатъ, Госпожѣ Мышенпры-
гъ, и орѣхѣ Кракатукъ. Христофоръ
Дросельмейеръ нѣсколько разъ вплески-
валъ руками и съ удивленіемъ говорилъ:
«Эй, эй! — ай! ай! — да что-жь это за
чудныя штуки!» — Дросельмейеръ раз-
сказалъ ему обо всѣхъ приключеніяхъ
дальняго своего путешествія; какъ онъ
провелъ въ Финиковомъ Государствѣ

два года въ напрасныхъ розысканіяхъ ; какъ Миндальный принцъ выслалъ его изъ своихъ владѣній ; какъ помогало ему Бѣличье Общество испытателей природы , и какъ нигдѣ не нашли слѣда орѣха Кракатука. — Во все время разсказа , Христофоръ Дросельмейеръ нѣсколько разъ щёлкалъ пальцами , вертѣлся на одной ножкѣ, — говорилъ : гмъ! гмъ! — эй ! эй ! — наконецъ бросилъ съ восторгомъ вверхъ шляпу и парикъ , обнялъ разскащика и воскликнулъ : « Радуйся, братецъ ! я почти увѣренъ , что у меня лежитъ твой орѣхъ Кракатукъ. » — Съ этимъ словомъ онъ досталъ ящикъ , въ которомъ лежалъ позолоченный орѣхъ , средней величины. — « Выслушай , » сказалъ онъ , « что съ этимъ орѣхомъ случилось : Нѣсколько лѣтъ тому назадъ , пришелъ сюда незнакомый купецъ , принесъ большой мѣшокъ съ орѣхами , и началъ ихъ очень дешево продавать. Прямо противъ моей игрушеч-

ной лавки зашла у него ссора съ здѣшними купцами, которые хотѣли запретить чужому торговать въ ихъ городѣ орѣхами. Купецъ положилъ мѣшокъ на земь, чтобы ловчѣе было браниться, но пока онъ кричалъ, тяжело нагруженный возъ переѣхалъ черезъ мѣшокъ, и передавилъ всѣ орѣхи. Цѣлымъ остался одинъ; чужой купецъ, улыбаясь, предложилъ мнѣ купить его за гульденъ. Я очень понималъ, что это необъятная цѣна, что за одинъ орѣхъ никто такъ дорого не заплатитъ, но такъ какъ въ это время гульденъ случился у меня въ рукахъ, а орѣхъ мнѣ полюбился, то я и купилъ его. — Купивши вызолотилъ, спряталъ и не могъ надивиться, за чѣмъ я берегу его.» — Астрономъ взялъ орѣхъ, и всякое сомнѣнiе прекратилось; счистивши золото, на скорлупѣ орѣха видно было ясно Китайскими буквами выпечатанное слово: Кракатукъ. — Общая радость была неописанна. — Дросельмей-

еръ увѣрилъ двоюроднаго своего брата, что за этотъ орѣхъ получить онъ непременно пожизненную пенсію, и позволеніе на казенный счетъ золотить всѣ свои куклы. — Наступилъ вечеръ; счастливыцы собирались уже ложиться спать и надѣвали ночные колпаки свои, вдругъ Астрономъ сказалъ: «Любезный товарищъ! ты знаешь, что ни счастье, ни горе, никогда одни не ходятъ: мнѣ кажется, что мы не только нашли орѣхъ Кракатукъ, да и того молодаго человѣка, который разгрызетъ его! — Взгляни-ка на сына нашего хозяина, твоего двоюроднаго племянника! — Нѣтъ, я спать не лягу! продолжалъ онъ съ восторгомъ; я хочу всю ночь провести надъ ороскопомъ этого юноши.» Съ этимъ словомъ, сорвалъ онъ съ головы колпакъ, и началъ свои наблюденія.

Сынъ хозяина въ самомъ дѣлѣ былъ красивый, статный юноша, который никогда еще не брися, и не надѣвалъ

сапогъ. Въ самой первой молодости, онъ два или три Рождества служилъ въ чинѣ паяца, но благодаря попеченіямъ отца, теперь этого въ немъ совсѣмъ не лѣзя было замѣтить. Теперь онъ на канунъ Рождества всегда одѣтъ былъ въ пунцовое платье съ золотомъ, на лѣвой сторонѣ висѣла шпага, подъ рукою шляпа, голова была причесана тупею, а назади завязанъ пучекъ съ кошелькомъ. Въ такомъ блестящемъ нарядѣ стоялъ онъ въ лавкѣ отца своего, и изъ учтивости щелкалъ молодымъ дѣвушкамъ орѣшки, за что онѣ называли его прекраснымъ Щелкунчикомъ.

На другое утро, Астрономъ обнялъ друга своего, восклицая: Это онъ! мы нашли его! — Теперь, любезный товарищъ, должны мы поступать осторожно. Во первыхъ, должны вы вашему племянничку придѣлать изъ крѣпкаго чернаго дерева самый акуратный пучекъ, который зависѣлъ-бы совершенно

отъ нижней челюсти ; во вторыхъ, возвратясь въ столицу, мы долго будемъ скрывать, что обладаемъ тѣмъ молодымъ человѣкомъ, который разгрызетъ орѣхъ Кракатукъ. Я прочелъ въ его ороскопѣ, что многіе поломають себѣ зубы, не возврата принцессѣ красоты ея, и тогда Король будетъ обѣщать руку ея и свое царство тому, кто разгрызетъ орѣхъ.— Кукольный токарь очень обрадовался, услыша, что сынъ его женится на принцессѣ Пирлипатѣ, будетъ принцемъ и королемъ, и отпустилъ его очень охотно на царство. — Пучекъ, придѣланный Дросельмейеромъ, такъ былъ удаченъ, что племянникъ не поморщившись могъ грызть самыя крѣпкія персиковыя косточки.

Дросельмейеръ и Астрономъ дали знать въ столицѣ о благополучномъ открытіи орѣха Кракатука, и не успѣли они прибыть ко двору, какъ нашли уже тамъ множество молодыхъ людей, и

разныхъ принцевъ , которые, полагаясь на здоровые свои зубы , всѣ вострили ихъ на разочарованье принцессы Пирлипаты. Ученые путешественники испугались, взглянувши на принцессу ; маленькое ея туловище, съ короткими ручёнками и ножонками, едва могло сдержать огромную , безобразную голову. Безобразіе лица еще являлось разительнѣе отъ бѣлой бороды, изъ хлопчатой бумаги составленной, которая окружала весь ротъ и почти весь подбородокъ. — Предсказанія Астронома сбылись въ точности ; одинъ юноша въ бамшакахъ, за другимъ, ломалъ себѣ зубы и челюсть надъ непобѣдимымъ орѣхомъ , а принцессѣ все не было легче. Тогда Король, исполненный сердечной горести, обѣщалъ руку дочери и свое царство тому, кто разрушить очарованье. — Немедленно явился прекрасный , кроткій юноша Дросельмейеръ, и учтиво просилъ позволенія испытать свои зубы : онъ очень

понравился принцессъ Пирлипатъ ; горестно положа руку на сердце , она вздохнула и сказала : « Ахъ , если-бъ онъ разгрызъ орѣхъ и на мнѣ женился ! » — Молодой Дросельмейеръ поклонился сперва Королю , потомъ Королеву , потомъ принцессъ Пирлипатъ , принявъ изъ рукъ Оберцеремоній-мейстера орѣхъ Кракатукъ , сунулъ его въ зубы , потянулъ себя за пучекъ , щёлкъ ! — и мѣлкими кусками посыпалась скорлупа . — Искусо обчистилъ онъ зернышко , красиво шаркнувъ ногой , подалъ его принцессѣ . Потомъ закрылъ глаза и началъ отступать , не поворачиваясь . Принцесса между тѣмъ скушала зернышко , и — о чудо ! — исчезло ея безобразіе ! Она опять сдѣлалась красавицей : личико ея казалось опять будто соткано изъ бѣлыхъ лилей и розовыхъ листочковъ , глаза опять изъ блестящей небесной лазури , густыя кудри опять переливались золотомъ по тоненькой шейкѣ . — Трубы и литавры звучали

вмѣстѣ съ восклицаніями народа. Король и весь дворъ за нимъ скакали на одной ножкѣ, какъ въ самый день рожденія Пирлипаты, а Королева нюхала одеколонъ, чтобъ не упасть въ обморокъ отъ восторга и радости. Вся эта тревога ни сколько не смущала молодого Дросельмейера, который продолжалъ отступать условные свои семь шаговъ, и поставилъ уже ногу на седьмой шагъ, какъ вдругъ съ пискомъ и визгомъ подвернулась ему подъ каблукъ Г-жа Мышепрыга, и онъ, наступивъ на нее, такъ пошатнулся, что чуть не упалъ. — О судьба! — Въ то-же мгновеніе юноша точно тоже получилъ безобразіе, отъ котораго избавилъ принцессу Пирлипату. — Туловище его съёжилось, срослось и едва сдерживало уродливую голову, съ большими выпуклыми глазами, и съ широкимъ, огромнымъ ртомъ. Вмѣсто красиваго пучка висѣла сзади деревянная япанча и управляла всей нижней челюстью

рта. — Астрономъ и Часовой мастеръ были
внѣ себя отъ жалости и удивленія.
Между тѣмъ, раздавленная каблукомъ
Г-жа Мышепрыга испускала послѣднее
дыханіе. Она пищала и визжала изъ
всей своей силы: «О Кракатукъ! о крѣп-
кій орѣхъ! На смерть мнѣ и грѣхъ! — О
черствый кусъ! — Окачуриваюсь! — Отм-
ститъ мой сынокъ, тебѣ Щелкунокъ! —
О жизнь, прости! — Пи! пи! пи! пи! —
Квикъ!» — Съ этимъ воплемъ скончалась
Г-жа Мышепрыга; придворный истоп-
никъ вынесъ ея тѣло. — Принцесса однако
звала нетерпѣливо молодого своего из-
бавителя, и Король ожидалъ героя. Какъ
скоро онъ предсталъ, въ безобразномъ
своемъ превращеніи, принцесса закрыла
лице руками и закричала: «Прочь! прочь!
я не хочу видѣть гадкаго Щелкуна!» —
Гофмаршалъ взялъ его за маленькія пле-
чи и вытолкнулъ вонъ. Король ужасно
разсердился, когда увидѣлъ, что ему
хотѣли втереть въ зятя орѣховаго

Щелкуна, и навсегда изгналъ изъ своихъ владѣній Часоваго мастера и Астронома. — Ороскопъ не предсказывалъ всѣхъ этихъ послѣдствій, но изгнанные друзья въ утѣшеніе принялись снова за наблюденія, и по звѣздамъ вычислили, что молодой Дросельмейеръ, не смотря на свою уродливость, продолжаетъ быть принцемъ и королемъ. Уродливость-же его тогда только исчезнетъ, когда онъ собственной рукой побѣдитъ мышинаго Царя, сына королевы Мышепрыги, рожденнаго ею послѣ смерти семи сыновей ея, съ семью головами; и когда какая нибудь прекрасная дама полюбитъ его, не смотря на безобразіе. — Съ тѣхъ поръ молодой Дросельмейеръ стоялъ каждое Рождество въ лавкѣ отца своего, хотя въ видѣ Орѣховаго Щелкунчика, но въ одеждѣ принца. Теперь вы видите, дѣти, почему всѣ Орѣховые Щелкуны бываютъ безобразны.

Статскій Совѣтникъ замолчалъ. Маша

сказала, что Пирлипата негодная, неблагодарная принцесса; а Оединька увѣрялъ, что храброму Щелкуну нетрудно справиться съ Мышинымъ Царемъ, и возвратить себѣ прежнюю красоту.

Графъ
ДЕДЪ И ШЕЛКУНЧИКЪ.

Ежели кому нибудь изъ благосклонныхъ моихъ читателей удавалось порѣзаться стекломъ, то онъ знаетъ по опыту, какая это скучная рана, и какъ долго она не заживаетъ. Маша цѣлую недѣлю лежала въ постели, потому что слабость и круженіе головы не давали ей встать. Наконецъ она выздоровѣла, и могла опять весело прыгать по комнатамъ. Стекланный ихъ шкафъ прекрасное представлялъ зрѣлище: вездѣ новыя дома и цвѣты, и нарядныя куклы. Милый ея Щелкунчикъ стоялъ на второй полкѣ, и улыбаясь, показывалъ Машѣ цѣлый рядъ новыхъ, крѣпкихъ зубовъ.

Маша съ нѣжностію смотрѣла на своего любимца, вдругъ ей стало очень смутно на сердцѣ : она вспомнила всю непримиримую вражду мышинаго народа съ Щелкунами. Ей ясно было, что ея Щелкунъ есть самъ молодой Дросельмейеръ изъ Нюрнберга, прекрасный племянникъ дяди Дросельмейера, околдованный Мышепрыгой. — Даже пока рассказывали сказку, она не одной минуты не сомнѣвалась, чтобы искусный Часовой мастеръ, при дворѣ Пирлипатина отца, не былъ самъ Статскій Совѣтникъ Дросельмейеръ. — «Отъ чего дядя не помогъ тебѣ? — отъ чего онъ за тебя не заступился?» — печально спрашивала Маша, вспоминая то ужасное сраженіе, въ которомъ жизнь и царство Щелкуна въ такой были опасности. — «Развѣ всѣ другія куклы не признаютъ себя его подданными? Развѣ не исполнилось предсказаніе Астронома, молодой Дросельмейеръ не царствуетъ ли въ кукольномъ царствѣ?» — Умная

Маша, рассуждая такимъ образомъ, и приписывая жизнь и движеніе Щелкунчику и его подданнымъ, въ самомъ дѣлѣ ожидала отъ нихъ жизни и движенія. Но въ шкафу все было смирно; ничто не шевелилось, и Маша, въ этой безмолвности, должна была видѣть дѣйствіе чаръ Мышепрыги и сына ея. — «Вы со мной не говорите, милый Дросельмейеръ,» сказала она громко; «однакожь я знаю, что вы меня понимаете и не сомнѣваетесь въ моемъ участіи, и въ желаніи помочь вамъ. — Я попрошу вашего дядюшку, чтобъ и онъ не отказалъ намъ въ своей помощи.» — Щелкунъ молчалъ весело и спокойно; вдругъ Машѣ показалось, что легкій вздохъ перелетѣлъ сквозь стекло шкафа, и всѣ стекла едва слышнымъ, но необыкновенно пріятнымъ звукомъ зазвѣнѣли слѣдующія слова: «Маша милая! — спасенный тобой! — я твой! я твой!» — Маша ощущала неизъяснимую сладость, хотя морозъ какъ будто про-

бѣжалъ по всему тѣлу ея, при этихъ звукахъ. — Наступили сумерки, отецъ Штальбаумъ и дядя Дросельмейеръ вмѣстѣ вошли въ комнату, Луиза собрала чай, вся семья сѣла вокругъ стола и всѣ занялись веселымъ, общимъ разговоромъ. Маша тихонько придвинуло маленькое свое кресло къ ногамъ дяди Дросельмейера, устремила на него большіе свои синіе глазки, и какъ скоро всѣ замолчали, сказала ему: «Теперь, милый Дядя, я знаю, что мой Щелкунъ, твой племянникъ, молодой Дросельмейеръ изъ Нюрнберга. Предсказанія Астронома сбылись: онъ принцъ, или лучше сказать Король, но вражда его съ мышиннымъ Царемъ еще не кончилась; ты это знаешь, отъ чего-же не стараешься помочь ему?» — Тутъ опять рассказала сраженіе, все по порядку какъ она его видѣла: хохотъ матери и Луизы часто прерывали ее. Ёдинька и Дросельмейеръ одни слушали, не смѣявшись. — «Откуда бе-

реть она такія бредни?» сказалъ Коллежскій Ассессоръ Штальбаумъ. — Ты знаешь, какое у нея живое воображеніе,» отвѣчала мать; « все это сонъ, бредъ горячки; помнишь, въ какомъ сильномъ была она жару?» — « Не можетъ это быть правда,» говорилъ Одея; « красные мои гусары не могутъ быть такими трусами! — Справился-бы я съ ними, еслибъ этому вѣрилъ!» — Дядя Дросельмейеръ, улыбаясь, взялъ Машу на колѣна и ласково говорилъ ей: « Милая Маша, ты также какъ Пирлипата принцессой уродилась: ты царствуешь въ прекрасномъ, блестящемъ государствѣ. — Много будетъ тебѣ однако горя, если захочешь брать подъ свое покровительство безобразнаго Щелкунчика. Мышиный Царь преслѣдуетъ его. — Я не могу спасти его! Ты, ты одна будь тверда и постоянна!» — Никто не понималъ, что значили эти Дросельмейеровы слова, только мать покачала головою и сказала: « Я какъ

будто знаю, что Г-нъ Статскій Совѣтникъ подъ этимъ разумѣть, только словами выразить этого не умѣю.

ШОБОДА.

Немного прошло послѣ этого времени; вдругъ однажды въ прекрасную, лунную ночь, странный шумъ и стукъ въ углу комнаты разбудилъ Машу. Она слышитъ, что катаютъ камышки, что визжать и свищать. «Ахъ, мыши! опять мыши!» закричала испуганная Маша, хотѣла разбудить мать, но отъ страха не могла двинуться ни однимъ членомъ. Маша видѣла, какъ мышиный Царь прогрызся сквозь щелку стѣны, какъ онъ побѣжалъ по комнатѣ, блистая глазами и семью вѣнцами своими; какъ наконецъ вскочилъ на маленькій столикъ, который стоялъ подлѣ Машинькиной постели: «Хи, хи! хи! хи! —отдай мнѣ свои карамельки! —отдай свои миндальныя лепешки! — не

то перетрызу твоего Щелкунчика, — твоего Щелкунчика. — Такъ пищаль мышинный Царь, страшно щёлкая зубами, и ворочая яркими своими глазами; потомъ спрыгнулъ со стола и убѣжалъ въ щелку. — Маша очень встревожилась ужаснымъ видѣніемъ, и на другой день была очень блѣдна, безпокойна и задумчива. Тысячу разъ готова она была открыть свое приключеніе матери или Луизѣ, или даже Оединькѣ, но всякой разъ раздумывала: « Они не повѣрятъ, и будутъ еще надо мной смѣяться! » — Одно только было ей ясно: то, что для спасенія Щелкуна своего должна она отдать свои карамельки и всѣ миндальныя лепешки. Ввечеру Маша собрала всѣ свои конфеты и положила ихъ на нижнюю перекладину шкафа. — На другой день поутру мать говорила: « Не знаю откуда мыши пробрались въ нашу чайную комнату, посмотрите: у блѣдной Маши всѣ конфеты поѣдены! » — Точно

такъ и было. Миндаль показался, вѣроятно, не вкусенъ прожорливому мышинному Царю, онъ лепешекъ не съѣлъ, а злыми зубами своими всѣ ихъ перегрызъ и перекрошилъ. Маша не тужила о своихъ конфеткахъ, еще радовалась, что могла, жертвуя ими, спасти своего пріятеля. — Каково-же ей было, когда, въ слѣдующую ночь, опять визгъ и свистъ у нея надъ ухомъ разбудили ее? Ахъ, мышинный Царь опять на столикъ! Глаза его еще страшнѣе сверкають, зубы щелкають еще отвратительнѣе! — «Дѣвчѣнка!» — шипѣлъ онъ Машѣ въ ухо; подавай мнѣ твои сахарныя куклы, подавай твои драгантовыя игрушки, не то перегрызу твоего Щелкунчика! твоего Щелкунчика!» — Прошипѣлъ и упрыгнулъ опять въ щелку. Маша очень огорчилась; по утру подошла къ шкафу и стала печально пересматривать своихъ сахарныхъ и драгантовыхъ куколъ. — Печаль ея конечно была основательна,

и ты, милая слушательница Маша, никакъ вообразить не можешь, какія у Маши Штальбаумъ превосходныя были куклы изъ сахару и драганту: пастухъ, съ миловидной пастушкой, пасли подъ деревомъ цѣлое стадо бѣлинькихъ овецъ и барашковъ, и смотрѣли на кудрявую собаку, которая рѣзвилась около нихъ; два почтальона съ письмами въ рукахъ; четыре пары щегольски наряженныхъ дѣвушекъ и мальчиковъ качались на круглыхъ качеляхъ; цѣлый балетъ танцовщиковъ и танцовщицъ; съдой пустынный; Орлеанская дѣва съ знаменемъ въ рукахъ; а любимая Машинькина кукла была маленькое дитя, спелѣнутое въ колыбелкѣ. Слезы полились у Маши изъ глазъ, когда она взглянула на него. «Ахъ,» сказала она; оборотась къ Шелкунчику, «для вашего счастія, любезный Дросельмейеръ, я готова жертвовать всѣмъ; однако-же это очень тяжело!» — Шелкунъ смотрѣлъ

на нее такъ жалобно , что Маша видѣла уже разинутыя надъ нимъ семь пастей мышинаго Царя. Ввечеру установила она всѣ сахарныя свои куклы , опять на нижнюю перекладинку шкафа. Она перецѣловала пастуха, постушку, всѣхъ барашковъ, а малютку спеленутаго поставила позади всѣхъ. Орлеанская дѣва и пустынный выставлены были впередъ.

«Нѣтъ, это невыносимо!» сказала Г-жа Штальбаумъ на другой день по утру; вѣрно большая крыса поселилась у насъ въ стеклянномъ шкафу: всѣ Машины сахарныя куколки въ мѣлкіе куски перегрызены. Маша не могла удержаться отъ слезъ, скоро однакожь утѣшилась, и улыбалась, думая: «что нужды! лишь бы спасти Щелкунчика!» — Ввечеру, когда пришелъ Статскій Совѣтникъ Дросельмейеръ, ему рассказали какія бѣды случились съ Машиными куклами, а отецъ Машинъ сказалъ: «Неужели не лѣзя поймать или прогнать мышъ, которая всѣ Машины игруш-

ки такъ истребляетъ?» — Оединька, засмѣявшись, отвѣчалъ ему: «У сосѣда нашего, хлѣбника, живетъ превосходный сѣрый Совѣтникъ Посольства, я принесу его сего дня, и онъ конечно не дастъ шалить ни самой Г-жѣ Мышепрыгѣ, ни сыну ея, семиголовому Царю. — «Къ тому же,» прибавила, улыбаясь, мать, «онъ попрыгаетъ по столамъ, да по полкамъ, и перебьетъ всѣ стаканы и чашки.» — «Нѣтъ, нѣтъ!» возразилъ Оединька, «хлѣбниковъ Совѣтникъ Посольства хорошо воспитанный, ученый баринъ; я желалъ бы самъ умѣть такъ чопорно ходить по кровлямъ, какъ онъ.» — «Пожалуйста только не приноси кота твоего на ночь,» сказала Луиза, которая терпѣть не могла кошекъ. «Оединька правъ,» сказалъ отецъ; надобно принять всѣ средства противъ этихъ враговъ; поставимъ западню; развѣ нѣтъ у насъ западни?» — «Намъ дастъ западню дядя Дросельмейеръ,» сказалъ Оединька; «у него

безподобныя; вѣдь онѣ ихъ выдумалъ!» — Всѣ засмѣялись, а Статскій Совѣтникъ Дросельмейеръ послалъ къ себѣ домой, и черезъ полчаса явилась превосходная мышеловка. Оединька и Маша живо вспомнила сказку о Крѣпкомъ Орѣхѣ, побѣжали на кухню смотрѣть, какъ Дарья, жарила кусокъ ветшиннаго сала для западни, и Маша умильнымъ голосомъ сказала Дарьѣ: «Ахъ, добрая Королева! берегись Г-жи Мышепрыги и ея родственниковъ!» — Оединька же выдернулъ саблю и говорилъ: «Пускай ихъ придутъ! со мною имъ плохія шутки!» — Подъ очагомъ и на кухнѣ все однакоже по прежнему оставалось спокойно. Статскій Совѣтникъ Дросельмейеръ привязалъ жареное сало на ниточку, повѣсилъ въ западню, и тихонько, тихонько приставилъ мышеловку къ шкафу.

Ахъ, что же было съ бѣдной Машинькой въ слѣдующую ночь! — Что-то холодное пробѣжало у ней нѣсколько разъ

по рукѣ, потѣмъ прилегло къ щекѣ и надъ самымъ ухомъ завизжало и запищало! — Гадкій мышинный Царь сидѣлъ на плечѣ ея, шипѣлъ семью своими пастями, скрипѣлъ и шелкалъ зубами, и пищалъ на ухо Машѣ, которая была почти безъ памяти отъ ужаса и страха. «Не пойду — не пойду — не пойду на твой пиръ; — не поддамся тебѣ; — не поймаешь меня; — давай мнѣ скорѣе всѣ твои книжки съ картинками, нарядное твоё платьице; — подавай мнѣ все, все! — Шелкунчика съѣмъ; — перегрызу совсѣмъ; — и тебѣ покоя не дамъ; — хамъ, хамъ, хамъ; — хи, хи? хи! — пи, пи! квикъ!» — Маша встала по утру блѣдна и разстроена. Мать подумала, что она тужить о своихъ игрушкахъ, можетъ статься боится и мышей, и сказала ей: «Успокойся, Машинька! мы поймаетъ врага твоего; сего дня велю Оединькѣ взять у хлѣбника съраго кота. — Какъ скоро Маша осталась одна въ чайной комнатѣ,

то подошла къ шкафу и рыдая говорила Щелкунчику: «Ахъ, мой добрый, милый Дросельмейеръ! что я несчастная могу для васъ сдѣлать? — Если и отдамъ теперь и книжки, и прекрасное платье, которое мнѣ въ Рождество подарили, то у меня вѣдь больше ничего не останется, и придется гадкому мышинному Царю перегрызть меня самоё, вмѣсто васъ! — О я бѣдная дѣвочка! что мнѣ дѣлать!» — Маша плакала и рыдала неутѣшно; между тѣмъ, смотря на Щелкуна, примѣтила у него на шеѣ кровавое пятнышко, вѣроятно слѣдъ кровопролитнаго прежняго сраженія. Съ тѣхъ поръ какъ Маша знала, что Щелкунъ племянникъ Статскаго Совѣтника, молодой Дросельмейеръ изъ Нюрнберга, съ тѣхъ самыхъ поръ не брала она уже его на руки, не ласкала и не цѣловала; ей даже стыдно было его трогать. — Теперь она осторожно сняла его съ полки и стала носовымъ своимъ платкомъ сти-

рать кровавое пятно съ шеи. Вдругъ почувствовала она, что Щелкунъ согрѣлся въ рукѣ ея и зашевелился. Проворно поставила она его на полку; Щелкунъ, раздвигая ротъ съ большимъ уси-
ліемъ, тихо прошепталъ ей: «Любезная дѣвица Штальбаумъ, безцѣнный другъ мой!—вамъ, вамъ обязанъ я всѣмъ! Не жертвуйте для меня вашими картинками, вашимъ прекраснымъ платьемъ; — доставайте мнѣ саблю!—саблю, и все рѣшится;—Щелкунъ замолчалъ и сердечнымъ умиленіемъ исполненные глаза его стали опять неподвижны; тусклы и вы-
луплены. Машу это не испугало; напро-
тивъ! она запрыгала отъ радости, когда узнала средство спасти Щелкуна безъ всякой жертвы.—Однакоже гдѣ достать саблю?—Маша рѣшилась призвать Фе-
диньку на совѣтъ, и ввечеру, когда они остались одни у шкафа, рассказала ему все, что происходило между ею, Щел-
куномъ и мышиннымъ Царемъ, и сообщи-

ла единственное средство рѣшительно избавить Щелкуна отъ врага его. Ёединька задумался, услышавши въ другой разъ отъ Маши, какъ дурно и трусливо вели себя его Гусары. Онъ потребовалъ, чтобъ Маша въ третій разъ рассказала безчестный ихъ поступокъ, и когда она подтвердила прежнія слова свои, то Ёединька скорыми шагами подошелъ къ шкафу, сказалъ Гусарамъ трогательное, поученіе, потомъ, въ наказаніе за ихъ эгоизмъ и трусость, сръзалъ всѣмъ до одного значки съ киверовъ ихъ, и запретилъ играть Гвардейскій Гусарскій маршъ до слѣдующаго Рождества. Исполненный горестью послѣ совершенія сего строгаго, но необходимаго наказанія, онъ обернулся къ Машѣ и сказалъ ей: «Что же касается до сабли, то я могу помочь твоему Щелкунчику; вчера уволилъ я въ отставку одного Кирасирскаго Полковника съ полной пенсіей; увѣренъ, что онъ уступитъ

намъ свою саблю, потому что ему она теперь совсѣмъ не нужна. — Упомянутый Полковникъ жилъ своей пенсіей на третьей полкъ въ дальнемъ углу, и охотно подарилъ Щелкуну блестящую, острую свою саблю.

Въ слѣдующую ночь, Маша отъ страха никакъ не могла заснуть: вдругъ, въ самую полночь услышала она въ чайной горницѣ необыкновенную тревогу, шипѣнье мышей, бряцанье сабли, стукъ, шумъ. — Вдругъ раздался громкій: *Квикъ!* — «Мышиный Царь! Мышиный Царь!» закричала Маша, и съ ужасомъ вскочила съ постели. — Все снова затихло; — вотъ, слышитъ; тихо, тихо кто-то стучится въ дверь; слабый пріятный голосъ долетѣлъ къ ней: «Почтенная дѣвица Штальбаумъ, позвольте войти! — Добрыя вѣсти! добрыя вѣсти!» — Маша узнала голосъ молодого Дросельмейера, накинула шлафрокъ и спѣшила отворить дверь. Щелкунъ стоялъ у дверей съ окровавлен-

ной саблей въ правой рукѣ, и съ восковымъ желтымъ огарочкомъ въ лѣвой. Увидя Машу, онъ сталъ на одно колено, и говорилъ ей такъ: «Ты одна, о красавица! сдѣлала меня рыцаремъ! ты дала рукѣ моей силу ополчиться и побѣдить дерзновеннаго, осмѣливагося оскорбить тебя! — Мышинный Царь плаваетъ мертвый къ крови своей! Прими, о красавица! залогъ побѣды отъ вѣрнаго, до гроба тебѣ преданнаго рыцаря!» — Сказавши сіи слова, Щелкунъ весьма ловко скатилъ съ руки вздѣтые на нее семь вѣнцевъ золотыхъ, и подалъ ихъ Машѣ, которая съ великою радостью приняла ихъ. — Щелкунъ всталъ послѣ этой рѣчи, и сказалъ Машѣ: «Ахъ, почтенная дѣвица Штальбаумъ, теперь, не бояся враговъ, какія могъ бы вамъ превосходныя показать вещи, еслибъ вы согласились идти со мною! — О пойдете? пойдете, пожалуйста!»

КУКОЛЬНОЕ ЦАРСТВО.

Вѣрно всякой изъ васъ, дѣти, согласился бы слѣдовать за добрымъ, честнымъ Щелкуномъ, который ничего злаго никогда и въ помышленіи не имѣлъ. Маша тѣмъ охотнѣе пошла съ ними, что вѣрила его благодарности и общацію показать превосходныя вещи. — «Я пойду съ вами, милый Дросельмейеръ,» сказала она ему, «только не далеко, и не надолго: вѣдь я еще уснуть на успѣла.» — «Если такъ,» отвѣчалъ Щелкунъ, «то мы выберемъ самую близкую дорогу, не смотря на то, что она не совсѣмъ спокойна.» Онъ пошелъ впередъ, Маша за нимъ, и пришли они къ большому шкафу съ платьемъ, который стоялъ въ сѣняхъ. Маша съ удивленіемъ, примѣтила, что дверцы всегда тщательно запертаго шкафа растворены настежь, и дорожная, лисья шуба отца ея виситъ, спустя рукава: Щелкунъ остановился

подлѣ нея, очень ловко вскарабкался по швамъ шубы до самаго большаго воротника ея; тамъ, схватилъ кисть толстаго снурка, прикрѣпленнаго къ воротнику, потянулъ за нее крѣпко, и тоненькая, красивая деревянная лѣсница покатилаcь, развиваясь ступеньками, изъ рукава шубы. — «Взойдите на нее, не бойтесь, милая Маша,» говорилъ Щелкунъ. Маша пошла; и лишь только пролѣзла черезъ рукавъ шубы, лишь только поровнялась съ воротникомъ, какъ яркой, блестящій свѣтъ разлился передъ нею, и она очутилась на прекрасномъ, благовонномъ лугу, гдѣ миллионъ искръ сверкали какъ будто разноцвѣтные камни. — «Мы теперь на Леденцовомъ лугу,» сказалъ Щелкунъ; «пройдемте сквозь эти ворота.» Ворота, стоявшія передъ Машей, казались слиты изъ бѣлаго и темноизюмнаго мрамора, подойдя къ нимъ, Маша догадалась, что онѣ составлены изъ искусно вмѣстѣ спеченаго миндаля и

изюму, Щелкунъ подтвердилъ ея догадку. Въ одной галлерей изъ малиновыхъ карамелекъ, пристроенной къ воротамъ, шесть маленькихъ обезьянъ въ красныхъ мундирахъ играли разные Турецкіе марши, и Маша такъ заслушалась музыки, что со всѣмъ не примѣчала куда и какъ шла.—Скоро подошла она къ густому лѣсу, по обѣимъ сторонамъ дороги простирающемуся. На каждомъ деревѣ сіяло столько свѣчекъ, что, не смотря на густоту лѣса, можно было видѣть, какъ между темнозелеными листьями качались золотые и серебряные плоды, какъ всѣ вѣтки украшены были разноцвѣтными лентами и пестрыми цвѣтами, такъ что каждое дерево казалось веселымъ, свадебнымъ гостемъ. Жасминный и померанцовый запахъ проносился между деревьями, фольга въ листьяхъ звѣнѣла и пѣла, какъ плясовая музыка, а свѣчки блестѣли и сверкали часъ отъ часу ярче, и ярче. — «Ахъ какъ здѣсь

хорошо, вскричала восхищенная Маша «Мы проходимъ теперь Рождественскій лѣсъ,» сказалъ ей Щелкунъ. — «О, не лѣзя ли мнѣ нѣсколько минутъ здѣсь побыть?» спросила Маша; «здѣсь такъ хорошо!» Щелкунъ ударилъ три раза въ ладоши, и тотчасъ явились маленькіе пастухи и пастушки, амазонки, стрѣлки охотники, которыхъ Маша прежде въ лѣсу не примѣтила, и которые такъ были бѣлы и нѣжны, что казалось вылиты изъ чистаго сахара рафина-ту. Они принесли узорное золотое кресло, положили на него мягкую подушку изъ дѣвичьей кожи, и учтиво просили Машу сѣсть. — Потомъ охотники стали играть на рожкахъ, пастухи и пастушки протанцовали балетъ, и послѣ всѣ исчезли за кустами. — «Извините, любезная Маша,» сказалъ Щелкунъ, «если танцы эти вамъ кажутся неуклюжи; актеры для васъ прибѣжали съ проволочнаго театра и невольны въ своихъ движеніяхъ: вы знаете сами, что они обязаны плясать вѣчно

одинакимъ манеромъ.—Но не угодно ли вамъ теперь идти далѣе?»—«Все это прекрасно, и все мнѣ очень понравилось,» отвѣчала Маша, вставая и пускаясь въ путь съ проводникомъ своимъ. Они подошли къ сладко журчащему ручью, котораго благовои́емъ весь лѣсъ былъ наполненъ, «Это апельси́нная рѣ́ка,» сказалъ Щелкунъ, «приправленная помесчанцовымъ цвѣтомъ. Она знаменита своимъ благоуханіемъ, однакожь быстротою и обширностью не можетъ сравниться съ лимонадно́й рѣ́кой, которая, также какъ и эта, впадаетъ въ море Миндальнаго молока.» — Скоро Маша услышала плесканье волнъ и журчанье широкой лимонадно́й рѣ́ки, которая, извиваясь палевыми волнами, бѣжала сквозь блестящую зелень луга. Отрадная прохлада разливалась вокругъ нея.—Неподалеку другая рѣ́ка темножелтаго цвѣта медленно катила густыя струи свои; множество ребятишекъ сидѣли на берегу и

ловили рыбу. Маша примѣтила, что рыбки были пныя толстыя, иныя круглыя, очень похожи на кедровые, простые, и волошскіе орѣхи. Дѣти, поймавши, кушали ихъ безъ всякихъ приготовленій. Въ нѣкоторомъ разстояніи лежалъ красивый городокъ; дома въ немъ, башни, конюшни, амбары, бесѣдки, все было темнокоришневаго цвѣта съ позолоченными кровлями; многіе дома такъ пестро были расписаны, что казались уклѣбными миндалемъ и лимонной коркой. «Это Пряникенбургъ,» сказалъ Щелкунъ, выстроенный при Медовой рѣкѣ; жаль только, что жители весьма не веселаго нрава; у нихъ у всѣхъ очень болятъ зубы; пойдемте далѣе, Маша!»—Они пошли прямо къ другому городку, пестрому, разноцвѣтному, въ которомъ всѣ дома были полупрозрачны. Маша слышала громкое веселое лепетанье, и увидѣла, что больше тысячи маленькихъ человѣковъ выкладываютъ изъ множества навьючен-

ныхъ повозокъ, различный товаръ. Вся вынутая поклажа очень была похожа на шоколадныя дощечки, и на цвѣтную, различныхъ красокъ, бумагу. — «Мы теперь въ Конфектной пристани,» сказалъ Шелкунъ: «сію минуту пришло посольство отъ Шоколаднаго Царя изъ Бумажнаго Государства. Недавно дома бѣдныхъ приморскихъ жителей были очень попорчены нашествіями Муравейскаго войска, и потому, какъ вы видите, шоколадный Государь прислалъ имъ шоколаду на постройку укрѣпленій, и разноцвѣтной бумаги на крышу домовъ. — Однакоже, любезная дѣвица Штальбаумъ, намъ невозможно будетъ поспѣть въ столицу, если станемъ осматривать всѣ маленькіе города и деревни этого Государства. Поспѣшимъ въ столицу! въ столицу!» — Шелкунъ шелъ впереди скорыми шагами, Маша слѣдовала за нимъ съ большимъ любопытствомъ. Скоро повѣялъ имъ сладкій розовый запахъ, и розовый свѣтъ

разлился на всѣ предметы. Маша увидѣла, что это отблескъ сіянія Розоваго моря, которое предъ ними плескало серебрянорозовыя свои волны, и мелодическими звуками катило розовыя струи. На морѣ плавали прекрасныя бѣлыя лебеди, съ золотыми ошейниками, и пѣли неизъяснимо пріятныя пѣсни. Бриліантовыя рыбки выскакивали, чтобы ихъ слушать, и прятались опять въ румяныя воды. — «Ахъ,» сказала восхищенная Маша, это море, которое хотѣлъ мнѣ сдѣлать дядя Дросельмейеръ, а я буду та дѣвочка, которая съ лебедями разговариваетъ.» Щелкунъ насмѣшливо улыбнулся и отвѣчалъ ей: «Дядя Дросельмейеръ этого сдѣлать не въ состояніи, скорѣй вы сами, милая Маша! — Но объ этомъ толковать нечего; поѣдемъ лучше черезъ это румяное море въ столицу.

СРОДНІЦА.

Щелкунчикъ захопалъ въ ладоши, и вотъ розовыя волны румянаго моря начали быстро колебаться, высоко взлетать вверхъ, и брызгами разсыпаться, и Маша видитъ, что подплываетъ пестрый, солнечными лучами раззолоченный, разноцвѣтными камнями разпещренный, раковинный корабль. — Два золоточешуйчатые дельфина везли его. Двѣнадцать крошечныхъ Мавровъ, наряженные въ шапочки и фартуки изъ колибриныхъ перушекъ, выпрыгнули изъ корабля на берегъ, взяли на руки сперва Машу, потомъ Щелкуна, и тихо плывя по волнамъ, понесли ихъ въ корабль. — Ну, можетъ-ли какое нибудь морское путешествіе быть великолѣпнѣе и пріятнѣе? Плыть въ блестящей раковинѣ, по румянымъ волнамъ, при розовомъ дыханьи тиховьющаго вѣтерка! Золоточешуйча-

тые дельфины поднимали ноздри, и высоко пускали вверхъ струистые фонтаны, которые, падая, рассыпались миллионами блестящихъ радугъ; а въ звонѣ играющихъ брызговъ, два серебряные голоса казалось поютъ: «Кто плыветъ по розовому морю? — Фея, фея плыветъ! — Мушки, ши, ши! — Рыбки, зи, зи! — Бѣлые лебеди, клангъ, клангъ! — Пестрыя птички, чикъ, чикъ! — Волны пойте, брызгайте, скачите! — Фея, фея плыветъ! Море розовое вздымай, качай, плескай! Неси, неси!» — Мавры, стоявшіе назади раковинки, казалось, не рады были этой пѣсенки Дельфиновъ; они шумѣли лиственными своими зонтиками, топали ногами не въ тактъ, пѣли совсѣмъ не подь ладъ свою шумную, веселую пѣсню. Щелкунъ невольно смутился: «Мавры народъ безпокойный», сказалъ онъ Машѣ; «боюсь, чтобъ они не взбунтовали намъ моря.» — Въ самомъ дѣлѣ и въ воздухѣ и въ волнахъ стали разливать-

ся и плескаться множество нестройныхъ звуковъ, множество различныхъ головъ, но Маша ничего не боялась, и смотрѣла пристально въ розовыя воды, откуда улыбалось ей милюнькое, хорошенькое личико. — «Ахъ,» съ радостью вскрикнула она, и вплеснула руками; «взгляните, взгляните, любезный Дросельмейеръ! тамъ внизу принцесса Пирлипата глядитъ на меня, и ласково мнѣ улыбается.» — Щелкунъ вздохнулъ и печально отвѣчалъ ей: «О любезная и почтенная дѣвица Штальбаумъ, тамъ не принцесса Пирлипата, тамъ вы! вездѣ вы! вы одинъ! — и ваше милое личико улыбается вамъ изъ глубины Розоваго моря!» — Маша покраснѣла и перестала глядѣться въ воды. — Въ это мгновеніе раковина пристала къ берегу, и Мавры вынесли Машу на землю. Она очутилась въ прекрасной рощицѣ, такой-же свѣтлой, такой-же праздничной, какъ Рождественскій лѣсъ, но пріятнѣе еще отъ

неизъяснимо сладостнаго благовонія, разливающегося по ней всюду. Оно происходило отъ безчетнаго множества въ сахаръ вареныхъ различныхъ плодовъ, висящихъ вездѣ по вѣткамъ. — « Это конфектная роща, » сказалъ Щелкунъ, « въ двухъ шагахъ отъ столицы. » — Невозможно описать вамъ, дѣти, прелесть и великолѣпіе того города, который представился Машинькинымъ взорамъ ! Всѣ стѣны и башни , не только свѣтились разноцвѣтными красками , но здѣсь на землѣ не лѣзя найти формъ для изображенія особеннаго вида всѣхъ чудныхъ строеній. Дома , вмѣсто кровель , увѣнчаны были различными коронами , башни обвиты цвѣточными гирландами и разноцвѣтною зеленью. Когда они прѣшли ворота , искусно составленные изъ различныхъ печеній и фруктовыхъ конфектъ , то цѣлая рота серебряныхъ солдатъ отдала имъ честь ружьемъ , и одинъ мужчина въ парчевомъ халатѣ бросился обни-

мать Щелкуна, восклицая. «Здравствуйте, здравствуйте, любезный принцъ! пора вамъ въ нашъ Конфетенбургъ!» — Маша обрадовалась, услыша, что такой знатный господинъ называетъ Щелкуна принцемъ. Между тѣмъ около нея такой происходилъ шумъ, столько тоненькихъ голосовъ говорили вдругъ, такой раздавался хохотъ, лепетанье, такія пѣсни, игры, что она едва могла опомниться. «Не удивляйтесь, любезная дѣвица Штальбаумъ,» сказалъ ей Щелкунъ, «Конфетенбургъ многолюдный веселый городъ; тутъ непрерывная толкотня и суматоха. Угодно-ли идти далѣе? — Сдѣлавши нѣсколько шаговъ, пришли они на большую площадь, гдѣ все было очаровательно. Дома вокругъ были отличной сахарной работы, одна красивая галерея возвышалась надъ другою: по срединѣ стоялъ высокій малиновый пирогъ въ видѣ обелиска, около него фонтанами били различные сиропы, оршадъ,

лимонадъ и прочіе подобныя напитки. Падаѣ въ бассейнъ, пѣна ихъ составляла различные кремы и желе, и ихъ тотчасъ можно было кушать. Больше всего забавляли Машу эти тысячи маленькихъ человѣчковъ, которые не отдыхая суетились, бѣгали, плясали, хохотали, пѣли и шумѣли какъ кому хотѣлось. Всѣ были одѣты въ разнохарактерныя костюмы, кто Армяниномъ, кто Жидомъ, кто старинными Маркизами, кто баринномъ и барынями, Тиролеццами, офицерами, солдатами, пастухами, танцовщиками, актерами, рыцарями, красавцами, паяцами, однимъ словомъ всякими нарядами, какіе только на свѣтѣ быть могутъ. Въ одномъ углу площади засуетился народъ: вотъ, Маша видитъ, несутъ великаго Могола въ паланкинѣ, за нимъ идутъ 93 вельможи двора его и 700 невольниковъ. — Посмотрѣла въ другой уголъ: тамъ 500 рыбаковъ празднуютъ какую-то знаменитую ловлю, и

что-же? Турецкій Султанъ, съ тремя тысячю Янычаръ, проѣзжаетъ верхомъ; и вотъ на бѣду, толпа жрецовъ и жриць съ колокольчиками и гимнами въ то-же время по этой сторонѣ площади совершаютъ торжественное шествіе. Всѣ столкнулись, смѣшались!—Крикъ, шумъ, аханье!—Рыбакъ нечаянно сломалъ голову одному Брамину, а паяцъ опрокинулъ Великаго Могола.—Часъ отъ часу крики становились громче, Машъ начинало быть страшно; вдругъ господинъ въ парчевомъ шлафрокъ, встрѣтившій Щелкуна у воротъ, взлѣзъ на малиновый пирогъ, ударилъ три раза въ звонкій въчевой колоколъ, который висѣлъ на верху пирога, и громко возгласилъ: «Кондиторъ! Кондиторъ! Кондиторъ!»—Тотчасъ шумъ уймолкъ, вся толпа распуталась, Великій Моголь обтерся, Брамину прильпили голову, и веселье, и пляски начались снова, какъ будто ничего непріятнаго не бывало.—«Что-же значить

тутъ Кондиторъ?»—спросила Маша. —
«Ахъ, любезная дѣвица Штальбаумъ,»
отвѣчалъ Щелкунъ, «Кондиторомъ на-
зывается здѣсь невидимая страшно мо-
гущая сила, о которой думаютъ, будто
она изъ человѣковъ дѣлаетъ все, что
хочетъ. Кондиторъ судьба, управляющая
веселымъ, здѣшнимъ народомъ, и вселя-
ющая въ него такой ужасъ, что при
одномъ его имени, всякое неустройство
прекращается. Вы видѣли, что сдѣлалъ
Городничій?—Раздается это таинствен-
ное имя, и все земное умолкаетъ, каж-
дый перестаетъ думать о толчкахъ и
ушибахъ, каждый входитъ въ себя и
говорить: что такое человѣкъ! и что
изъ него будетъ?»

Маша прошла еще нѣсколько шаговъ,
и не могла удержаться, чтобъ не вскри-
кнуть отъ удивленія, когда подошла ко
дворцу. Двѣсти башенъ, возвышающіяся
на его кровлѣ, освѣщены были какимъ-

то особенно блестящимъ розовымъ сіяніемъ. Вездѣ по стѣнамъ висѣли отлично сдѣланныя изъ сахару пестрыя гирлянды, качались сахарные пучки левкоевъ, гвоздикъ, нарцисовъ, фіялокъ, тюльпановъ, розъ, и темные колера ихъ представляли ярче бѣлорозовый блескъ дворцовыхъ стѣнъ. Огромный куполъ средняго строенія, и пирамидальныя кровли окружныхъ башенъ усыяны были тысячу золотистыхъ, изумрудныхъ, рубиновыхъ звѣздъ. — Маша примѣтила, что у одной изъ башенъ недоставало кровли, и множество маленькихъ человѣчковъ, подмостившись на коришневыхъ бревнахъ, работали надъ этой кровлей. — «Недавно этому Миндальному дворцу большая угрожала опасность,» сказалъ Щелкунъ. Великанъ Объядало шелъ мимо, скусилъ кровлю у одной башни, и вострилъ уже зубы на середній куполъ, но жители Конфетенбурга поднесли ему цѣлую четверть своего города

и значительную часть конфектной рожи: удовольствовавшись этой добровольной данью, онъ продолжалъ путь свой далѣе. » — Тутъ во дворецъ слышалась восхитительная музыка, двери растворились, и двѣнадцать маленькихъ пажей, съ зажженными гвоздичными головками въ рукахъ, выступили церемонно изъ дворца. — Голова у этихъ пажей была сдѣлана изъ одной крупной жемчужины, туловище изъ яхонтовъ и изумрудовъ, а ножки и ручки золотыя. За ними шли четыре дамы, ростомъ съ Машинькину Мамзель Адель, но въ такомъ ослѣпительно великолѣпномъ нарядѣ, что Маша узнала тотчасъ урожденныхъ Принцессъ. — Онѣ бросились обнимать Щелкуна, и восклицали нѣжно: « О принцъ, любезный принцъ! — О братецъ! » — Щелкунъ былъ очень растроганъ и утиралъ текущія по щекамъ слезы, потомъ взялъ Машу за руку и торжественно сказалъ: « Честь имѣю рекомендовать вамъ Машу,

дѣвицу Штальбаумъ, дочь искуснаго Доктора Медицины и спасительницу моей жизни! — Она бросила въ Мышинаго Царя башмакъ свой; она доставила мнѣ саблю отъ стараго подполковника; безъ нея лежалъ-бы я перегрызенный Мышинымъ Царемъ! — Принцесса Пирлипата урожденная принцессой, сравнится-ли съ дѣвицею Штальбаумъ красотою, добродѣтелью и благодѣтельностью? Нѣтъ! говорю я, нѣтъ!» — Всѣ дамы воскликнули: «Нѣтъ!» — и рыдая бросились къ Машѣ на шею. — «О, великодушная избавительница нашего любезнаго принца! О несравненная дѣвица Штальбаумъ!» — После сихъ восклицаній, дамы проводили Машу и Щелкуна во внутренность дворца; Машѣ больше всего полюбилась одна комната, въ которой всѣ стѣны составлены были изъ разноцвѣтныхъ хрусталей: маленькіе стулья, комоды, бюро, горки, ящички изъ краснаго дерева, такъ превосходно были сдѣланы,

что приводили Машу въ восхищенье. Принцессы посадили Машу и Щелкуна на диванъ, а сами принялись готовить обѣдъ.—Сей часъ принесли онѣ множество маленькихъ горшечковъ, тарелокъ, блюдъ, чашъ, соусниковъ, судочковъ, все изъ лучшаго Саксонскаго фарфора; кастрюли, вилки, ножи, ложки, кочерги, сковороды и пр., все было изъ чистаго золота или серебра.—Потомъ принесли превосходнаго различнаго варенья, всякаго рода плодовъ, свѣжихъ и вареныхъ въ сахаръ, всякаго рода конфектъ, и начали бѣлинькими своими ручками толочь пряные коренья, разрѣзывать плоды, тереть на тѣркѣ миндаль, и такъ ловко стряпать и хозяйничать, что Машѣ очень захотѣлось показать принцессамъ, что и она въ этомъ дѣлѣ мастерица.—Меньшая Щелкунчикова сестра, какъ будто отгадала Машиныно тайное желаніе, подала ей иготку и сказала: «Безцѣнный другъ! несравненная спасительница

брата моего! Натолки немножко леденцу!» — Маша съ удовольствіемъ взяла золотую иготку, стала толочь, и слушала въ одно время какъ пѣлъ чуднозвучную пѣсенку золотой ея пестикъ, и какъ Щелкунъ рассказывалъ сестрамъ всю исторію битвы своей съ Мышинымъ Царемъ, и великодушнаго заступленія Маши. — Машѣ стало казаться, будто рѣчи Щелкуна все далѣе и далѣе отъ нея отходили, будто пестикъ, толкаясь объ иготку, все глуше и глуше звѣнѣлъ, и исчезалъ въ какомъ-то серебряномъ дымѣ; — будто дымъ этотъ какъ облако окружилъ ее, Щелкуна, принцессъ, пажей; пѣніе все утихало, все улетало далѣе и далѣе; Маша сама стала подниматься; — выше—выше—выше—выше. —

ОКОНЧАЕНІЕ.

Бухъ! — Маша упала съ необычайной вышины! — Открывши глаза, увидѣла

ога, что лежить на своей постель, день
ярко свѣтилъ во всѣ глаза, Маминька
стояла передъ нею и говорила: «Какъ
можно такъ спать? завтракъ давно на
столѣ!» — Ты понимаешь, почтенная вни-
мательная публика, что Маша, утомлен-
ная всѣми видѣнными чудесами, заснула
въ Миндальномъ дворцѣ, и что Мавры,
или Пажи, или сами принцессы отнесли
ее на постель, — «Ахъ, Маминька! милая
Маминька! куда меня молодой Дросель-
мейеръ нынче ночью водилъ! что я ви-
дѣла!» — И Маша стала рассказывать
видѣнное ею, почти также какъ я раз-
сказалъ вамъ теперь; Маминька съ
удивленіемъ смотрѣла на нее: «Ты все
это во снѣ видѣла, милая Маша; брось
всѣ эти глупости и проснись совсѣмъ.»
— Маша настаивала на томъ, что все это
не сонъ; тогда Маминька подвела ее къ
шкафу, вынула изъ него Щелкуна, ко-
торый по обыкновенію стоялъ на третьей
полкѣ, и сказала: — «Ну, какже ты мо-

жешь, дурочка, вѣрить, чтобы Нюрнбергская деревянная кукла могла жить и двигаться?» — «Ахъ, Маминька,» отвѣчала Маша, «я знаю, что мой Щелкунъ молодой Дросельмейеръ изъ Нюрнберга, племянникъ нашего дяди Дросельмейера!» — Тогда оба отецъ и мать принялись громко хохотать. — «Вотъ, Папинька,» говорила Маша почти сквозь слезы, ты насмѣхаешься надъ моимъ Щелкунчикомъ, а онъ сказалъ сестрамъ, при всемъ дворѣ своемъ, что ты искусный и уваженный Докторъ.» — Хохотъ продолжался, даже Луиза и Оединька смѣялись. Маша побѣжала тогда въ другую комнату, достала изъ своего ящичка семь вѣнцевъ Мышиного Царя и подала ихъ матери: «Посмотрите, Маминька, посмотрите! вотъ семь вѣнцевъ Мышиного Царя, молодой Дросельмейеръ въ прошедшую ночь подарилъ мнѣ ихъ залогомъ своей побѣды. — Мать съ удивленіемъ разсматривала сіяющіе маленькіе

вѣнцы, сдѣланные изъ неизвѣстнаго ей металла. Казалось рукамъ человѣческимъ невозможно дойти до такой совершенно искусной работы. Отецъ дивился имъ также, наконецъ оба строгимъ голосомъ стали допрашивать Машу, откуда она взяла эти вѣнцы? — Маша повторяла сказанное прежде, но когда отецъ съ досадой назвалъ ее лгуньей, то она заплакала горько. «О я бѣдная, бѣдная дѣвочка! — Чтò могу я сказать имъ? — Чѣмъ могу оправдаться?» — Въ эту минуту дверь растворилась, и Статскій Совѣтникъ Дросельмейеръ, вошедши, закричалъ имъ: «Чтò это? Чтò у васъ такое? крестница моя рыдаетъ и плачетъ? — Чтò у васъ сдѣлалось?» — Докторъ Шталбаумъ разсказалъ Дросельмейеру все происшедшее, и подалъ ему вѣнцы. Дросельмейеръ захохоталъ и сказалъ имъ: «Глупый вздоръ! глупый вздоръ! Эти вѣнцы я носилъ прежде на часахъ, и подарилъ ихъ Машѣ, когда ей минуло два года.

Развѣ вы забыли! — Никто этого подарка не помнилъ, и Маша увидѣвши, что лица родителей ея опять развеселились, подбѣжала къ Статскому Совѣтнику и сказала ему: «Дядя Дросельмейеръ, ты знаешь все! скажи мнѣ, что мой Щелкунъ племянникъ твой, молодой Дросельмейеръ изъ Нюрнберга, и что онъ подарилъ мнѣ эти вѣнцы!» — Статскій Совѣтникъ нахмурился и проворчалъ: «Чепуха! глупый вздоръ!» — Тутъ отецъ взялъ Машу за руку и очень серьезно сказалъ ей: «Слушай, Маша! брось всѣ эти бредни и вздоры; если ты еще разъ скажешь, что деревянный уродъ Щелкунъ племянникъ господина Статскаго Совѣтника Дросельмейера, то я не только Щелкуна, да и всѣ куклы твои, не исключая Мамзель Адели, выброшу за окошко!» — Бѣдная Маша послѣ этого запрещенія не могла говорить о томъ, чѣмъ была наполнена душа ея: вѣдь такихъ чудесъ, какія видѣла Ма-

ша, забыть никому невозможно. Самъ Оединька отворачивался отъ сестры, когда она начинала ему рассказывать о томъ счастіи, которымъ наслаждалась въ эту знаменитую ночь. Однажды проворчалъ онъ сквозь зубы: «Сумасшедшая дѣвочка!» — Я не совсѣмъ вѣрю такой грубости; Оединька былъ добръ, а доброму мальчику грубить сестръ не годится; вѣрно однакоже то, что, усумнившись въ истинѣ Машиныхъ видѣній, онъ при цѣломъ войскѣ, въ парадъ выстроенномъ, просилъ формально извиненія у гусаръ своихъ, прикрѣпилъ къ киверамъ ихъ мохнатыя значки изъ крашенныхъ гусиныхъ перьевъ, гораздо выше прежнихъ, и позволилъ играть гвардейскій маршъ. — Ну, а мы будто и не знаемъ какъ дѣло происходило! не знаемъ какова была храбрость красныхъ гусаръ, когда посыпались ядра на мундиръ ихъ.

Маша перестала говорить о своемъ приключеніи; но воспоминанія волшеб-

наго края носились около нея сладостной тайною, и тихими звуками въ ней отзывались; она перестала по прежнему играть, а сидѣла погрузившись въ мечты свои, за что ее часто бранили. Однажды случилось, что дядя Дросельмейеръ пришелъ чинить часы, стоящіе въ чайной комнатѣ, Маша сидѣла у стекляннаго шкафа, и забывшись сказала громко: «Ахъ милый Дросельмейеръ! если-бъ вы были живые, я бы не такая была, какъ принцесса Пирлипата, и не отвергла-бы руки вашей за то, что для моего спасенія вы сдѣлались уродомъ!» — Статскій Совѣтникъ закричалъ: «Эй, эй, глупый вздоръ!» — И въ то-же мгновеніе Маша услышала такой трескъ и шумъ, что безъ памяти упала съ своихъ креселъ. — Когда она опомнилась, то видѣла, что Маминька стоитъ передъ нею, и говоритъ ей: «Какъ не стыдно такой большой дѣвушкѣ падать со стула? Встань, оправься, и будь весела!

Къ намъ прїѣхалъ изъ Нюрнберга племянникъ Статскаго Совѣтника Дросельмейера: познакомься съ нимъ ! » — Маша обернулась: Статскій Совѣтникъ Дросельмейеръ стоялъ опять наряженный въ праздничный сертукъ, въ стеклянный парикъ свой, и держалъ за руку маленькаго, но очень красиваго молодаго человека. Лице его было какъ кровь съ молокомъ; одежда: красный съ золотомъ фракъ, шелковые чулки и башмаки, большой букетъ цвѣтовъ въ петлицѣ, и красивый пучокъ назади волосъ; подъ мышкой лоснящаяся, какъ шелкъ, шляпа, а на лѣвомъ боку блестящая разноцвѣтными камнями сабля. — Машѣ привезъ онъ изъ Нюрнберга множество прекрасныхъ игрушекъ, и еще точно такихъ, какія перегрызъ Мышиный Царь, тортовъ миндальныхъ и лепешекъ, и всякихъ конфетъ, а Оединъкъ безподобную саблю. — За столомъ весьма учтиво грызъ онъ на все общество орѣхи, са-

мые крѣпкіе были ему не по чемъ , положить въ ротъ , дернетъ себя за пучекъ—щелкъ!—и полетѣли скорлупки!

—Маша покраснѣла до ушей, увидѣвши молодаго красавца. Послѣ обѣда пошли они вмѣстѣ къ стеклянному шкафу, и она покраснѣла еще больше , когда молодой Дросельмейеръ, оставшись съ ней наединѣ , сталъ передъ ней на колѣна и сказалъ: « Несравненная дѣвица Штальбаумъ! здѣсь у ногъ вашихъ спасенный вами счастливый Дросельмейеръ! Здѣсь спасли вы мнѣ жизнь , здѣсь сказали вы , что не отвергли-бы меня , подобно принцессѣ Пирлипатъ , если-бъ я для васъ сдѣлался безобразнымъ.

Въ ту-же минуту исчезла моя уродливость и я принялъ свой прежній , не совсѣмъ противный образъ. О несравненная дѣвица! осчастливьте меня рукою своею! раздѣлите со мною тронъ и царство! Властвуйте со мною въ Миндальномъ дворцѣ, гдѣ я теперь царствую!»

— Маша подняла юношу и тихимъ голосомъ сказала: «Вы добрый человекъ, милый Дросельмейеръ, и царствуете надъ веселымъ народомъ, въ прекрасной землѣ: я согласна на ваше предложеніе, и буду ваша невеста, а вы мой женихъ!»

— Послѣ этого Маша стала невестой молодаго Дросельмейера. Черезъ нѣсколь-
ко лѣтъ онъ пріѣхалъ за нею въ золо-
той каретѣ, на серебряныхъ лошадяхъ.
На сватѣхъ ихъ плясало двадцать двѣ
тысячи фигуръ въ яхонтахъ и жемчу-
гахъ, и теперь Маша царствуетъ въ
землѣ, гдѣ безпрестанно сіяютъ Рож-
дественскія ёлки, миндальные и кара-
мельковые дворцы, и прочія радости,
какія только на умъ человеку взбрести
могутъ.

Брай

МАЛЕНЬКІЕ ЛЮДИ

СКАЗКА

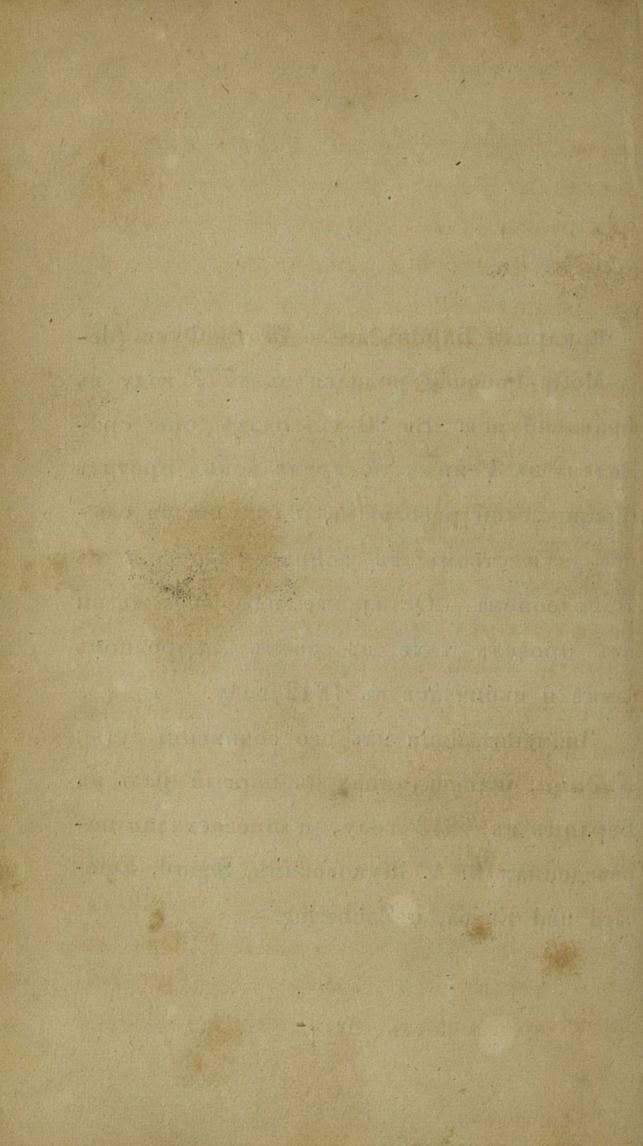
ЛАМОТЪ ФУКЭ.

Фридрихъ Баронъ де-ла-Мотъ-Фуки. (de-la-Motte-Fouqué) родился въ 1777 году въ Бранденбургѣ. Въ 90-хъ годахъ онъ сражался на Рейнѣ, во время войнъ противъ Французской революціи, и отличился своимъ мужествомъ въ войнахъ Пруссіи съ Наполеономъ.—Остальные годы своей жизни онъ провелъ тихо въ своемъ загородномъ замкѣ и скончался въ 1842 году.

Знаменитѣйшія изъ его сочиненій суть : *Ундина*, напечатанная въ первый разъ въ Берлинѣ въ 1813 году, и превосходно переведенная В. А. Жуковскимъ, *Sigurd, Eginhard und Emma, u Zaubering*.—

МАЛЕНЬКІЕ ЛЮДИ.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, маленькій Фрицъ, которому еще не было четырехъ лѣтъ, играя цвѣтами, далеко зашелъ отъ отцовскаго хутора. — Онъ еще не могъ говорить и думать, какъ взрослые. — Отецъ его Вайдгартъ былъ лѣсничимъ; хижина ихъ стояла въ мрачномъ, непроходимомъ лѣсу. Въ немъ только и жили что онъ, да его семья; но маленькій Фрицъ засмѣялся-бы надо всякимъ, кто-бы ему сказалъ, что въ сосѣдствѣ нѣтъ другихъ людей. Онъ хорошо зналъ, что много другихъ маленькихъ человѣчковъ населяли тотъ лѣсъ.

Хотя Фрицъ и былъ знакомъ только съ однимъ изъ нихъ, но этотъ одинъ замѣнялъ ему своими разсказами знакомство съ остальными. Фрицъ однакожъ никогда даже не взначай не видалъ ихъ.

Пупенденцкій, такъ назывался знакомый человѣчикъ маленькаго мальчика, ростомъ былъ не выше Фрица; но лѣтами гораздо старше его. — Фрицъ особенно полюбилъ его и съ нимъ сдружился. Пупенденцкій часто заставлялъ плясать куклы его сестеръ, какъ другіе дѣти никакъ не умѣли заставить, и Фрицъ считалъ Пупенденцкаго своимъ великимъ другомъ и товарищемъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ ему товарищъ по школѣ. Когда лѣсничій Вайдгартъ училъ Фрица и двухъ сестеръ его, Юлиньку и Анюту, читать и писать (для чего онъ находилъ въ мѣсяцъ только 2 или 3 часа времени); маленький Пупенденцкій входилъ обыкновенно въ комнату, почтительно снималъ съ зави-

той бѣлокурой головки фуражку, и, послѣ низкаго поклона, говорилъ: «я бы
«весьма желалъ воспользоваться вашими
«учеными наставленіями; правда, что
«отецъ мой очень богатъ, но однако-жъ
«онъ никогда не могъ устроить у себя
«такой хорошей школы.» Когда онъ въ
первый разъ проговорилъ такую рѣчь,
то лѣсничій Вайдгартъ пробормоталъ;
«убирайся-ка домой! тебѣ здѣсь нечего
дѣлать!» А Юлинька и Аниота много
смѣялись надъ его учтивостію. Вѣч-
но веселый Пупенденцкій, казалось,
хотѣлъ заплакать. — Но Фрицъ сталъ
передъ сестрами, и сердито грозя
кулакомъ, сказалъ: «полно хохотать;
Пупенденцкій! не плакать, — Фрицъ не
стерпитъ этого. — И сестры будто по-
боялись страннаго мальчика и затихли.
Потомъ онъ сталъ просить отца, чтобы
онъ позволилъ Пупенденцкому брать
вмѣстѣ съ ними уроки, и при этомъ
разсказалъ, какъ онъ ему приносилъ

въ садъ цвѣты и свѣтящіяся игрушки, которыя всегда уносилъ назадъ съ собою, но что лучше ихъ онъ еще ничего не видывалъ на свѣтъ. — « Давать займы все равно, что дарить » сказалъ Вайдгартъ, послѣ недолгаго размышленія : » Пупенденцкій ! сынъ мой долженъ быть тебѣ благодаренъ, и по этому ты можешь участвовать въ нашихъ урокахъ. — Смотри-же, чтобъ успѣвать !...

И снова пошло азъ, буки, аб, буки азъ, ба, все одно и тоже и все громче, да громче такъ что окошки дрожали ; а иногда Пупенденцкій изъ особаго усердія вскрикивалъ такъ , что деревья въ лѣсу со страху начинали шататься. — Но какъ скоро Вайдгартъ замѣтилъ ему, Пупенденцкій сталъ читать тише. — Такимъ образомъ болѣе полугода онъ посѣщалъ уроки лѣсничаго и всегда входилъ въ класную комнату съ тою-же учтивой фразой. Онъ столько успѣлъ что спустя полгода, могъ уже довольно про-

ворно складывать свое имя и случилось иногда, что даже безъ ошибокъ. Между тѣмъ Юля и Лнята помирились съ Пушпенденцкимъ, онъ имъ часто приносилъ блестящія стекляныя игрушечки, которыя чудо какъ свѣтились, и не разбивались, даже когда ихъ роняли на полъ. Однажды Юля изъ шалости взяла отцовскій молотъ, которымъ не мудрено было зарубить самый твердый дубъ, и стала колотить имъ блестящія стеклушки, но они не разбивались. —

И такъ маленькій Фрицъ, (какъ я уже вамъ рассказывалъ), въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, бѣгая за бабочками и цвѣтами, такъ далеко зашелъ отъ дому, что уже не могъ болѣе разобрать, въ которой сторонѣ дворъ лѣсничаго, сзади или спереди, въ правѣ или въ лѣвѣ. «Пушпенденцкій придетъ и отведетъ меня домой» подумалъ Фрицъ, и преспокойно легъ на камень поросшій мохомъ, и заснулъ. — Скоро показалось

Фрицу, будто Пупенденцкій ѣдетъ по лѣсу верхомъ на бѣломъ конькѣ, отличномъ отъ другихъ лошадей: маленькій блестящій рожокъ торчалъ у него на лбу. Когда вътеръ дулъ въ отверстіе рожка, онъ издавалъ чудные звуки, то грустные то веселые, но всегда одинаково прекрасные. —

«Пупенденцкій, хочу ѣхать, хочу ѣхать! лепеталъ маленькій Фрицъ, протирая заспанные глаза. Фрицъ разсердился! когда увидалъ, что другъ его погруженный въ глубокія думы продолжалъ путь свой, не обращая на него вниманія, и громко заплакалъ.

Тогда Пупенденцкій оглянулся, и сказалъ: «Ахъ! простите мнѣ, почтеннѣйшій сынъ моего ученаго благодѣтеля «и любезнѣйшій товарищъ, что я не «отдалъ вамъ должнаго поклона; я въ «эту минуту думалъ о такихъ важныхъ «и рѣшительныхъ обстоятельствахъ, «что. . . . »

« Ты долженъ меня взять съ собой ! » перебилъ его Фрицъ. « Хочу ѣхать до-
« мой, верхомъ на твоей лѣсной лошаdkѣ. »

« Нѣтъ, почтеннѣйшій другъ , теперь
« этого никакъ не лѣзя сдѣлать, » возра-
зилъ тотъ , смѣшавшись. — « Притомъ и
« батюшка уже вашъ ложится спать, домъ
« запертъ, теперь глубокая полночь. »

« Я хочу ѣхать съ тобой ? непременно
хочу ! » кричалъ Фрицъ, и нетерпѣливо
топалъ ногами. —

« Я очень неохотно отказываю вамъ »
увѣрялъ Пупенденцкій , » и какъ же я
« могу иначе ! Они вѣрно всѣ меня ожи-
« даютъ. Будьте здоровы любезный дру-
« жокъ, покойной ночи. — Я дамъ вамъ за
« то свѣтящіяся лампы ? » Пупенденцкій
опустилъ руку въ густую траву , и
вынулъ изъ нея множество свѣтляковъ,
разсыпалъ ихъ вокругъ маленькаго
Фрица , и запѣлъ очень тихимъ , но
пріятнымъ голосомъ. —

« Вы маленькія свѣчки
« Хорошенько ночью блестите;
« А вы Фрицъ не кричите,
« Въ каждой свѣчкѣ сонъ таится
« Онъ выльѣтаетъ изъ блестящаго цвѣтка
« И обдаетъ сладкою влагою;
« Тамъ увидишь ты много прекраснаго
« И когда проснешься
« Станешь отъ сердца смѣяться,
« А завтра, я приду сюда
« Тебя уведу.—Сказано сдѣлано!
« И снова начнется ученье!»

Но Фрицъ гнѣвно крикнулъ: «Не будетъ ученья.—И ты не смѣй болѣе при-
« ходить на уроки, если не хочешь меня
« взять съ собой!» — Пупейденцкій поблѣднѣлъ и сказалъ: «О почтеннѣйшій,
« не грозите такъ! что изъ этого будетъ!
« Поѣдьте лучше. — Я не могу
« теперь отвезти васъ въ отцовскій домъ;
« но осмѣливаюсь просить съ собою.»—
« Хочу, непременно хочу,» съ кри-

комъ продолжалъ Фрицъ, и Пупенденцкій посадилъ его впереди себя на сѣдло. —

Они отѣхали нѣсколько сотъ шаговъ, и лѣсной рожокъ, находящійся на лбу лошадки, такъ хорошо игралъ, что всѣ лѣсные жители, олени, медвѣди, зайцы, волки и кабаны, учтиво кланяясь уступали дорогу; иногда Фрицу даже казалось, что вѣковые деревья имъ кланялись, чему онъ не мало дивился. Вы я думаю видали, какъ путешественники пѣшіе и конные, кареты и телѣги уступаютъ дорогу почтовой тройкѣ.

Вдругъ показался какой-то странный человѣчикъ, ростомъ меньше самаго Пупенденцкаго. Онъ несъ въ рукъ напудренный парикъ и, проходя мимо, сказалъ: «Пупенденцкій! ты видишь вѣнецъ еще не отданъ! Если ты же- лаешь его, то спѣши.»

Пупенденцкій пришпорилъ конька, а посланникъ съ парикомъ сказалъ: «нѣтъ, если ты хочешь сѣхъ съ этой горы,

«да еще взобраться на ту и переправиться чрезъ прудъ, то на вѣрное опоздаешь. Надо ѣхать по тропинкѣ.» — «Пожалуй,» отвѣчалъ Пупенденцкій. — «Садись-ка ты позади насъ: конекъ силенъ и охотно понесетъ троихъ.» —

Маленькій человѣкъ взлезъ на лошадку позади Пупенденцаго и много хохоталъ тому, что, ухватившись за него, засыпалъ всего пудрой; дѣйствительно, Пупенденцкій походилъ на мѣльника. —

Бѣлая лошадка стала съ усиленіемъ скрести копытомъ землю, и всѣ четверо опустились въ подземное царство. Фрицъ удивился, но не очень; его занимали звуки золотого рожка, которые звонко раздавались по лѣсу.

Въ подземномъ царствѣ стало все еще прекраснѣе и чуднѣе; маленькіе люди сидѣли по обѣимъ сторонамъ дороги и были заняты разными играми, одни играли гладкими камушками, другіе блестящими кусочками стали, золо-

та и серебра, третьи, при свѣтъ красныхъ камушковъ, проводили свѣтлые ручейки маленькими золотыми трубочками, и составляли маленькіе водяные органы, которые играли лучше самаго рожка у бѣлой лошадки. За тѣмъ Пупенденцкій что-то прошепталъ своему сосѣду, и они остановили конька, дружески погладили Фрица по щечкамъ и завязали ему шелковымъ платкомъ глаза.

«Играть въ жмурки!» сказалъ Фрицъ, «вы должны мнѣ закричать, *огонь, огонь*, «если я набѣгу на здѣшнія прекрасныя «игрушечки или свѣтящіеся органы.— «Ихъ вѣдь жалко. Не правда-ли?» Но вдругъ онъ заплакалъ «Пупенденцкій «стыдно! ты меня ставишь верхъ ногами.» «Послѣ этого Пупенденцкій снялъ платокъ съ глазъ Фрица, говоря: «не сердитесь, почтеннѣйшій товарищъ; это «маленькое средство противъ головокруженія. Посмотрите, молодой ученый «дружокъ, теперь будетъ славная доро-

«га.» — Маленькій посланникъ усмѣхнулся и сказалъ припѣвая.

«Пупенденцкій ! престранное дѣло ,
«Что за слова ты набираешь.»

Пупенденцкій запѣлъ, въ отвѣтъ ему:
«Молчи дуракъ ! сперва побывай какъ
«я въ училищѣ , тогда ты не запоешь
«по птичьему ; но гордо и учено про-
«твердишь буки азъ ба , буки азъ ба
«выходить ба, да ба.» Этого испугался
мальчикъ съ парикомъ , присмирѣлъ и
отвѣсилъ такой низкій поклонъ, что чуть
было не упалъ съ лошади. Конекъ ме-
жду тѣмъ весело поднимался все вверхъ,
но не въ ту сторону, какъ бываетъ у
людей на землѣ.

Заиграли водяные органы, то громко,
то снова утихая , то звукъ ихъ терял-
ся въ вышины ; вода лилась изъ золо-
тыхъ трубочекъ возлѣ самыхъ путеше-
ственниковъ ; золотой песокъ сыпался

на нихъ и билъ вверхъ фонтаномъ, такъ что Фрицъ бралъ его горстями и разбрасывалъ по дорогъ; а маленькій посланникъ старательно сдувалъ его съ парика, чтобы не засорилась бѣлая пудра.

Бѣлый конекъ остановился и началъ стучать своимъ лѣснымъ рожкомъ. Веселая роговая музыка раздалась изъ-за мрачнаго входа, котораго затворы нависли надъ головами путешественниковъ, какъ опускаемая дверь въ подвалъ. Что-то похожее на шелковинки и паутину лѣтало и кружилось вокругъ Фрица. Онъ было хотѣлъ схватить, но Пупенденцкій умоляющимъ голосомъ сказалъ: «Оставьте это, почтеннѣйшій. Это корешки хорошенькихъ цвѣточковъ, которые послѣ такихъ опытовъ не будутъ расти.—

« Не трогать миленькихъ цвѣточковъ, подпѣвалъ Фрицъ. »

Снова постучала маленькая лошадка въ ворота и бѣлокурая головка мальчи-

ка выглянула въ отверстіе. Между нимъ и Пупенденцкимъ начался слѣдующій разговоръ: — «Сколько васъ у воротъ?» — «Насъ четверо.» — «Какъ васъ всѣхъ зовутъ?» — «Бѣлый конекъ, Фрицъ, Пупенденцкій и шутъ изъ Брабанта.» — «Что скажетъ конекъ?» — «Онъ насъ сюда принесъ.» — «А Фрицъ? изъ какого полку?» — Онъ ученый студентъ. Дѣлавшій распросы, весьма низко поклонился Фрицу, и продолжалъ: Чѣмъ хочешь ты быть?» — «Вашимъ Королемъ» — «а что приносить намъ Брабантскій шутъ?» — «Онъ несетъ съ собой корону.» —

«Отворяй!» «закричалъ бѣлокурый привратникъ, какъ солдатъ у заставы, когда проѣзжаетъ генераль. Ворота растворились, при свѣтѣ луны въѣхали три наѣздника на бѣломъ конькѣ. Въ прекрасныхъ блестящихъ латахъ, стояли по обѣимъ сторонамъ дороги солдаты, они били въ барабаны, трубили въ трубы и опускали передъ ними золо-

тыя пики. Но было замѣтно, что всѣ эти почести отдавались шуту, котораго величали Брабантскимъ, и еще болѣе парикю, который онъ несъ въ рукъ. —

Онъ вертѣлъ парикъ то въ право, то въ лѣво, и тѣ, на которыхъ попадала сыпавшаяся пудра, были тѣмъ чрезвычайно довольны. Наконецъ наши путешественники при свѣтѣ мѣсяца вѣхали въ большой лѣсъ; въ немъ росли такія деревья и цвѣты, какихъ Фрицъ никогда не видывалъ. Онъ былъ до того удивленъ, что уже начиналъ думать, что все это ему видится во снѣ. Тогда Пупенденцкій сорвалъ на скаку что-то похожее на золотое яблоко, очистилъ его серебрянымъ ножичкомъ и положилъ въ ротъ Фрицу. Когда Фрицъ почувствовалъ сладкое на языкѣ, то съ удовольствіемъ ударилъ себя по животу, и убѣдился что все это дѣйствительно на-яву.

Конекъ все прибавлялъ бѣгу, пока наши всадники не очутились вмѣстѣ съ

нимъ среди великаго множества маленькихъ хорошо одѣтыхъ людей, которыя бѣгали, прыгали, ѣздили верхомъ, танцевали, фехтовали, однимъ словомъ, играли во всѣ возможныя рыцарскія игры и казалось никогда не уставали. Маленькій старичекъ, съ бѣлыми, какъ лунь, волосами, сидѣлъ на высокомъ блестящемъ мѣстѣ и поглядывалъ на все это веселье; онъ подозвалъ къ себѣ Пупенденцкаго, и грозно взглянувъ, сказалъ: — «Пупенденцій! скажи мнѣ, откуда ты? Чего ты здѣсь хочешь? — и ты, Брабантскій шутъ, скажи мнѣ правду, зачѣмъ ты убѣжалъ отсюда, и унесъ съ собою вѣнецъ?»

Маленькій мальчикъ съ парикомъ отвѣчалъ за обоихъ, слѣдующей рѣчью:

«Судья! вамъ вѣроятно извѣстно, что этотъ вѣнецъ принадлежитъ мнѣ, доколѣ не выберутъ достойнаго короля, чтобъ осѣнить имъ главу его. Я при- велъ Пупенденцкаго, можетъ быть онъ

«удостоится высокаго сана. Конекъ
«мчался во всю прыть, теперь мы всѣ
«вмѣстѣ, и я надѣюсь чрезъ нѣсколько
«часовъ у насъ будетъ король на славу.
Маленькій старичекъ повелъ малень-
кимъ золотымъ смычкомъ по серебря-
ной виолончели, и торжественно взгля-
нулъ кругомъ. Крошечные люди, тот-
часъ сбѣжались вокругъ него и нед-
вижимо стали въ кружокъ, точно пре-
красно наряженыя куклы. Судья попро-
силъ Брабантскаго шута повторить, какъ
онъ удостоился владѣть бѣлой короной,
и тотъ началъ рассказывать всѣмъ на
смѣхъ.

«Однажды отправился я гулять на гра-
«ницу, чтобы немного поразвеселиться.
«Вы знаете, я живу въ Брабантѣ, ко-
«торый лежитъ возлѣ пресмѣшной и
«преудивительной земли Французовъ.
«Я никогда не заходилъ по ту сторону
«границы, тамъ больше хныкають, чѣмъ
«смѣются, а я большой охотникъ до

«смѣху. И вотъ я привсталъ, чтобы по-
«смотреть вдаль, и увидалъ людей, по-
«хожихъ на пуделей. Вдругъ, у меня
«это свѣжо въ памяти, будто вчера слу-
«чилось идуть два Француза мнѣ на-
«встрѣчу, и что-то преважно между
«собою бормочать? Богъ вѣсть, кто по-
«нимаетъ ихъ; по крайней мѣрѣ не я; у
«меня уши готовы были свернуться въ
«трубку отъ страшнаго бормотанія, а
«голова чуть было не треснула. Но у
«каждаго изъ нихъ былъ на головѣ пре-
«красный парикъ,— такъ называется у
«нихъ сія почтенная вещь. Я вздумалъ
«употребить хитрость, и тотчасъ же
«овладѣлъ такимъ мушнымъ ящичкомъ.»

Судья снова взглянулъ строго, и уда-
рилъ по серебряной віолончели, такъ
что она издала глубокій, сердитый звукъ.

Разскащикъ поклонился и продолжалъ.

«Я говорю съ должнымъ почтеніемъ.
Чтожъ дѣлать я принялъ его за запачкан-
«ный колпакъ сумасшедшаго, а вы въ

« немъ видите корону и такъ я остался
« въ дуракахъ. Вдругъ наши двое Фран-
« цузскихъ кавалеровъ посреди раз-
« говора, вынимаютъ каждый (въро-
« ятно для лучшаго спору,) что-то
« похожее на иголку, и тогда пошла
« потѣха. Ой, ой, ай ай, кричали они,
« ударяя другъ друга: но правду ска-
« зать, они такъ кричали будто 100000 че-
« ловѣкъ умирало. Друзья мои и Господа,
« Сижридъ во всѣ свои походы, если ихъ
« взять вмѣстѣ, не нашумѣлъ столько,
« сколько наши два Француза. По край-
« ней мѣрѣ изъ этого вышло что нибудь;
« одинъ изъ нихъ оцарапалъ руку, по-
« вредилъ ли онъ себѣ своимъ оружіемъ,
« или другой ранилъ его иголкой, этого я
« не примѣтилъ. Одно мнѣ извѣстно, что
« оба остались въ живыхъ, и, сказавъ, да
« здравствуетъ честь и слава, начали цѣ-
« ловаться, этому восторгу я былъ очень
« радъ; ибо одинъ изъ нихъ уронилъ
« въ это время свой парикъ, а я скорѣе

«съ нимъ да въ землю. Вы полагаете, что
«это вѣнецъ. Пожалуй я согласенъ. Но
«Брабантскій шутъ по долгу надо всѣмъ
«смѣется!» При этихъ словахъ онъ захо-
хоталъ очень громко и не пристойно,
но глубокій и строгій звукъ віолончели
скоро унялъ его. Тогда началъ свою
рѣчь маленькій угрюмый старичекъ, про-
изнесъ похвалу парикю и объяснилъ,
что въ эту же ночь должно рѣшить, кто
достоинъ носить его, и утвердить свое
Царское достоинство надъ могуществен-
нымъ народомъ.

Трое прекрасныхъ бѣлокурыхъ ры-
царей не выше Пупенденцкаго высту-
пили изъ тѣлпы. Во всѣхъ гимнасти-
ческихъ играхъ и рыцарскихъ испыта-
ніяхъ, они одержали побѣду и вызывали
теперь Пупенденцкаго помѣриться си-
лами. Многіе зрители готовы были дер-
жать большіе заклады противъ него, и
казалось что выиграютъ; Пупенденкій
выдѣлывалъ всѣ штуки также дурно

и неловко, какъ маленькій конекъ исполнялъ ихъ хорошо. Не разъ онъ былъ сбрасываемъ на землю и, казалось, уже избѣгалъ ударовъ и смѣлаго взора противниковъ; такъ что вскорѣ общій хохоть и шиканье заставили несчастнаго искателя вѣнца удалиться за золотую рѣшетку ристалища. Даже угрюмый, старый судья удивительнымъ образомъ сморщился какъ будто хотѣлъ смѣяться, а Фрицъ, спрятался за кустарникъ изъ стыда за своего неуклюжаго и трусливаго товарища. Къ его утѣшенію росли тамъ золотыя яблоки, которые онъ уже разъ отвѣдалъ по милости Пупенденцкаго. Онъ началъ ихъ прилежно покушивать и весьма успокоился.

Между тѣмъ Пупенденцкій выстроилъ себѣ съ рѣдкимъ искусствомъ изъ старыхъ досокъ что-то похожее на конуру; поставилъ ее на землю, влѣзъ туда, и началъ слѣдующую рѣчь.

« Милые! хотя еще не совсѣмъ обра-

«зованные, но однакожъ моему сердцу
«безцѣнные земляки и Господа! Пожерт-
«вованія для науки повредили моимъ
«тѣлеснымъ силамъ и гимнастикѣ; и даже
«тому, что вы изъ пустой гордости на-
«зываете храбростью, но..»

Тутъ прервалъ его общій смѣхъ, и
весь народъ запѣлъ въ одинъ голосъ:

«Пупенденцкій сошелъ съ ума, награ-
дите его орденомъ съумасшествія.»

Глубже и глубже прятался Фрицъ
въ кустарникъ, и отъ стыда еще съ
большимъ усердіемъ принимался за ябло-
ка. Пупенденцкій напротивъ, казалось,
не зналъ стыда: спокойно вынулъ онъ
старую азбуку, подаренную ему нѣкогда
Фрицомъ и его сестрами, и, торжест-
венно раскрывъ ее передъ всѣмъ со-
браніемъ, объяснилъ ему ея высокое на-
значеніе.

Маленькіе люди вдругъ онѣмѣли, и
выпрямились; наконецъ начали почти-

тельно кланяться, и всѣхъ ниже старый, угрюмый судья.

Однако подь конецъ старичекъ началъ сомнѣваться, въ состояніи ли Пупенденцкій воспользоваться превосходною книгою какъ слѣдуетъ, и научить всѣхъ гражданъ могущественнаго Государства чтобы они всѣ поумнѣли; — въ чемъ состояло главное дѣло. Пупенденцкій началъ тотчасъ же громкимъ голосомъ читать азъ, буки, буки азъ, и продолжалъ свое, пока всѣ не пришли въ почтительное удивленіе. Но маленькій угрюмый судья былъ очень упрямъ, и ему въ голову пришло новое сомнѣніе, что можетъ быть чтеніе Пупенденцкаго невѣрно, и что можетъ быть въ школѣ, которой онъ такъ хвалится, не такъ читаютъ. «Почтеннѣйшій! сказала Пупенденцкій, судьба дала мнѣ славное оружіе противъ вашей излишней догадки; а именно, молодаго студента, который изъ дружбы путешествуетъ вмѣстѣ

со мною, онъ покажетъ вамъ лучше-ли моего выговариваютъ и учатъ въ школахъ превосходное азъ буки и еще полезнѣйшее буки азъ ба.»

Фрицъ былъ тотчасъ позванъ и Пупенденцкій, взявъ его къ себѣ въ кануру, заставилъ говорить склады; раздались громкія рукоплесканія и Пупенденцкій былъ тотчасъ же провозглашенъ королемъ; о трехъ рыцаряхъ не было и помину.

Фрицъ напротивъ слѣдилъ за ними очень пристально, ему очень хотѣлось научиться отъ нихъ бѣганью, прыганью, и всякимъ разнымъ играмъ. Сперва Фрицъ робѣлъ, они ему казались слишкомъ величественными. Теперь же, когда о нихъ никто болѣе не заботился и они со стыда удалились изъ собранія, то Фрицъ едва дождался конца своего буки азъ ба, бросился изъ кануры прямо къ нимъ и пролепеталъ просьбу, быть его наставникомъ въ веселыхъ играхъ.

Всѣ трое рыцарей были готовы слу-

жить Фрицу. Игра началась бѣгомъ, маленькій незнакомецъ сначала очень отставалъ, и готовъ былъ уже плакать, — тогда маленькіе рыцари употребили еще большее старанье, чтобы выучить его всему искусству бѣганья. Они твердили ему: грудь впередъ, руки назадъ, не дышать ртомъ и тому подобное. Фрицъ вскорѣ почти уже обгонялъ ихъ и легко могъ мѣряться силами съ своими радушными учителями. Потомъ дошло дѣло до лазенья, метанья кольцами, фехтованья, и пр. добрые рыцари все время не переставали заботиться, чтобы Фрицъ не ушибся, и вмѣстѣ съ тѣмъ употребляли всякое стараніе, чтобы онъ въ это короткое время занялъ какъ можно болѣе отъ ихъ искусства. Все происходило очень удивительнымъ образомъ. Черезъ три четверти часа достигъ Фрицъ такого совершенства, что уже объѣзжалъ конька Пупенденцкаго. По берейтарски выдѣлывалъ онъ свой кругъ рысью, мастерски держалъ поводья и да-

валъ шенкеля; рыцари были въ восхищеніи; иногда онъ заставлялъ даже конька галопировать. Но вдругъ громкія, радостныя восклицанія обратили взоры ученика и учителей на дерновѣй пригорокъ, гдѣ теперь должно было совершиться коронованье новоизбраннаго князя.

Гордо и торжественно выступалъ Пупенденцкій, но Фрицъ и рыцари не могли удержаться отъ смѣху; шутъ Брабантскій присоединился къ нимъ, и хохоталъ отъ всего сердца. Чтобы торжественнѣе и ловчѣе носить корону, Пупенденцкій остригъ подъ гребенку свои русые кудри и получилъ отъ этого преглупый и презабавный видъ. Прочіе казалось не замѣчали. Когда поднимался общій хохоть, то Пупенденцкому стоило только прокричать изо всего горла, буки азъ ба, и всѣ какъ бы заколдованные погружались въ новое торжественное молчаніе. — Только Фрицъ, трое рыцарей и Брабантскій шутъ не стояли смирно, и казалось что

конекъ также хотѣлъ засмѣяться, только не могъ. Маленькій судья иногда очень угрюмо посматривалъ въ ту сторону, гдѣ собрались наши насмѣшники; но Пупенденцкій благосклонно извинялъ ихъ говоря что у Фрица студентскій обычай, какъ даже замѣтно изъ его неумѣстной охоты фехтовать, и что вѣроятно отъ него заразились шутъ, рыцари и конекъ, но что всѣ они впрочемъ весьма благонамѣренные люди. Повѣлители-же, какъ онъ, не должны въ общежитіи заниматься такими мѣлочами. Судья особенно похвалилъ его за такое расположеніе, и при торжественной рѣчи возложилъ ему на голову парикъ; длинныя напудренные локоны какъ-бы мантией накрыли всего маленькаго человѣчка. —

Тогда настала для всего собранія, и особенно для судьи, торжественная минута, когда надо было провозгласить многолѣтіе новому королю. Но тутъ судья раздумалъ, что имя Пупенденцкій не до-

вольно звучно и торжественно для такой великой особы, и по этому предложилъ всему собранію, что должно называть ученаго правителя болѣе достойнымъ его именемъ Пуппентанца I.

Предложеніе было одобрено и тотчасъ загремѣло въ воздухъ « Да здравствуетъ Пуппентанць I-й! Да здравствуетъ Пуппентанць!» Конекъ, Фриць, шутъ и рыцари помпировали со смѣху.—

Между тѣмъ что-то занималось на небосклонѣ, словно полоса утренней зари, и Пуппентанць I-й тогда-же доказалъ, что онъ не забываетъ добра ему сдѣланнаго, когда онъ еще былъ только Пуппенденцкій. При явной опасности для своего парика, и не смотря на свою важную особу, онъ не задумался взять на руки Фрица, и, принявъ какую-то чудную пѣсню, поскакалъ на вѣрномъ конькѣ по ближайшей дорогѣ къ хутору лѣсничаго, вмѣстѣ съ полусоннымъ Фрицомъ.

Фрицу казалось, что онъ въ люлькѣ и наконецъ мальчикъ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Когда онъ проснулся, то увидалъ себя въ своей постелѣ. Солнце блистало въ окошко, Юлинька и Анюта стояли возлѣ постели и смѣялись надъ соней. — Фрицъ отвѣчалъ. «Не соня, совсѣмъ не соня! много ѣздилъ, много дрался и много смѣялся.» И вспоминая про Пупенденцаго, который тогда уже былъ королемъ, громко захохоталъ. Сестры выбѣжали изъ комнаты рассказать отцу о маленькомъ мечтателѣ. — Но лѣсничій ушелъ за слѣдомъ дикаго кабана, и хотѣлъ возвратиться только къ обѣду. —

Когда Фрицъ вышелъ изъ комнаты, то сестры, держа передъ нимъ куклы, просили: заставь ихъ плясать, заставь плясать! Но мальчикъ отвернулся и сказалъ: не хочу! у меня важнѣе дѣло, я долженъ продолжать свое ученье верхомъ! — Тутъ опять засмѣялись

Юлинька и Анюта надъ чуднымъ мальчикомъ, который хотѣлъ ѣздить верхомъ, не имѣя даже лошади на чѣмъ ѣздить. —

Между тѣмъ Фрицъ приманилъ хлѣбомъ большую козу, которая издавна жила въ дворѣ лѣсничаго, вмигъ накинулъ на морду веревку и вспрыгнулъ ей на спину. — Отъ испуга и нетерпѣнія, коза начала брыкаться и становиться на дыбы, маленькія сестры Фрица плакали изъ боязни за брата. Но Фрицъ смотрѣлъ на дѣло шутя, и долго, крѣпко держался на дикомъ и борзomъ конѣ. Наконецъ козелъ сдѣлалъ такой крутой прыжокъ вверхъ и потомъ внизъ, что маленькій наѣздникъ полетѣлъ черезъ голову далеко въ сторону. «Глухая козлиная лошадь» бормоталъ Фрицъ. «Маленькій конекъ былъ лучше тебя гораздо лучше. «Дѣвочки не успѣли подбѣжать и остановить его, какъ маленький братъ уже снова сидѣлъ на козлѣ и безъ пощады колотилъ ему бока нога-

ми; — такъ что наконецъ рогатое животное утихло и признало надъ собой господство маленькаго наѣздника. —

Сестры съ удивленіемъ держали ручки на головѣ, когда онъ сталъ очерчивать вокругъ нихъ правильный кругъ рысью, то поворачивалъ уже объѣзженное животное, вправо и влево, и ловко управлялъ имъ во всѣ стороны. —

Потомъ онъ сошелъ съ козла, снялъ съ него уздечку и дружески погладилъ свою верховую лошадку. — Юля и Анюта начали просить его. «Еще! милый Фрицъ, поѣзди еще немножко на своемъ глупомъ козлѣ.» Но Фрицъ очень умно отвѣчалъ. «Лошадка устала теперь, лошадка должна идти покушать» — и затѣмъ пустилъ ее въ загороженный лугъ.

Между тѣмъ ему хотѣлось повеселить сестеръ, и онъ сталъ показывать имъ всѣ разныя искусныя штуки, которымъ выучили его три рыцаря, и много другаго презабавнаго, такъ что онъ не

могли довольно парадовать. — Всѣ трое зашли не много въ чащу лѣса, и Анюта уже боялась, чтобы не случилась съ ними какая бѣда, и говорила что лучше было бы вернуться домой.

«Какая бѣда можетъ случиться, отвѣчала Юля, мы вѣдь теперь въ той долинь, по которой вернется батюшка. —

Анюта на это согласилась, и въ самомъ дѣлѣ скоро послышалась издали шумная охота собакъ лѣсничаго; голосъ ихъ отдавался эхомъ отъ скалъ.

Но вдругъ изъ за кустарника бросился на беззащитныхъ дѣтей разсвирѣпѣлый, раненый кабанъ; издали преслѣдовали его собаки, съ крутаго утеса видѣлъ лѣсничій опасность, которая грозила всему, что было у него милаго на свѣтѣ. Мѣтко прицѣленный выстрѣлъ снова задѣлъ кабана, но не повалилъ его, кабанъ только что болѣе разсвирѣпѣлъ; дѣти казались пропадавшими. Фрицъ прыгнулъ въ сторону отъ побѣжавшихъ

сестеръ, и вѣроятно, выдавъ прежде какъ дѣлалъ отецъ, обратилъ разсвирѣпѣвшаго кабана прямо на себя крикомъ: «*атуй, атуй его.*» — Вмигъ бросился кабанъ на него; но Фрицъ былъ проворнѣе; и вмигъ взобрался вверхъ по гладкой ели. Звѣрь съ пѣной у рта, въ тщетномъ бѣшенствѣ грызъ корни и рылъ копытами, а маленькій мальчикъ смѣялся, и, словно красное яблочко, выставлялъ свое смѣющееся личико изъ-за-густо-зеленыхъ вѣтвей, которыя благосклонно качали по вѣтру своего маленькаго гостя. Скоро схватили кабана вѣрныя собаки, и сильный ударъ ножа подоспѣвшаго лѣсничаго положилъ замертво звѣря. Припѣвая веселую пѣсенку, спустился Фрицъ съ дерева, и ласково прыгалъ вокругъ отца. Сердце отца исполнилось благодарности къ Богу за спасеніе дѣтей, и въ особенности за умнаго, тѣломъ и духомъ крѣпкаго сына, которымъ Онъ наградилъ его. —

Онъ не высказалъ передъ мальчикомъ все, что думалъ, но на возвратномъ пути все время не могъ свести глазъ съ него, и безпрестанно возвращался къ распросамъ, какъ ему достало духа и какъ ему блеснула такая смѣлая мысль? Маленькій мальчикъ пробормоталъ ему что-то, и за тѣмъ, разумѣется, послѣдовалъ разсказъ о Пупенденцкомъ, о 3-хъ рыцаряхъ, о Брабантскомъ шутѣ и о всѣхъ удивительныхъ событіяхъ прошлой ночи. Съ радостью и часто призадумываясь, слушалъ его лѣсничій Вайдгартъ, но ничѣмъ не далъ замѣтить, что было у него на мысли. На другое утро началось снова ученіе, и лѣсничій все время часто поглядывалъ на дверь въ ожиданіи кого-то. — Желанный гость заставилъ себя на этотъ разъ дожидаться дольше обыкновеннаго, однакожь черезъ три четверти часа вошелъ Пупенденцкій весь запыхавшись и началъ отвѣшивать поклоны. Громко захохотали

дѣти и самъ угрюмый Вайдгартъ не могъ не сморщиться, стараясь удержаться отъ смѣха; такой смѣшной и дурацкій видъ имѣлъ Пупенденцкій съ выбритой головой. «Вамъ бы надо было его видѣть въ коронѣ,» закричалъ между тѣмъ смѣющійся Фрицъ, «когда его зовутъ Пупентанцемъ! Вотъ смѣхъ-то.» — Пупентанцъ однако смѣшался и дѣлалъ всевозможныя усилія, чтобы скрыть свое сердце противъ непристойнаго смѣха. Вайдгартъ, выходя изъ двери, подозвалъ къ себѣ Пупенденцкаго, и дѣти видѣли, какъ оба скорыми шагами ходили взадъ и впередъ подъ тѣнью елей, недалеко отъ пригорка, и съ жаромъ о чемъ-то разговаривали. — Наконецъ они остановились, дали торжественно другъ другу руку, какъ бы надъ важнымъ общаніемъ и, послѣ привѣтливаго поклона, разошлись. — Съ этого времени Вайдгартъ былъ особенно веселъ, часто даже шутливъ, и черное облако, которое, казалось, всегда

висѣло на его бровяхъ, теперь совсѣмъ исчезло. —

Съ этого дня Фрицъ почти всякую 3-ю или 4-ю ночь былъ уводимъ въ землю маленькихъ людей, надъ которыми царствовалъ Пупенденцкій. Сначала приходилъ за нимъ самъ король и рѣдко присылалъ вмѣсто себя, одного изъ трехъ рыцарей; но подъ конецъ, по видимому, управленіе земли стало отнимать у него столько времени, что онъ со дня на день пріѣзжалъ все рѣже, ѣздилъ верхомъ все хуже, и слабѣе сидѣлъ на своемъ конѣ. Фрицъ продолжалъ совершать свои ночныя путешествія въ сопровожденіи одного изъ рыцарей. По ту сторону чудной тропинки онъ проводилъ все время съ рыцарями, которые ему показывали всякія удивительныя штуки. — Когда Фрицъ рассказывалъ про это отцу, лѣсничій не могъ довольно нарадоваться. — Только въ тѣ дни казался лѣсничій угрюмѣе, когда Пупен-

денцкій , все еще съ выбритой головой, а иногда и въ парикъ, прѣзжалъ къ нему по утрамъ за урокомъ. Весь въ поту, и обвѣвая величественное лице платкомъ, онъ выдѣлывалъ подъ руководствомъ Вайдгарта буки азъ ба, ба, или, какъ говорили Юля и Анюта, къ великому гнѣву Пупенденцаго, — блялъ по бираньему.

Отецъ Вайдгартъ снова развеселялся и, смѣясь во все горло , говорилъ : « Да получить каждый, что ему надо и чего желаетъ; промѣнь съ моей стороны честень, а тѣ нѣсколько глупыя заботы и трудъ, которыхъ онъ мнѣ стоитъ, вознаградятся въ счастья и довольствѣ Фрица, дѣтей его и внучатъ (*).

Фрицъ замѣтилъ черезъ нѣсколько времени, что маленькіе люди на публич-

---

(*) Не слѣдуетъ забывать о блестящихъ крипкихъ стеклушкахъ которыя Пупенденцкій приносилъ играть дѣтямъ.

ныхъ праздникахъ, на которыхъ ему случилось быть у нихъ, уже почти бросили игры и прыганье, не бѣгали въ запуски, не ѣздили верхомъ; но проводили почти все время за выдѣлываньемъ трудно заученнаго азъ буки, азъ буки, буки азъ, ба. — А когда доходило дѣло до прекрасныхъ рыцарскихъ ристалищъ и игоръ, то они уже показывали въ нихъ такую неловкость, что ясно было, какъ старое, благородное искусство въ нихъ во все угасло. — Фрицъ упражнялся только съ своими тремя старыми наставниками; всѣ прочіе были слишкомъ слабы, неповоротливы и безсильны. Но казалось и наши 3 рыцаря много потеряли изъ своей любви къ боямъ и старой силы. — Фрицъ начиналъ и ихъ осиливать. Отчасти тому причиною было то, что Фрицъ росъ быстро и крѣпко и многому уже научился въ школь своихъ учителей; но видно было что и съ ихъ стороны была вина. —

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, и Фрицъ уже объѣзживалъ дикихъ лошадей большаго лѣса, взбирался на крутизны и на всемъ скаку, спускаясь подъ гору, вдругъ удерживалъ своего коня. — Однажды пришли къ нему въ мрачное и отдаленное мѣсто лѣса трое рыцарей и начали слѣдующую рѣчь: —

» Ты уже теперь не ученикъ нашъ,
» смѣлый Фрицъ, но собратъ и товарищъ по оружію. — Намъ тебя учить болѣе нечему; и такъ не сердись на насъ, если мы съ тобой простимся и отправимся искать себѣ счастья и приключеній на бѣломъ свѣтѣ. — Вообще теперь разрушено все условіе, которое насъ связывало; Пупентанцъ 1-й выучилъ у твоего отца буки азъ ба, какъ только онъ самъ знаетъ. — азъ, буки А, Б, буки азъ, ба. Жаль только, что ученое ба ба отшибло всѣ мускулы нашему народу, какъ ты уже долженъ былъ дав-

»но замѣтить. Они не умѣютъ болѣе ни
»бороться, ни прыгать, ни пѣть, разу-
»чились ѣздить верхомъ и драться, —
»едва ноги волочатъ, однимъ словомъ,
»они всѣ стали бабами; проклятое буки,
»азъ буки, насъ ужасно уронило.—Мы
»же трое не умѣли достигъ въ этой
»наукѣ совершенства, и по этому Пупен-
»танцъ 1-й почитаетъ насъ необразо-
»ванными, безпокойными и весьма опас-
»ными подданными, и съ радостью далъ
»намъ отпускъ лѣтъ на триста. Прости
»нашъ любезный, храбрый Фрицъ. Тебѣ
»нечего искать дороги въ наше отече-
»ство;—мимоходомъ сказать, она лежитъ
»далеко за моремъ, въ Государствѣ же
»Пуппентанца ; нѣтъ болѣе веселья даже
»Брабантскій шутъ и тотъ со скуки
»бросилъ азбучныхъ людей; но мы вст-
»рѣтимся когда нибудь съ тобою, и то-
»гда повеселимся на славу и покажемъ
»цѣлому свѣту, какими закадышными,
»старыми друзьями и товарищами по ору-

» жію умѣють быть Фрицъ и его ста-
» рые учителя.—

Фрицу было горько разставаться съ ними, но онъ не могъ и не хотѣлъ противиться; ибо зналъ, что они избрали благой путь. Но оставаться одному въ лѣсу, когда простились маленькіе рыцари, показалось ему невыносимо скучно. Возвратившись домой, онъ сказалъ о томъ отцу.—Вайдгартъ, послѣ недолгаго размышленія, сказалъ:» съ Богомъ отправляйся храбрый Фрицъ. Ты долженъ знать, что я ушелъ въ дикій лѣсъ отъ людей, я не могъ болѣе жить вмѣстѣ; съ ними было что съ Пуппентанцомъ и его Царствомъ.—Они уничтожили въ себѣ своимъ безпрестаннымъ абъ, аб, и ба, ба, все старое рыцарское и теперь походятъ болѣе на тѣнь, чѣмъ на человека. Но я думаю, и что если явится между ними кто нибудь смѣлый крѣпкій, какъ ты, то онъ еще найдетъ себѣ товарищей,

и снова пошло бы дѣло на ладъ. Самъ я слишкомъ старъ и угрюмъ. Отправляйся одинъ, и если тамъ станетъ лучше чѣмъ было, то приходи за мной и за сестрами.

Фрицъ съ радостью и свѣжими силами пошелъ въ свѣтъ, онъ послушалъ совѣтовъ отца и славно успѣлъ въ своемъ дѣлѣ. Потомъ онъ возвратился въ лѣсъ и взялъ съ собою отца и сестеръ. Онъ сталъ великимъ полководцемъ, и носилъ много рыцарскихъ звѣздъ на груди. Юля и Анюта, со временемъ стали знатными Княжнами и, кажется, царицами, и, если еще не умерли, то и теперь живы.

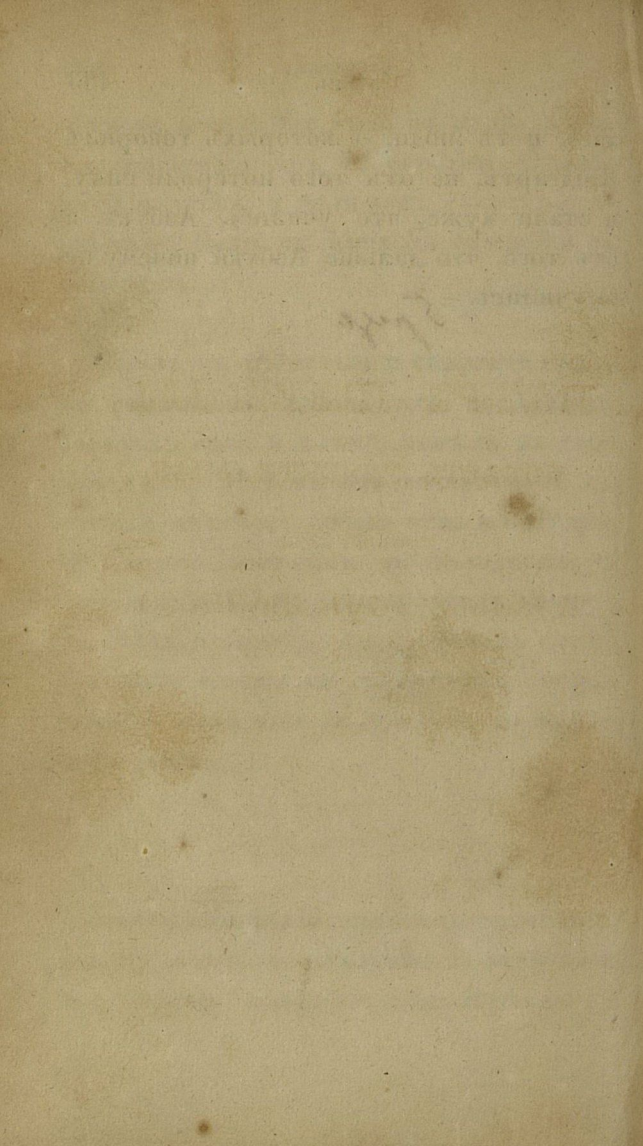

Одинъ маленькій мальчикъ, прочитавъ сказку, сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: что вѣроятно маленькіе люди Пупенденц-

каго, и тѣ люди, о которыхъ говорилъ Вайдгартъ, не отъ того потеряли силу, и стали хуже, что учились Азбукѣ, а отъ того, что дальше Азбуки ничему не выучились. —

Брэд.

ПЕТРЪ ШЛЕМИЛЬ,
ПОВѢСТЬ УДИВИТЕЛЬНАЯ,
СООБЩЕННАЯ
АДАЛЬБЕРТОМЪ ШАМИССО.

Адальбертъ Шамиссо, (собственно Louis Charles Adelaide de Chamisso de Boncourt,) отличный испытатель природы и одинъ изъ знаменитѣйшихъ современныхъ писателей Германіи, родился во Франціи, въ 1781 году 27 Генваря.—Во время Французской революціи, его семейство переселилось въ Пруссію, — и здѣсь молодой Адальбертъ былъ лейбъ-пажемъ Королевы-матери, (съ 1796 по 1798). Послѣ, до 1808 онъ служилъ въ Прусской арміи. Съ 1810 по 1812 годъ, онъ былъ профессоромъ въ лицѣ Наполеон-вильскомъ. — Въ 1815 году, сопутствовалъ знаменитому Коцебу въ его путешествіи вокругъ свѣта; — въ 1818 онъ возвратился въ Берлинъ, и до конца своей жизни

прилежно занимался естественными науками. Онъ скончался 21 Августа 1838 года.

Въ 1821 году, онъ издалъ *Bemerkungen und Ansichten auf einer Entdeckungsreise*. Въ 1804 *Musenalmanach*—и *Peter Scheemichls*. Стихотворенія его были изданы нѣсколько разъ; въ нихъ Шамиссо является чисто народнымъ Германскимъ поэтомъ, не смотря на свое Французское происхожденіе.

ПЕТРЪ ШЛЕМИЛЬ.

I.

Свершивъ довольно счастливое, но для меня все таки очень тягостное морское путешествіе, вошли мы наконецъ въ гавань. Когда боть причалилъ къ берегу, я взялъ подъ мышку небольшое имущество мое и, протѣснившись сквозь суетившуюся толпу народа, взошелъ въ ближайшій и бѣднѣйшій домишко съ вывѣской надъ дверью. Я потребовалъ комнату; прислужникъ посмотрѣлъ на меня довольно пристально и свелъ подъ самую крышу. Я спросилъ воды и гдѣ мнѣ найти господина Джонса.» За сѣверными воротами, на правой сторонѣ первый

загородный домъ, домъ совершенно новый и большой, изъ краснаго и бѣлаго мрамора, и съ колонами.»—Спасибо. —

Было еще довольно рано; не мѣшкая развязалъ я узелокъ мой, вынулъ только что вывороченный черный фракъ, принарядился опрятно и чистенько въ лучшее платье мое, положилъ въ карманъ рекомендательное письмо и пошелъ къ человѣку, отъ котораго зависило исполненіе смиренныхъ надеждъ моихъ.

Пройдя всю длинную сѣверную улицу, за воротами я увидалъ тотчасъ же бѣлѣвшіяся сквозь густую зелень, колонны. «Такъ, здѣсь—то!» подумалъ я.—Я обтеръ носовымъ платкомъ пыль съ сапоговъ, поправилъ галстухъ и позвонилъ. Дверь отворилася. На порогъ я долженъ былъ выдержать цѣлый допросъ; швейцаръ велѣлъ, однакожь, доложить обо мнѣ, и меня почтили приглашеніемъ въ паркъ, гдѣ господинъ Джонсъ прохлаждался съ гостями. — Я узналъ

его тотчасъ по блеску тучнаго самодовольствія. Онъ принялъ меня очень хорошо — какъ богачъ бѣдняка, обратился даже ко мнѣ, не отвернувшись впрочемъ отъ общества своего, и взялъ подаваемое мною рекомендательное письмо.

— А, отъ брата моего! давно уже не имѣлъ объ немъ никакихъ извѣстій! Что, онъ здоровъ, однакъжъ? Вотъ тамъ, продолжалъ онъ обращаясь къ обществу, не дождавшись отвѣта и показывая письмомъ на холмъ находившійся въ небольшомъ отдаленіи, тамъ я намѣренъ воздвигнуть новое зданіе.

Онъ сорвалъ печать, не прерывая однакъжъ разговора, перешедшаго теперь на богатство.

— Кто не имѣетъ покрайней мѣрѣ миліона, замѣтилъ онъ какъ бы мимоходомъ; тотъ, извините это выраженіе, просто дрянъ! —

— О, какъ это справедливо! восклик-

нулъ я съ глубокимъ, пересилившимъ меня чувствомъ.

Кажется это понравилось ему.

Вы любезный другъ, сказалъ онъ мнѣ, улыбаясь, можете остаться у меня. После я найду, можетъ быть, время сказать вамъ свое мнѣніе на счетъ этаго, прибавилъ онъ показывая на письмо, которое положилъ за тѣмъ въ карманъ и обратился опять къ обществу.

Онъ подалъ руку какой—то молодой дамѣ, другіе сдѣлали тоже и всѣ пошли къ холму покрытому кустами розовъ.

Я плелся въ слѣдъ за ними не обременя никого, потому что болѣе никто уже и не заботился обо мнѣ. Всѣ были очень веселы: играли, шутили; говорили по временамъ о вздорѣ съ важностію, а о важномъ какъ о вздорѣ; но болѣе всего острили надъ отсутствовавшими знакомыми. Такъ какъ я былъ тутъ совершенно чуждъ, то и не понималъ боль-

шей части; сверхъ того я былъ слишкомъ озабоченъ самимъ собой, слишкомъ углубленъ въ себя, чтобъ заниматься такими загадками.

Мы подошли къ холму. Прекрасной Фанни, которая, какъ казалось, была царицей дня этого, вздумалось сломить цвѣтущую розовую вѣтку, она уколола пальчикъ, и какъ изъ темной розы полился пурпуръ по ея нѣжной ручкѣ. Случай этотъ привелъ все общество въ величайшее волненіе. Требовали англійскаго пластыря. Молчаливый, высокій, сухощавый и пожилой уже человекъ, шедшій подлѣ меня и котораго я до сихъ поръ не замѣчалъ, опустилъ тотчасъ же руку въ приплюснутый карманъ своего старомоднаго кафтана изъ темносѣрой шелковой матеріи, вынулъ изъ него маленькій бумажникъ, раскрылъ и подалъ Фанни требуемое съ почтительнымъ поклономъ. Она взяла пластырь, не поблагодаривъ и не обративъ на него

нималѣйшаго вниманія. Ранку перевязали и пошли на холмъ, съ вершины котораго хотѣли насладиться видомъ на зеленѣющій лабиринтъ парка и на безбрежную поверхность океана.

Видъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ прекрасенъ и величественъ. На горизонтѣ, тамъ, гдѣ ясная лазурь неба сливалась съ темнымъ краемъ моря, виднѣлась свѣтлая точка.

—Зрительную трубу! закричалъ Джонсъ, и прежде чѣмъ служители явившіяся на возгласъ его, двинулись съ мѣста, сѣрый человѣкъ опустилъ уже руку въ карманъ кафтана, вынулъ изъ него прекраснѣйшую трубку Доллонда и вручилъ ее, смиренно кланяясь, господину Джонсу.

Джонсъ приставилъ ее къ глазу и объявилъ всему обществу, что это корабль вчера отплывшій и задержанный въ виду гавани противными вѣтрами. Трубка переходила изъ рукъ въ руки и невозвра-

щалась къ хозяину. Съ удивленіемъ смотрѣлъ я на этого человѣка, рѣшительно не понимая, какъ могла помѣститься такая большая вещь въ его маленькомъ, сжатомъ карманѣ; но это никому не бросалось въ глаза и на него обращали также мало вниманія, какъ и на меня.

Принесли закуски : рѣдчайшіе плоды всѣхъ странъ, въ драгоцѣннѣйшей посудѣ. Господинъ Джонсъ подчивалъ всѣхъ, и тутъ во второй разъ почтилъ меня словомъ, сказавъ:

— Кушайте; въдь на морѣ вы не ѣдали ничего такого.

Я поклонился; но онъ не видалъ этого, потому что говорилъ уже съ другими.

Захотѣли разположиться на травѣ, на склонѣ холма; передъ чуднымъ ландшафтомъ; но опасались сырости.

— Вотъ было бы прекрасно, сказалъ кто-то, еслибы у насъ были здѣсь Турецкіе ковры!

Не успѣлъ онъ еще и выговорить этого, а человѣкъ въ сѣромъ кафтанѣ вытаскивалъ уже изъ кармана съ смиреннымъ, почти униженнымъ видомъ богатѣйшій Турецкій коверъ. Служители, какъ будто это такъ и слѣдовало, взяли его, разослали на показанномъ мѣстѣ, и все общество разположилось на немъ безъ всякой церемоніи. Съ удивленіемъ смотрѣлъ я опять на этого человѣка, на карманъ его, на коверъ, имѣвшій аршинъ двадцать въ длину и покрайней мѣрѣ десять въ ширину и протиралъ глаза, не зная что и думать, особенно когда замѣтилъ, что и это никого не удивило.

Мнѣ ужасно хотѣлось узнать что это за человѣкъ, но не зналъ къ кому обратиться съ вопросомъ, потому что господа служившіе были для меня почти страшнѣе господъ, которымъ они служили. Наконецъ, я собрался съ духомъ и подошелъ къ молодому господину, который показался мнѣ не такъ важенъ, какъ

другіе, и который чаще прочихъ оставался одинъ. Тихохонько попросилъ я его сказать мнѣ, кто этотъ услужливый чловѣкъ въ сѣромъ платьѣ.

Тотъ, что страхъ какъ похожъ на конецъ нитки, выскочившей изъ иглы портнаго?

— Да, тотъ что стоитъ одинъ одиноконекъ.

— Я не знаю его, сказалъ онъ мнѣ и, какъ бы, желая избѣжать дальнѣйшихъ разговоровъ со мною, обернулся къ другому и заговорилъ съ нимъ о какомъ-то вздорѣ.

Солнце начало палить, и тѣмъ сильно беспокоить дамъ. Прекрасная Фанни, обратилась тутъ къ сѣрому чловѣку, съ которымъ, сколько я помню, никто не сказалъ еще и слова, и спросила очень небрежно: нѣтъ ли съ нимъ и палатки. Онъ отвѣтилъ ей такимъ низкимъ поклономъ, какъ будто бы ему сдѣлали особенную, нисколько имъ неза-

служиваемую честь и опустилъ руку въ карманъ, изъ котораго явились полотна, колья, шнурки, коротко, все, что нужно для прекраснѣйшей палатки. Молодежь принялась разбивать ее; она покрыла все протяженіе ковра—и это никого не удивило.

Давно становилось мнѣ какъ-то жутко, даже страшно; вообрази же мой ужасъ, когда я увидалъ, что по желанію, вскорѣ послѣ того къ-то выговоренному, онъ вынимаетъ изъ кармана три верховыя лошади—три прекрасныя, рослыя лошади съ сѣдлами и со всей збруей! Представь себѣ, три оседланныя лошади изъ того же кармана, изъ котораго вынулъ уже бумажникъ, зрительную трубку, коверъ въ двадцать аршинъ длины, и въ десять ширины, палатку такой же величины со всѣми принадлежащими къ ней кольями, жердями и желѣзами. Еслибъ я не поклялся тебѣ, что видѣлъ все собствен-

ными глазами, ты никогда не повѣрилъ бы этому.

Не смотря на всю смиренность и униженность этого человѣка, не смотря на то, что на него никто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, блѣдное лице его, съ котораго я не могъ спустить глазъ ни на одно мгновеніе, сдѣлалось мнѣ такъ страшно, что долѣе я не могъ уже выносить его.

Я рѣшился убраться потихоньку, полагая это по незначительности роли, которую тутъ разыгрывалъ, весьма нетруднымъ. Я хотѣлъ возвратиться въ городъ съ тѣмъ, чтобъ на другой день снова попытать счастья у господина Джонса, и если достанетъ духу разспросить его даже о странномъ съромъ человѣкѣ!

Я и въ самомъ дѣлѣ счастливо пробрался промежъ розовыхъ кустовъ приподошвъ холма, и стоялъ уже на открытой лужайкѣ; но вотъ, изъ опасенія, чтобъ кто нибудь не замѣтилъ какъ я пойду

прямо по травѣ, мнѣ вздумалось прежде осмотрѣться.—Вообрази же испугъ мой когда я увидалъ, что человѣкъ въ сѣромъ кафтанѣ идетъ за мной и прямо ко мнѣ. Онъ тотчасъ же снялъ шляпу и поклонился такъ низко, какъ никто мнѣ еще не кланивался. Не было никакого сомнѣнія, что онъ хотѣлъ заговорить со мной, и не сдѣлавъ величайшей грубости я не могъ ускользнуть отъ него. Я также снялъ шляпу, поклонился ему и стоялъ на солнцѣ съ непокрытой головой, точно пригвожденный. Я смотрѣлъ на него съ ужасомъ и неподвижно, какъ птичка очарованная змѣею. Онъ самъ казался очень смущеннымъ; отвѣсилъ мнѣ еще нѣсколько поклоновъ, подошелъ поближе и, не подымая глазъ, заговорилъ тихимъ трепетнымъ, почти нищенскимъ голосомъ:

—Милостивый государь, покорнѣйше прошу извинить мою навязчивость, что я человѣкъ, совершенно вамъ незнакомый,

преслѣдую васъ. У меня есть до васъ просьба. Будьте такъ милостивы—

—Но, ради Бога, государь мой, воскликнулъ я въ тоскѣ; что могу я сдѣлать для человѣка, который—

Мы смутились оба и оба, какъ мнѣ показалось, покраснѣли.

Послѣ минутнаго молчанія онъ началъ снова:

—Въ продолженіи того короткаго времени, которое я имѣлъ счастіе провести подлѣ васъ, вы нѣсколько разъ доставляли мнѣ случай—извините, милостивый государь, что я говорю вамъ это;—любоваться съ истинно не выразимымъ восторгомъ прекраснѣйшею тѣною, которую вы на солнцѣ сами не замѣчая этого, такъ сказать, съ благодарнымъ нѣкотораго рода презрѣніемъ отъ себя отбрасываете. Простите мнѣ мое дерзкое предположеніе: я не знаю, но можетъ быть вы и согласитесь предоставить мнѣ тѣнь вашу?

Онъ умолкъ, а у меня въ головѣ вертѣлось, какъ въ мѣльницѣ. Какъ понять странное предложеніе продать ему тѣнь мою!—Онъ вѣрно сумашедшій, подумалъ я, и отвѣтилъ ему измѣнившимся голосомъ, который шелъ гораздо болѣе къ его смиренной рѣчи.

— Помилуй, любезный, да не ужели тебѣ мало своей собственной? Вотъ торговля рѣшительно новаго рода!

— Въ карманъ у меня, подхватилъ онъ тотчасъ-же, есть многое, чѣмъ, можетъ быть, вы и не пренебрежете. За безцѣнную тѣнь вашу я не подорожу ничѣмъ.

Только что онъ напомнилъ мнѣ о карманѣ, меня бросило опять въ ознобъ; и мнѣ стало непонятно, какъ могъ я назвать его любезнымъ.

— Милостивый Государь, сказалъ я, желая поправить грубость мою униженнѣйшей вѣжливостью; извините покорнѣйшаго слугу вашего. Можетъ быть, я

не совершенно понялъ васъ; но какже тѣнь мою —

— Я прошу только вашего позволенія, перебилъ онъ меня, поднять и спрятать ее въ карманъ; какъ я это сдѣлаю, это уже не ваша забота. Въ замѣнь же и въ доказательство моей признательности я позволяю вамъ выбрать любую изъ драгоценностей, которыя имѣю обыкновеніе носить при себѣ. Хотите настоящую разрывъ траву, корень мандрагоры, всегда возвращающійся алталеръ, скатерть Ролландовыхъ оруженосцевъ или лучше шапку невидимку Фортуната, внозь и надолго реставрированную или неизстоющій кошелекъ его?

— Кошелекъ Фортуната! воскликнулъ я, совершенно отуманенный словомъ этимъ. Голова у меня кружилась, передъ глазами сверкали двойные дукаты.

— Неудобно-ли вамъ, Милостивый Государь, прежде осмотрѣть и испытать его? сказалъ онъ, вытащивъ изъ кар-

мана за два толстые шнурка крѣпко сшитый кожаный кошелекъ средней величины.

Я опустилъ въ него руку и вынулъ десять золотыхъ, потомъ еще десять, и еще десять, и еще.

— Я согласенъ; за кошелекъ я отдаю вамъ тѣнь мою, воскликнулъ я, протянувъ руку.

Мы ударили по рукамъ. Онъ тотчасъ же сталъ передо мной на колѣни и принялся отдѣлять тѣнь мою отъ травы тихо и съ необыкновеннымъ искусствомъ. Отдѣливъ ее до самыхъ ногъ, онъ свернулъ ее, сложилъ и спряталъ въ карманъ; потомъ всталъ, поклонился и скрылся въ кустахъ розоновъ. Мнѣ показалось, что онъ тамъ какъ будто посмѣивается. Я же держалъ кошелекъ крѣпко за шнурки; вокругъ меня вся земля ярко была освѣщена солнцемъ, а я все еще не могъ придти въ себя.

II.

Наконецъ я опомнился и спѣшилъ оставить мѣсто, гдѣ казалось нечего было больше дѣлать. Сперва я наполнилъ карманы мои золотомъ, а потомъ обвязавъ крѣпко шнурки около шеи, спряталъ самый кошелекъ за пазуху. Я вышелъ изъ парка никѣмъ незамѣченный, выбрался на дорогу и пошелъ въ городъ.

— Баринъ ! баринъ ! Да послушайте-же ! раздалось вдругъ позади меня, когда я погруженный въ мысли подходилъ къ воротамъ города.

Я обернулся, какая-то старуха кричала мнѣ въ слѣдъ:

— Осмотритесь, вы потеряли тѣнь вашу.

-- Благодарю, любезная ! сказалъ я ; швырнулъ ей за добродушное предостереженіе золотой и поворотилъ въ тѣнь подъ деревья.

У заставы та-же исторія.

— Да куда-жъ дѣвалъ онъ тѣнь свою? пробормоталъ часовой.

— Матерь Божія, вѣдь у бѣдняшки нѣтъ тѣни! «закричали въслѣдъ за тѣмъ двѣ старухи. Наконецъ это надоѣло мнѣ, и я всячески сталъ избѣгать мѣсть, освѣщенныхъ солнцемъ. Однакожь это не вездѣ было возможно; такъ напримѣръ на широкой улицѣ, которую мнѣ пришлось переходить и къ вящему еще несчастію, именно въ то самое мгновеніе, когда куча мальчишекъ выходила изъ школы. Проклятый горбатый мерзавецъ, — я какъ теперь вижу его, — замѣтилъ, тотчасъ-же, что у меня нѣтъ тѣни. Съ громкимъ крикомъ объявилъ онъ полному собранію литературно-уличной молодежи предмѣстія, и она принялась рецензировать меня и словами и грязью.

— Порядочные люди, кричали они, выходя на солнце берутъ съ собой и тѣнь свою!

Чтобъ отдѣлаться отъ нихъ, я швыр-

нуль имъ горсть золота и вскочилъ въ наемную карету, которую добыли мнѣ сострадательные люди.

Въ каретѣ я залился горькими слезами. Вѣроятно во мнѣ пробуждалось уже предчувствіе, что на сколько золото превѣшиваетъ въ этомъ мірѣ достоинство и добродѣтель, на столько превозносится въ немъ и тѣнь надъ самымъ золотомъ; и что какъ я прежде пожертвовалъ совѣсти богатствомъ, такъ точно отдалъ я теперь тѣнь мою за ничтожное золото. Какъ-же быть мнѣ, и что-же будетъ со мной!

Я былъ еще очень разстроенъ, когда карета остановилась передъ старымъ трактиромъ моимъ. Меня испугала одна уже мысль о комнаткѣ подъ самой крышей. Я велѣлъ снести пожитки мои, съ презрѣніемъ принялъ жалкій узелокъ мой; бросилъ нѣсколько золотыхъ и велѣлъ ѣхать въ самую лучшую гостиницу. Гостинница эта была расположе-

на на Сѣверѣ и потому мнѣ нечего было бояться солнца. Я отпустилъ карету, потребовалъ самыя лучшія комнаты окнами на улицу и заперся въ нихъ тотчасъ-же.

Какъ ты думаешь, чѣмъ-же занялся я?—О другъ мой! даже и тебѣ краснѣю я признаться въ этомъ.—Я вытащилъ гибельный кошелекъ изъ за-пазухи и съ какимъ-то бѣшествомъ, которое какъ пожаръ росло во мнѣ само собою, принялся вынимать изъ него золото и золото и все золото. Я сыпалъ его на полъ и ходилъ по немъ и звѣнѣлъ имъ; и все сыпалъ прельщая бѣдное сердце мое и блескомъ и звукомъ его до тѣхъ поръ, пока утомленный не упалъ на драгоцѣнное ложе это; и я валялся на немъ и рылся въ немъ въ неистовомъ восторгѣ. Такъ прошелъ и день и вечеръ — я не отпиралъ дверей комнаты моей: ночь застала меня лежащимъ на золотѣ, на немъ и заснулъ я.

Мнѣ снился ты. Мнѣ казалось, что я стою за стеклянной дверью твоей маленькой комнатки и вижу, какъ ты сидишь за рабочимъ столомъ между скелетомъ и кипой высушенныхъ растѣній; передъ тобой лежали раскрытыя Галлеръ, Гумбольдъ и Линней; на софѣ часть Гёте и Волшебное кольцо. Я долго разсматривалъ тебя и каждую вещь въ комнатѣ, и потомъ опять тебя; ты не шевелился однакожь, ты и не дышалъ даже—ты былъ мертвъ.

Я пробудился. Казалось еще очень рано. Часы мои стояли. Я былъ весь какъ разбитый; меня мучила и жажда и голодъ; со вчерашняго утра я не ѣлъ ничего. Съ досадой, съ отвращеніемъ оттолкнулъ я отъ себя золото, которымъ такъ недавно и такъ сильно восхищалось глупое сердце мое. Теперь я не зналъ, что мнѣ съ нимъ дѣлать. Не лзя же было оставить его такъ; я попробовалъ не приметъ ли его кошелекъ—нѣтъ. Ни

одно изъ оконъ моихъ не выходило на озеро. Какъ быть, пришлось перетаскивать его съ трудомъ и въ потъ лица въ большой сундукъ, стоявшій въ кабинетъ. Я оставилъ только нѣсколько пригоршней. Кончивъ работу эту, я бросился совершенно изнуренный въ кресла и ждалъ пробужденія служителей. Только что зашевелились въ домъ, я велѣлъ подать себѣ ѣсть и позвать хозяина.

Съ нимъ я посовѣтывался объ устройствѣ моего будущаго житія бытѣя. Онъ предложилъ мнѣ взять въ услуженіе человека, какъ онъ говорилъ, очень вѣрнаго, по прозванію Бенделя. Честное и умное лице этого Бенделя расположило меня тотчасъ же въ его пользу; и его-то утѣшительная привязанность помогала мнѣ переносить всѣ несчастія, которымъ въ послѣдствіи подвергла меня жестокая судьба моя.

Цѣлый день провелъ я въ моихъ комнатахъ съ немѣвщими мѣсть служи-

телями, съ сапожниками, портными и купцами. Я устроивалъ хозяйство свое; закупилъ въ особенности много драгоценностей, чтобы хоть нѣсколько уменьшить набросанную мною кучу золота; но она, казалось, нисколько не уменьшалась.

Между тѣмъ состояніе мое безпокойно меня чрезвычайно. Я не смѣлъ выдти за дверь, а вечеромъ, прежде чѣмъ выберусь изъ потемокъ, приказывалъ зажечь въ залѣ сорокъ восковыхъ свѣчей.

Съ ужасомъ припоминалъ я страшный случай съ школьниками. Наконецъ, какъ ни было это для меня трудно, я рѣшился, однакожь, испытать еще разъ общественное мнѣніе.—Ночи въ это время были мѣсячныя. Поздно вечеромъ накинулъ я на себя широкій плащъ, надвинулъ на глаза шляпу, прокрался потихоньку и дрожа, какъ преступникъ, на улицу, и только на самой отдаленной площади осмѣлился выдти изъ тѣни

отбрасываемой домами, съ трепетомъ ожидая приговора изъ устъ проходящихъ.

Избавь меня, любезный другъ, отъ тягостнаго повторенія всего, что я долженъ былъ вытерпѣть. Женщины обнаруживали неразъ глубочайшее состраданіе, но въ такихъ выраженіяхъ, которыя пронзали сердце мое не меньше насмѣшекъ ребячь и надменнаго презрѣнія мужей, въ особенности такъ толстыхъ, что бросали даже и тѣнь широкую. Прекрасная молодая дѣвушка, шедшая вѣроятно съ родителями, которые смотрѣли только на свои ноги, глянула случайно свѣтлыми глазками на меня и въ тоже мгновеніе замѣтивъ, что я небросаю тѣни, вздрогнула видимо, закрыла прекрасное личико вуалемъ, опустила головку и прошла безмолвно.

Далѣе я не могъ выносить. Градомъ брызнули слезы изъ глазъ моихъ и съ разтерзаннымъ сердцемъ, шатаясь спѣ-

шилъ я снова въ тѣнь. Я долженъ былъ идти по стѣнкамъ , чтобъ не упасть, и поздно ужъ возвратился домой.

Всю ночь провелъ я безъ сна. На другой день, первое, что мнѣ пришло въ голову—это было послать отыскивать человѣка въ сѣромъ кафтанѣ. Можетъ быть и удастся найти его ; и что если и онъ, какъ я, раскаивается въ глупомъ промѣнѣ этомъ ? — Я позвалъ Бенделя ; онъ былъ смышленъ и разсторопенъ ; я подробно описалъ ему человѣка, въ рукахъ котораго находится сокровище , безъ котораго жизнь для меня просто мученіе. Я передалъ ему время и мѣсто , гдѣ я его видѣлъ ; описалъ всѣхъ, кто тамъ былъ, прибавилъ еще чтобъ онъ освѣдомился о Долондовой зрительной трубкѣ, о богатомъ Турецкомъ коврѣ , о палаткѣ и наконецъ о черныхъ верховыхъ лошадяхъ , не объясняя ему, что за отношеніе между всѣмъ этимъ и загадочнымъ человѣкомъ,

на котораго никто не обращалъ никакого вниманія, и который однимъ появленіемъ своимъ лишилъ меня и спокойствія и счастія.

Кончивъ это порученіе, я досталъ столько золота, сколько могъ донести, прибавилъ еще не мало бриліантовъ и драгоценностей и сказалъ:

— Бендель, это пролагаетъ вездѣ путь, дѣлаетъ возможнымъ многое, что до того кажется невозможнымъ; не скупись точно также, какъ и я нескуюсь. Ступай и обрадуй господина своею вѣстію, отъ которой зависитъ счастіе всей жизни его.

Онъ ушолъ. Возвратился онъ поздно и нерадостенъ: никто изъ людей Джонса, никто изъ гостей его — онъ говорилъ со всѣми, — никто и припомнить даже не можетъ человѣка въ сѣромъ кафтанѣ. Новая зрительная трубка тамъ еще и никто не знаетъ откуда взялась она; коверъ, палатка все еще на холмѣ, служители хва-

стають богатствомъ господина своего и ни одинъ не знаетъ, откуда получилъ онъ эти новыя драгоценности. Онъ понравился ему и его нисколько не беспокоитъ, что онъ и самъ не знаетъ откуда получилъ ихъ. Лошади стоятъ въ стойлахъ молодыхъ людей, которые на нихъ ѣздили и они превозносятъ щедрость господина Джонса, отъ котораго они въ тотъ-же самый день получили ихъ въ подарокъ. Вотъ все, что я узналъ изъ подробнаго разсказа Бенделя, котораго, не смотря на неуспѣшность, я не могъ не похвалить за старательность и тщательность, съ которой онъ выполнилъ порученіе мое. Грустно махнулъ я ему рукою, чтобъ онъ оставилъ меня одного.

—Я передалъ вамъ то, что полагалъ для васъ всего важнѣе, сказалъ онъ тутъ же. Теперь мнѣ остается сообщить вамъ то, что поручилъ мнѣ сегодня поутру человекъ, на котораго я натолкнулся, выходя изъ гостиницы на ро-

зыски, такъ неудачно окончившіеся. Вотъ его собственные слова: «Скажите господину Шлемилю, что онъ не увидить уже меня здѣсь, потому что я ѣду за морь и что я сейчасъ-же отправляюсь въ гавань. Но что ровно черезъ годъ, именно въ тотъ-же самый день, я самъ отыщу его съ тѣмъ, чтобъ сдѣлать ему другое предложеніе, отъ котораго онъ, можетъ быть, не откажется. Засвидѣтельствуйте ему мое глубочайшее почтеніе и прибавьте, что я много, много ему благодаренъ.» — Я спросилъ его кто онъ; и получилъ въ отвѣтъ, что вы ужъ знаете его.

—А каковъ онъ собой? спросилъ я быстро, волнуемый горькимъ предчувствіемъ. Бендель описалъ мнѣ человѣка въ сѣромъ кафтанѣ черта въ черту, слово въ слово, какъ описывалъ его за минуту, рассказывая всѣ свои разспросы объ немъ.

—Несчастный! воскликнулъ я, ломая

руки; да вѣдь это именно онъ и былъ! Тутъ у него какъ бы съ глазъ свалилась повязка.

— Да, это онъ, именно онъ! И я слѣпой, безглазый, не узналъ его, не узналъ и измѣнилъ господину своему.

Онъ плакалъ горько, осыпая себя жесточайшими упреками, и отчаяніе его было такъ сильно, что мнѣ самому стало жаль его. Я сталъ утѣшать его, повторялъ нѣсколько разъ, что я нисколько не сомнѣваюсь въ вѣрности его, и тотчасъ же послалъ въ гавань, чтобъ открыть хоть слѣды этого удивительнаго человѣка. Но именно въ это утро вышло нѣсколько кораблей, задержанныхъ въ гавани противными вѣтрами и всѣ въ разныя страны, и сѣрый чело-вѣкъ исчезъ безъ слѣда, какъ тѣнь.

III.

Къ чему крылья закованному въ желѣзныя цѣпи? Развѣ для того, чтобъ его отчаяніе было еще мучительнѣе. Какъ Фафнеръ при сокровищѣ своемъ, отрѣшенный отъ всего человѣческаго, томился я при золотѣ моемъ; но оно не было душой моею, я проклиналъ его за то, что оно удалило меня отъ всего живущаго. Тая въ самомъ себѣ горестную тайну мою, я страшился послѣдняго служителя и въ тоже время завидовалъ ему, потому что у него была тѣнь и онъ могъ смѣло ходить по солнцу. Одинокъ грустилъ я дни и ночи; скорбь сушила сердце мое.

Скорбѣлъ и еще одинъ—мой вѣрный Бендель, не перестававшій мучить себя безмолвными упреками въ томъ, что обманулъ довѣріе добраго господина своего и не узналъ человѣка, за которымъ

былъ посланъ и съ которымъ, какъ онъ очень легко могъ догадаться, тѣсно была связана горестная судьба моя.

Желая испытать все, послалъ я однажды Бенделя съ драгоценнымъ брилліантовымъ перстнемъ и съ просьбою посѣтить меня къ славнѣйшему живописцу города. Онъ пришелъ, я удалилъ всѣхъ служителей, заперъ двери, попросилъ садиться, превознесъ его искусство до небесъ и наконецъ, съ стѣсненнымъ сердцемъ приступилъ къ самому дѣлу, взявъ прежде съ него торжественнѣйшую клятву хранить молчаніе.

— Господинъ профессоръ, началъ я, не можете ли вы, написать фальшивую тѣнь, для человѣка, который имѣлъ несчастіе лишиться настоящей?

— То есть тѣнь, которую отбрасываетъ отъ себя тѣло человѣка?

— Именно ее.

— Но скажите, пожалуйста, есть ли такая возможность быть такъ оплошну,

такъ неосмотрительну, чтобъ потерять собственную тѣнь свою?

— Разсказомъ о томъ, какъ онъ потерялъ ее не поможешь. Впрочемъ, я скажу вамъ какъ это случилось. Прошлой зимой путешествовалъ онъ по Россіи и тамъ, въ одинъ изъ жесточайшихъ морозовъ тѣнь его примерзла къ землѣ такъ крѣпко, что онъ уже никакъ не могъ оторвать ее.

— Фальшивая тѣнь, которую я конечно могъ бы написать ему, возразилъ профессоръ, будетъ однакожъ такъ невѣрна, что онъ потеряетъ ее опять при малѣйшемъ движеніи; да и гдѣжъ удержать ее, если ужъ и врожденная держалась такъ слабо, какъ это видно изъ самаго разсказа вашего. У кого нѣтъ тѣни, тому не надо ходить на солнцѣ; это будетъ и благоразумнѣе и вѣрнѣе.

Сказавъ это, онъ всталъ, и удалился, взглянувъ на меня такъ проницательно, что я не вынесъ взгляда его. Я упалъ

опять въ кресла и закрылъ лице руками.

Въ этомъ самомъ положеніи засталъ меня вошедшій Бендель. Изъ уваженія къ скорби господина своего, онъ тихо и почтительно хотѣлъ уже удалиться. — Я поднялъ глаза — тягость горя подавила меня совершенно; мнѣ надо было высказаться.

Бендель! воскликнулъ я; Бендель, ты одинъ видишь и уважаешь страданія мои; ты сочувствуешь имъ тихо и безмолвно, нисколько не оскорбляя меня неумѣстнымъ любопытствомъ. Приди въ объятія мои, будь другомъ сердца моего. Я не запираю отъ тебя сокровищъ золота моего, не хочу запираить отъ тебя и сокровищъ горя моего. Бендель, не оставляй меня. Бендель, ты знаешь, я богатъ, щедръ, добръ. Ты воображаешь, что свѣтъ долженъ уважать меня, и видишь что я бѣгаю свѣта, запираюсь отъ свѣта. Бендель, свѣтъ рѣшилъ уже и

отвергъ меня; можетъ быть, и ты оставишь меня, когда узнаешь страшную тайну мою. Бендель, я богатъ, щедръ, добръ; но — о Боже, — у меня нѣтъ тѣни.

— Нѣтъ тѣни! воскликнулъ онъ въ ужасъ и крупныя слезы брызнули изъ глазъ его. О, горе! горе мнѣ, осужденному на служеніе безтѣнному господину!

Онъ замолкъ, а я сидѣлъ закрывши лице руками.

— Бендель, началъ я опять послѣ долгаго молчанія трепетнымъ голосомъ. Я все повѣрилъ тебѣ, теперь ты можешь измѣнить мнѣ. Ступай, расскажи это всѣмъ.

Казалось, что въ душѣ его происходило сильное бореніе; наконецъ онъ упалъ передо мной на колѣни, схватилъ руку мою и оросилъ ее слезами.

— Нѣтъ, воскликнулъ онъ, чтобы тамъ ни сказалъ свѣтъ, а я не могу и не оставлю добраго господина моего изъ какой

нибѣудъ тѣни; я хочу поступать не благо-
разумно, а честно. Я остаюсь у васъ,
стану ссужать васъ мсею тѣнью, по-
могать вамъ гдѣ можно, а гдѣ не лѣзя,
буду вмѣстѣ съ вами плакать.

Я бросился къ нему на шею изумлен-
ный такимъ рѣдкимъ образомъ мыс-
лей; потому что я былъ твердо увѣренъ,
что все это дѣлается не изъ денегъ.

Съ этой поры и судьба и образъ жиз-
ни моей нѣсколько измѣнились. Я не
могу выразить съ какой заботливостью
и съ какимъ искусствомъ скрывалъ Бен-
дель недостатокъ мой. Онъ былъ вездѣ
и передъ мной и со мной, все предвидѣлъ,
все предупреждалъ, а гдѣ грозила неж-
данная опасность прикрывалъ меня тот-
часъ же своей собственной тѣнью, потому
что онъ былъ и выше и толще меня.
Такимъ образомъ я отважился вступить
опять въ среду людей и началъ уже
играть въ свѣтѣ ролю довольно значи-
тельную. Разумѣется, я долженъ былъ

накинуть на себя много причудъ и странностей; но вѣдь эти вещи идутъ къ богатому; и до тѣхъ поръ, пока не открылась роковая тайна, я пользовался всѣми почестями и всѣмъ уваженіемъ, которое доставляетъ золото. Я ожидалъ уже спокойнѣе приближеніе обѣщаннаго черезъ годъ свиданія съ таинственнымъ незнакомцемъ.

Я понималъ очень хорошо, что мнѣ никакъ не слѣдовало оставаться долго въ городѣ, гдѣ меня видѣли уже безъ тѣни, и гдѣ весьма легко могла открыться тайна моя; кромѣ того, можетъ быть, и воспоминаніе о моемъ первомъ явленіи къ Джонсу тяготило меня и потому я рѣшился пробыть тутъ очень короткое время, и то для испытанія себя, чтобъ въ другомъ мѣстѣ явиться съ большей уже увѣренностью. Но нашлась пища тщеславію, и оно задержало меня. Тщеславіе это такой грунтъ въ

человѣкъ, въ который якорь вбивается глубже и крѣпче, чѣмъ во всякой другой.

Именно та самая Фанни, съ которой мнѣ привелось уже разъ встрѣтиться и которая со всѣмъ забыла, что видѣла меня прежде, почтила меня особеннымъ вниманіемъ, потому что теперь я былъ и уменъ и остроуменъ. — Когда я говорилъ, все слушало меня; и я самъ не знаю откуда взялась у меня тогда способность овладѣвать разговоромъ и вести его легко и занимательно. Впечатленіе произведенное мною на прекрасную, когда я самъ замѣтилъ его, сдѣлало именно то, чего ей такъ хотѣлось — свело меня рѣшительно съ ума; съ этого мгновенія я слѣдовалъ за ней всюду, когда только позволяли тѣнь и сумерки, что было однакожь сопряжено съ величайшими трудностями. Я только тщеславился тѣмъ, что она тщеславится мною и не смотря на все

желаніе не могъ перенести упоенія изъ головы въ сердце.

Но къ чему пересказывать тебѣ всѣ подробности этой пошлой исторіи, ты самъ рассказывалъ мнѣ не мало подобныхъ. Эта старая, всѣмъ извѣстная піеса, въ которой я такъ простодушно принялъ на себя самую изтертую роль, кончилась однакожъ катастрофой, которой, конечно, ни она да и никто не ожидалъ.

Однимъ прекраснымъ вечеромъ, какъ обыкновенно, собралъ я въ саду довольно большее общество. Гуляя въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ прочихъ гостей рука въ руку съ моей владычицей, нашептывалъ я ей разныя любезности. Она смиренно смотрѣла въ землю и отвѣчала тихимъ пожатіемъ руки моей. Вдругъ, совсѣмъ неожиданно, позади насъ выглянуль изъ за облаковъ мѣсяцъ и она увидала одну только свою тѣнь. Вздрогнувъ, посмотрѣла она съ удивле-

ніемъ на меня, потомъ опять на землю, какъ бы вызывая глазами тѣнь мою; и все, что тогда происходило въ ней, выразилось на лицѣ ея такъ странно, что я разхохотался бы непременно, еслибы самого не обхватилъ хладный трепеть.

Она лишилась чувствъ, а я какъ стрѣла пролетѣлъ мимо испуганныхъ гостей, бросился въ первую стоявшую у воротъ карету и возвратился въ городъ, гдѣ на бѣду мою оставилъ моего осторожнаго Бенделя. Онъ ужаснулся увидавъ меня; одно слово объяснило ему все. Въ ту же минуту были приведены почтовые лошади. Я взялъ съ собою только одного изъ служителей моихъ, хитраго мошенника Раскаля, который проворствомъ и вкрадчивостью своей умѣлъ сдѣлаться для меня необходимымъ, и который не могъ и предчувствовать случившагося со мною въ тотъ вечеръ. Въ ту же самую ночь проскакали

мы тридцать миль. Бендель же остался въ городѣ для разплаты съ хозяиномъ и съ должниками и для того, чтобъ захватить все необходимое. На другой день, когда онъ нагналъ насъ, я бросился въ его объятія и клялся, что впередъ не сдѣлаю уже никакой глупости, что буду гораздо осторожнѣе. Мы переѣхали границу и горы и только за ними, отдаленный этой высокой преградой отъ бѣдственнаго для меня города, согласился я отдохнуть въ маленькомъ мѣстечкѣ съ минеральными водами, имѣвшими очень немногихъ посѣтителей.

IV.

Быстро долженъ я пробѣжать въ моемъ разсказѣ время, на которомъ остановился бы такъ охотно, еслибъ только могъ воскресить въ памяти живой духъ его. Но исчезъ цвѣтъ живившій — цвѣтъ, который только и можетъ ожи-

вить его, и когда я силюсь отыскать въ груди моей все, что такъ сильно тогда воздымало ее : и восторги и горести и свѣтлыя мечты — тщетно стучу я въ скалу, изъ которой не брызнуть уже живому источнику. Господь покинулъ меня. И какъ измѣнилось для меня прошедшее время это! — Въ мѣстечкѣ я принялъ на себя роль — роль слишкомъ плохо заученную, и изъ которой тотчасъ вышелъ, засмотрѣвшись на пару голубыхъ глазъ. Обманутые игрой моей родители, старались всѣми силами заключить торгъ какъ можно скорѣе и пошлый фарсъ кончился для меня позоромъ. И только! — Все это представляется мнѣ теперь такъ глупымъ, такъ пошлымъ, и въ тоже время мнѣ становится какъ то страшно, что мнѣ можетъ такъ представляться и то, что такъ чудно тогда счастливо и пренаполняло грудь мою. О, Мина, какъ тогда, теряя тебя, я плакалъ горько, такъ и теперь

горько плачу я, что потерялъ тебя и въ самомъ себѣ. Неужели я такъ старъ уже? О, безпощадный разумъ! возврати мнѣ хоть одно мгновеніе того времени, хоть одну мечту того обольщенія; но нѣтъ--одинокъ я на великомъ, на пустынномъ океанѣ горькихъ водъ твоихъ, и давнымъ давно выльтель уже эльфы шампанскаго изъ послѣдняго бокала.

Я послалъ Бенделя впередъ съ нѣсколькими мѣшками золота, чтобъ онъ отыскалъ и приготовилъ приличную квартиру. Онъ сыпалъ деньги не жалѣя, насчетъ же знатнаго иностранца, которому служилъ, выражался довольно неопредѣленно, и потому все это навело простодушныхъ жителей на довольно странное предположеніе. Приготовивъ квартиру, Бендель приѣхалъ тотчасъ за мною, и мы отправились.

За милю отъ мѣстечка, на полянѣ ярко освѣщенной солнцемъ, большая толпа народа въ праздничныхъ одеждахъ пре-

градила намъ дорогу. Карета остановилась. Музыка гремѣла, колокола звѣнѣли, слышны были даже пушечные выстрѣлы и наконецъ громкое ура потрясло всю окрестность. Къ дверцамъ кареты подошелъ хоръ дѣвушекъ красоты необыкновенной, но одна затемняла ихъ всѣхъ, какъ яркое солнце блѣдныя звѣзды ночи. Она выступила изъ среды подругъ своихъ, преклонила передо мной колѣни, протянула ко мнѣ атласную подушку, на которой лежалъ вѣнокъ сплетенный изъ лавровъ, оливъ и розъ, и краснѣя отъ застѣнчивости прошептала что-то о величествѣ, уваженіи и любви. Я рѣшительно ничего не понималъ и не смотря на то нѣжный и серебристый звукъ ея голоса, очаровалъ и слухъ и сердце мое. Мнѣ казалось, что это небесное видѣніе когда-то являлось уже мнѣ. Только что она кончила, хоръ запѣлъ хвалу доброму королю и счастію народа его.

И все это, на мѣсть ярко освѣщен-

номъ солнцемъ! Она все еще стояла въ двухъ шагахъ отъ меня на колѣнахъ, а я, безъ тѣни, не могъ перескочить черезъ эту пропасть, чтобъ самому пасть передъ ангеломъ. О, чего не отдалъ бы я въ это мгновеніе за какую бы ни было тѣнь! я долженъ былъ скрывать мой стыдъ, мою тоску, мое отчаяніе въ глубинѣ кареты. Наконецъ Бендель спохватился и выскочилъ съ другой стороны; я кликнулъ его назадъ и вручилъ ему попавшійся подъ руку бриліантовый вѣнчикъ, который долженъ былъ украшать головку Фанни. Онъ подошелъ къ толпѣ, объявилъ отъ имени господина своего, что онъ не можетъ и не хочетъ принять всѣхъ этихъ почестей, что тутъ должна быть какая нибудь ошибка и что, не смотря на то, онъ все таки благодарить добрыхъ жителей города. Сказавъ это, онъ взялъ предлагаемый вѣнокъ, замѣнивъ его бриліантовымъ вѣнчкомъ; поднялъ потомъ прекрасную, по-

просилъ толпу раздвинуться, вскочилъ потомъ въ карету и она, быстро проскакавъ сквозь ворота сдѣланныя изъ зеленыхъ вѣтвей и цвѣтовъ, понеслась прямо въ городъ.

А пушки все еще гремѣли. Карета остановилась передъ крыльцомъ дома моего, и я выскочилъ изъ нея быстро раздѣляя толпу, которую собрало здѣсь любопытство и желаніе видѣть меня. Народъ кричалъ ура подъ моими окнами и я велѣлъ бросить ему золота. По вечеру весь городъ былъ иллюминованъ.

Я все еще не зналъ, что это значить и за кого принимаютъ меня. Я послалъ Раскаля развѣдать и ему рассказали, какъ получено вѣрнѣйшее извѣстіе, что добрый Король Прусскій путешествуетъ по владѣніямъ своимъ подъ именемъ какого-то графа, какъ узнали моего адъютанта, какъ онъ измѣнилъ и мнѣ и самому себѣ, и какъ велика ихъ радость видѣть меня въ городъ ихъ. Что теперь,

такъ какъ очевидно, что я хочу сохранить строжайшее инкогнито, они конечно понимаютъ какъ неосторожно поступили приподнявъ такъ дерзко завѣсу тайны. Но что я гнѣвался такъ милостиво, такъ великодушно, что они надѣются, что я прощу имъ преизбытокъ любви ихъ.

Негодяю показалось это такъ забавнымъ, что онъ съ своей стороны сдѣлалъ все что могъ, чтобъ утвердить ихъ въ этомъ предложеніи еще болѣе. Онъ рассказывалъ все это чрезвычайно смѣшно; увидавъ же это что забавляетъ меня, онъ не скрылъ отъ меня даже и злобной насмѣшки своей надъ ихъ легкомысліемъ. Признатся ли? Мнѣ льстило что меня принимаютъ за вѣнценосца.

Я приказалъ устроить къ слѣдующему вечеру подъ деревьями, остѣнявшими площадку передъ моимъ домомъ, празднество, на которое пригласилъ цѣлый городъ. Таинственная сила кошелька,

моего, старательность Бенделя и быстрая изобретательность Раскаля побѣдили самое время. Въ самомъ дѣлѣ все было устроено въ нѣсколько часовъ съ удивительнымъ великолѣпіемъ и роскошью; освѣщеніе же придумали такъ хитро, что мнѣ рѣшительно нечего было опасаться.

Вечерѣло. Гости собирались и представлялись мнѣ. Величества не было и въ поминѣ; все съ глубочайшимъ уваженіемъ величало меня только графомъ. Дѣлать было нечего; напрасно сталъ бы я отпираться и я остался графомъ Петромъ. Между тѣмъ и въ шумъ празднества душа моя жаждала одной. Поздно явилась она, такъ достойная вѣнца, въ вѣнцѣ ей подаренномъ. Скромно шла она за родителями, какъ казалось, нисколько не подозрѣвая, что она всѣхъ прекраснѣе. Мнѣ представили господина Форшмейстера, его супругу и дочь. Старикамъ я наговорилъ много лестнаго и обязательнаго,

передъ дочерью же стоялъ, какъ школьникъ получившій порядочный нагоняй, и немогъ вымолвить слова. Наконецъ запинаясь, попросилъ я ее почтить праздноество это, быть Царицей его. Съ прелестнѣйшей стыдливостью съ умоляющимъ взглядомъ, просила она уволить, ее; но я, покраснѣвши еще болѣе чѣмъ она, преклонилъ уже передъ ней колѣна какъ первый подданный; и всѣ гости сдѣлали тоже; примѣръ графа былъ для нихъ закономъ. Счастливые родители Мины думали, что только въ честь имъ возвышали такъ дочь ихъ; я былъ въ какомъ-то упоеніи. Всѣ перлы, всѣ бриліанты — которыхъ я накупилъ множество, чтобъ хоть нѣсколько избавиться отъ обременительнаго золота, — велѣлъ я положить на два закрытыя блюда и разносить отъ имени царицы между подругами ея и дамами; народу же, который толпился вокругъ загородки, бросали безпрестанно золото.

На другое утро Бендель открылъ мнѣ, что давнее подозрѣніе его Раскалевой честности, подтвердилось наконецъ совершенно; что вчера онъ утаилъ нѣсколько мѣшковъ золота.

— Это ничего не значить, сказалъ я ему; я такъ охотно бросаю золото мое всѣмъ, отчегожь и ему не попользоваться. И онъ и всѣ новые служители тобою набранные содѣйствовали вчерашнему празднеству превосходно; я вполне доволенъ ими.

Такъ это и кончилось. Раскаль остался первымъ изъ моихъ служителей, Бендель же былъ моимъ другомъ и повѣреннымъ. Послѣдній привыкъ уже думать, что богатство мое неизтощимо и потому, никогда не развѣдывая объ источникахъ его, вошелъ совершенно въ желанія мои, и помогалъ мнѣ всячески выказывать и разточать его. Что же касается до незнакомца такъ онъ думалъ, что только онъ и можетъ снять съ меня тяжелое, лежавшее на мнѣ про-

клятiе, что я боюсь его какъ челоуѣка, на котораго положилъ всѣ надежды свои, и что убѣдившись наконецъ въ не-возможности отыскать его, я рѣшился ждать обѣщаннаго дня.

Великолѣпiе празднества и необыкновенная щедрость моя утвердили легковѣрныхъ жителей города въ нелѣпномъ предположенiи ихъ еще болѣе. Вскорѣ они узнали конечно изъ газетъ, что все это баснословное путешествiе короля Прускаго, былъ пустой наничемъ не основанный слухъ. Но они пожаловали уже меня въ Короли и потому не смотря ни на что, я долженъ былъ остаться Королемъ и притомъ еще королевственнѣйшимъ и богатѣйшимъ. Не могли только опредѣлить, какой собственно я Король. Мiръ никогда не могъ пожаловаться на недостатокъ въ монархахъ и тѣмъ паче въ наше время; добряки эти никогда не видавшие ни одного, принимали меня то за то-

го, то за другаго, — графъ Петръ оставался все тѣмъ-же, что онъ былъ.

Въ числѣ посѣтителей водъ, былъ купецъ обанкротившійся для обогащенія, пользовавшійся общимъ уваженіемъ и отбрасывавшій отъ себя нѣсколько блѣдноватую, но за то довольно широкую тѣнь. Онъ хотѣлъ блеснуть здѣсь собраннымъ богатствомъ, и наконецъ вздумалъ даже соперничать со мною. Я прибѣгъ къ кошельку моему и глупецъ вскорѣ долженъ былъ обанкротиться снова и убраться за горы. Такъ избавился я отъ него.—Многихъ сдѣлалъ я въ мѣстечкѣ этомъ тунеядцами и негодяями.

При всемъ царскомъ блескѣ, при всей разсточительности, самъ я жилъ очень просто и уединенно. Въ мою комнату доступъ былъ возбраненъ строжайше всякому, кромѣ Бенделя. Пока свѣтило солнце, я сидѣлъ въ ней съ нимъ запершись, и тутъ говорили, что графъ работаетъ въ своемъ кабинетѣ; къ этимъ

же работамъ относились и частые курьеры, которыхъ я посылалъ за всякой бездѣлицей ! Я принималъ только по вечеру подъ деревьями, осынявшими домъ мой, или въ залѣ, ярко освѣщенной, по особенному разпредѣленію Бенделя. Я выходилъ, и то подъ аргусовскимъ надзоромъ Бенделя, только въ садъ Форштемейстера, куда влекла меня любовь — любовь, сдѣлавшаяся душой всей жизни моей.

О, добрый мой Шамиссо, надѣюсь, что ты не забылъ еще, что такое любовь ! Я предоставляю тебѣ самому пополнить здѣсь многое. Мина была, въ самомъ дѣлѣ, милое, доброе и кроткое созданіе. Я сосредоточилъ на себѣ все ея помышленія; въ простотѣ души своей, она рѣшительно не понимала, чѣмъ могла она обратить на себя вниманіе мое и платила любовію за любовь со всею юношескимъ увлеченіемъ невиннаго сердца. Она любила какъ благородная жен-

щина, забывая самое себя, отдаваясь совершенно тому, кого почитала жизнію своей, нисколько не заботясь о томъ, что можетъ погубить себя. Она любила истинно.

А я—о, какія ужасныя мгновенія!—Да, ужасныя, и вмѣстѣ такъ прекрасныя, что не лзя не пожелать возвращенія ихъ. Сколько разъ, очнувшись отъ упонительнаго самозабвенія, сообразивъ съ какимъ коварнымъ самолюбіемъ увлекъ, привязалъ я къ себѣ—я человѣкъ безъ тѣни, чистую невинную душу эту, упалъ я со слезами на грудь Бенделя, клялся, что открою ей все, что оторвусь отъ нея, что бѣгу и черезъ минуту—совѣтовался опять съ нимъ, какъ-бы повечеру увидаться съ ней въ саду Форштмейстера.

По временамъ я обольщалъ себя, Богъ знаетъ, какими надеждами на близившееся посѣщеніе сѣраго незнакомца, и снова проливалъ слезы, когда надежды эти

помрачались сомнѣніями. Я вычислилъ день, въ который онъ долженъ явиться; онъ сказалъ : ровно черезъ годъ, а я вѣрилъ слову его.

Родители Мины, были добрые, довольно пожилые уже люди, любившіе ее, какъ единственное дитя свое; отношенія мои къ ней поразили ихъ совсѣмъ неожиданно, тогда какъ они совсѣмъ уже опредѣлились, и они не знали что дѣлать. До этого имъ и въ голову не приходило, чтобъ графъ Петръ могъ когда нибудь заняться дочерью ихъ и вотъ, онъ любить ее и любимъ. — Мать была впрочемъ на столько тщеславна, что почитала соединеніе наше возможнымъ и даже хлопотала о немъ; но здравый смыслъ старика не могъ допустить этого никакимъ образомъ. Они оба были убѣждены въ чистотѣ любви моей — имъ оставалось только молиться за дитя свое.

Вотъ мнѣ попалось подъ руку одно изъ писемъ Мины того времени :

« Я глупая , неразумная дѣвушка ; я вообразила , что мой милый — потому что я глубоко , глубоко люблю его , — никогда не захочетъ огорчить бѣдную дѣвушку . — Ахъ , ты такъ добръ , такъ невыразимо добръ — пойми-же меня хорошенько . Ты ничѣмъ не долженъ мнѣ жертвовать , не долженъ даже и желать этого . О , Боже ! я въ состояніи возненавидѣть себя , если ты хоть чѣмъ нибудь пожертвуешь мнѣ . — Нѣтъ — ты сдѣлалъ меня безконечно счастливой , ты научилъ меня любить тебя . — Утѣжай ! Ведь я знаю судьбу мою — графъ Петръ принадлежитъ не мнѣ , а свѣту . Я стану гордиться когда услышу : это онъ и опять онъ , это сдѣлано имъ , и здѣсь благословляли его , и тамъ боготворятъ его . — Видишь-ли , какъ я подумаю объ этомъ , такъ мнѣ и станетъ досадно на тебя , что ты въ состояніи забыть свое высо-

кое предназначеніе , для такой простой и ничтожной дѣвушки, какъ я. — Поѣзжай ! а то пожалуй мысль эта сдѣлаетъ меня еще несчастною — меня такъ счастливую тобою. — Развѣ я не вплела оливъ и розъ въ жизнь твою точно также, какъ въ вѣнокъ, который подала тебѣ при первой встрѣчѣ нашей. Не бойся удаленія отъ меня ; ты всегда будешь въ сердцѣ моемъ — я умру счастливая, невыразимо счастливая тобою. »

Можешь себѣ представить какъ должны были разтерзать сердце мое слова эти. Я объяснилъ ей, что я совсѣмъ не то, за что меня принимаютъ ; что я очень богатый, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безконечно несчастный человекъ ; что на мнѣ тяготѣетъ проклятіе , которое должно остаться единственной тайной между ею и мной, потому что я не совсѣмъ еще лишенъ надежды избавиться отъ него ; что это отравя всей жизни моей ; что я могу увлечь вмѣстѣ съ собой въ без-

ду и ее — ее, свѣтъ, счастье, душу жизни моей. И она плакала, что я несчастливъ. Ахъ, она была такъ добра, такъ полна любви! Съ восторгомъ пожертвовала-бы она собою, если-бы могла изкупить тѣмъ хоть одну слезу мою.

Но она все еще никакъ не подозрѣвала настоящаго значенія словъ моихъ; она полагала, что я какой нибудь князь, или какое нибудь другое значительное гонимое лице, и воображеніе ея украшало меня всѣми геройскими доблестями.

— Мина, сказалъ я ей однажды; послѣдній день слѣдующаго мѣсяца можетъ измѣнить и рѣшить судьбу мою; обманетъ онъ ожиданія мои, я умру, потому что не хочу сдѣлать тебя несчастною.

— Переменится судьба твоя, говорила она, скрывая орошенное слезами лице свое на груди моей; я не имѣю на тебя никакихъ притязаній, — я буду до-

вольна однимъ уже сознаниемъ , что ты счастливъ. Будешь несчастенъ — соедини судьбу мою съ твоею , и я помогу тебѣ нести тягостное горе.

— О, возьми, воскликнулъ я, возьми назадъ поспѣшную, глупую просьбу эту, такъ необдуманно сорвавшуюся съ устъ твоихъ ! Знаешь-ли ты, что это за несчастіе, что это за проклятіе ? Знаешь-ли ты кто твой возлюбленный — что онъ ? — Развѣ ты не видишь какъ судорожно потрясаетъ меня тайна, которой не могу открыть даже и тебѣ !

Рыдая упала она къ ногамъ моимъ и заклинала исполнить просьбу ея.

Я объявилъ вошедшему Форштмейстеру, что въ первое число слѣдующаго мѣсяца я намѣренъ просить у него руки дочери его ; что срокъ этотъ я назначаю потому, что до того времени можетъ случиться многое, что должно имѣть большее вліяніе на судьбу мою ,

и что любовь моя къ его дочери неизмѣнна.

Добрякъ, услыхавъ такіе слова изъ устъ графа Петра, испугался рѣшительно. Онъ бросился ко мнѣ въ объятія и тотчасъ-же сконфузился, что могъ до того забытья. За тѣмъ пошли сомнѣнія, опасенія и разспросы; онъ заговорилъ о приданомъ, объ обезпеченіи, о будущности своей возлюбленной дочери. Я поблагодарилъ за напоминовеніе; сообщилъ, что думаю навсегда поселиться въ странѣ, гдѣ такъ любимъ и наконецъ попросилъ скупить на имя дочери всѣ лучшія продажныя помѣстья, предоставивъ расплачиваться мнѣ.

Порученіе это заставило его похлопотать порядкомъ, потому что его предупреждали вездѣ, куда онъ ни являлся, и всѣ покупки его обошлись мнѣ не болѣе милліона.

Все это была невинная хитрость, чтобъ только удалить его, и я пользовался

ей не въ первый разъ, потому что, надобно признаться, старикъ былъ въ самомъ дѣлѣ нѣсколько докученъ. Добрая же маменька была напротивъ не много глуховата и нѣсколько не имѣла нелѣпой фантазіи занимать графа.

Тутъ подошла къ намъ и она. Счастливые люди эти просили меня провести съ ними весь этотъ вечеръ; мнѣ же долѣе ни минуты не лѣзя было оставаться, потому что на горизонтѣ виднѣлся уже край выплывавшаго мѣсяца.

Въ слѣдующій вечеръ пошелъ я опять въ садъ Форштмейстера. Взглянувъ на меня совсѣмъ закутаннаго въ широкій плащъ, и съ шляпой падвинutoй на глаза, Мина сдѣлала какое-то невольное движеніе, и въ душѣ моей воскресло чудное явленіе страшной ночи, когда на мѣсячномъ сіяніи меня увидали безъ тѣни. Въ самомъ дѣлѣ это была она. Но узнала-ли она меня?—Она была ти-

ха и задумчива; у меня лежалъ камень на сердцѣ. Я всталъ съ мѣста моего; безмолвно рыдая бросилась она ко мнѣ на грудь. Я ушелъ.

Послѣ этого я уже часто заставлялъ ее въ слезахъ; — душа моя мрачилась все болѣе и болѣе — только родители ея были необыкновенно счастливы. Роковый день близился глухо и сумрачно какъ грозовая туча. Насталъ послѣдній вечеръ — дыхание мое занималось. Я наполнилъ на всякій случай цѣлый сундукъ золотомъ. Съ страшной тоской ждалъ я двѣнадцати часовъ. — Пробило и двѣнадцать.

Устремивъ глаза на стрѣлку часовъ, сидѣлъ я неподвижно считая секунды и минуты, какъ удары кинжала. Малѣйшій шорохъ заставлялъ меня вскакивать. День занялся. Свинцовыя часы смѣнялись; наступилъ и полдень и вечеръ; настала и ночь. Стрѣлки двигались, надежды блекли; пробило одиннадцать и никто не

являлся; прошумѣли и послѣднія секунды послѣдняго часа и никто не являлся; прозвучалъ и первый и послѣдній удары двѣнадцати — слезы брызнули изъ глазъ моихъ и я упалъ безнадежный на скорбное ложе мое. Завтра, навсегда лишенный тѣни, долженъ я просить руку возлюбленной моей. Къ утру глаза мои сомкнулись какимъ-то тяжелымъ сномъ.

V.

Рано утромъ меня разбудилъ шумный споръ у дверей моей комнаты. Я сталъ прислушиваться. Бендель не позволялъ Раскалю войдти ко мнѣ; а Раскаль клялся, что не послушается и не посмотреть на такого-же служителя, какъ онъ, и взойдетъ непременно. Бендель замѣтилъ ему, что онъ можетъ лишиться очень выгоднаго мѣста, если, паче чаянія, дерзкія рѣчи его дойдутъ до меня. Раскаль

грозилъ отколотить его, если онъ все еще будетъ удерживать его.

— Что тебѣ надо бездѣльникъ! закричалъ я, разтворивъ съ сердцемъ двери, и бросился къ нему полуодѣтый.

— А попросить Ваше Сіятельство, отвѣчалъ онъ съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ, отступивъ шага два назадъ; показать мнѣ тѣнь вашу. Солнце свѣтитъ теперь на дворъ такъ прекрасно.

Я сталъ какъ пораженный громомъ и долго не могъ найдти словъ.

— Какъ смѣетъ рабъ, воскликнулъ я наконецъ.

— И рабъ можетъ быть очень честнымъ человѣкомъ, перебилъ онъ меня съ тѣмъ же спокойствіемъ; можетъ не имѣть желанія служить человѣку безъ тѣни; я прошу уволить меня.

— Но, любезный Раскаль, началъ я, видя что угрозами ничего не сдѣлаешь; помилуй, какъ могло это придти тебѣ въ голову, какъ могъ ты подумать. —

—Есть люди, продолжалъ онъ тѣмъ-же тономъ; которые увѣряютъ, что у васъ нѣтъ тѣни и — коротко, вы покажете мнѣ тѣнь вашу или уволите меня.

Бендель блѣдный и трепещущій; и все таки сохранившій болѣе меня присутствіе духа показывалъ мнѣ знаками, чтобъ я прибѣгъ къ всемогущему золоту, что я тотчасъ-же и сдѣлалъ; но и оно потеряло обычную силу свою.

—Отъ человѣка безъ тѣни я не приму ничего, сказалъ онъ бросивъ къ ногамъ моимъ золото, которое я всунулъ ему въ руку, надѣлъ шляпу, повернулся ко мнѣ спиною, и насвистывая пошелъ вонъ изъ комнаты.

Мы стояли съ Бенделемъ какъ окомелыя и смотрѣли вслѣдъ ему' безмолвно и безсмысленно.

Со страхомъ и смертію въ сердцѣ готовился я исполнить данное мною слово; въ садъ Ферштмейстера я дол-

женъ былъ явиться какъ преступникъ передъ судей своихъ. — Я вошелъ въ тѣнистую бесѣдку названную моимъ именемъ, и въ которой они и теперь должны были ожидать меня. Мать встрѣтила меня беззаботно и радостно. Мина сидѣла прекрасная и блѣдная, какъ первый снѣгъ, который осенью лобызаетъ иногда послѣдніе цвѣты и тотчасъ-же разпускается въ горькую воду. Форштмейстеръ ходилъ взадъ и впередъ съ какой-то бумагой въ рукѣ, и что-то съ большимъ усиліемъ подавлялъ въ себѣ, какъ это обнаруживалось безпрестанными перемѣнами въ лицѣ, обыкновенно довольно недвижномъ. Онъ тотчасъ подошелъ ко мнѣ и прерывающимся голосомъ попросилъ позволенія поговорить со мною наединѣ. Аллея, по которой онъ приглашалъ пройти съ нимъ, вела на открытое со всѣхъ сторонъ мѣсто сада. Безмолвно опустился я на стоявшую подлѣ скамью, и за тѣмъ послѣдовало глубочайшее

молчаніе, котораго даже и мать не осмѣливалась нарушить.

Форштмейстеръ принялся опять ходить взадъ и впередъ по бесѣдкѣ, и потомъ вдругъ остановился передо мною.

— Скажите, графъ, сказалъ онъ, посмотрѣвъ въ бумагу, которую держалъ въ рукѣ, и устремивъ потомъ на меня испытующій взглядъ; вѣроятно вамъ знакомъ Петръ Шлемиль.

Я молчалъ.

— Человѣкъ весьма замѣчательный, одаренный необыкновенными свойствами? прибавилъ онъ и ждалъ отвѣта.

— А если я самъ этотъ человѣкъ. —

— Потерявшій тѣнь свою, подхватилъ онъ быстро!

— О мое предчувствіе! Да, давно уже знаю я, что у него нѣтъ тѣни! воскликнула Мина и бросилась на грудь матери, которая въ испугъ, судорожно прижимая ее къ себѣ, упрекала, что она на бѣду себѣ скрывала эту тайну

такъ долго. Она-же какъ Аретуза обратилась въ слезный потокъ, который отъ звуковъ моего голоса усиливался, а отъ приближенія выступалъ даже изъ береговъ.

— И вы, началъ Форштмейстеръ снова съ возрастающею яростію; и вы не посовѣстились обмануть и ее и меня такъ нагло? и вы еще говорите, что любите ее? Вы любите ее—вы губите ее! Посмотрите какъ она плачетъ, какъ она ломаетъ руки! О, это ужасно! ужасно! —

Я до того разтерялся, что заговорилъ было какъ сумасшедшій; что тѣнь все таки тѣнь, что и безъ нея можно обойтись и что изъ такого вздора не стоитъ поднимать такого шума. Но я тутъ же почувствовалъ, какъ неосновательно говорилъ и потому замолчалъ; онъ же не удостоилъ меня никакимъ возраженіемъ. Я прибавилъ однакожь еще, что потерянное не то, чтобы рѣшительно не

возвратимо, что если можно потерять такъ можно и найдти.

— Скажите-же, Милостивый Государь, воскликнулъ онъ тутъ съ сердцемъ; скажите, какъ лишились вы тѣни вашей?

· Надобно было снова лгать.

— Какой-то неучъ, пробормоталъ я, наступилъ однажды на тѣнь мою, такъ неловко, что сдѣлалъ въ ней большую дыру; зная, что золото всемогуще, я отдалъ ее въ починку, и еще вчера долженъ былъ получить ее назадъ.

— Прекрасно Милостивый Государь, возразилъ Форштмейстеръ; вы ищете руки дочери моей; руки ея ищутъ и другіе; какъ отецъ, я долженъ печься о будущности ея; я даю вамъ три дня сроку, если въ эти три дня вы явитесь ко мнѣ съ благопристойной тѣнью — я буду очень радъ вамъ; на четвертый-же день — даю вамъ честное слово — моя дочь будетъ женой другаго. —

Я хотѣлъ сказать еще нѣсколько словъ Минѣ, но она, рыдая еще сильнѣе, прижималась еще крѣпче къ матери своей, которая безмолвно движеніемъ руки попросила меня удалиться. Колеблясь вышелъ я вонъ, и мнѣ казалось, что за мною навсегда замкнулось все свѣтлое и жизненное.

Ускользнувъ отъ дружескаго надзора Бенделя, скитался я безъ всякой цѣли по лѣсамъ и пустынямъ. Холодный потъ тоски струился по челу моему, глухія стenanія вырывались изъ груди; въ головѣ кипѣло безуміе.

Не знаю долго ли находился я въ этомъ положеніи, какъ вдругъ, пробѣгая по пустоши ярко озаренной солнцемъ, я почувствовалъ, что кто-то схватилъ меня за руку. Я оглянулся—это былъ незнакомецъ въ сѣромъ кафтанѣ, который, какъ мнѣ казалось, догоняя меня, выбился изъ силъ совершенно.

— Я назначилъ для свиданія съ вами нынѣшній день, началъ онъ тотчасъ-же; вы не дождались меня. Но это ничего; вы примете совѣтъ мой, выкупите тѣнь вашу, которая готова къ услугамъ вашимъ, и немедля вернетесь назадъ. Васъ примутъ въ саду Форштмейстера съ радостію; все что было, примется за невинную шутку. Раскаля же, который измѣнилъ вамъ и теперь сватается за вашу невѣсту, я беру на себя. Молодецъ созрѣлъ уже.

Я все еще стоялъ, какъ во снѣ. «Я назначилъ для свиданія съ вами нынѣшній день?» — Я снова перебралъ все въ памяти моей — онъ былъ правъ, не знаю какъ, но я всегда просчитывалъ одинъ день. Я засунулъ правую руку за пазуху, чтобъ вынуть кошелекъ — онъ тотчасъ-же угадалъ намѣреніе мое.

— Нѣтъ, благородный графъ, сказалъ онъ отступивъ два шага назадъ; онъ въ такихъ прекрасныхъ рукахъ; вы оста-

вите его у себя. Я попрошу у васъ, единственно на память, самую сущую бездѣлицу. Вы вѣрно не откажетесь подписать записку эту?

На небольшемъ клочкѣ пергамена было написано:

«Въ силу этой подписи я завѣщаю мою душу, по естественномъ отдѣленіи ея отъ тѣла, владѣльцу сей записки.»

Съ нѣмымъ изумленіемъ смотрѣлъ я то на пергамень, то на сѣраго незнакомаго; а онъ подавалъ мнѣ между тѣмъ вновь очиненное перо, которое успѣлъ уже обмокнуть въ кровь, выступившую изъ свѣжей царапки на рукѣ моей.

— Да кто-же вы? спросилъ я его наконецъ.

— Къ чему вопросъ этотъ. Я думаю довольно одного взгляда на меня, чтобъ сдѣлать его совершенно ненужнымъ. Бѣднякъ, такъ нечто въ родѣ ученаго и фокусника, которому друзья его, за всѣ великія услуги, платятъ величайшею

неблагодарностію и у котораго въ міръ этомъ нѣтъ другаго наслажденія, кромѣ посильныхъ опытовъ — да подпишите же. Вотъ тутъ , внизу ; только имя и фамилію.

— Извините, милостивый государь, сказалъ я качая головою ; я не подпишу этого.

— Не подпишите ? А почему жъ не подписать-бы ?

— Мнѣ кажется слишкомъ несообразнымъ отдать душу за тѣнь.

— Вотъ, что ! сказалъ онъ смѣясь. А осмѣлюсь спросить , что такое душа ваша ; видѣли вы ее когда нибудь и на что она вамъ, когда вы умрете ? Вы должны радоваться, что нашли охотника, который за завѣщаніе ему этого икса,этой гальванической силы, этого полярнаго взаимодействія, или какъ-бы вы тамъ ни называли странную вещь эту, сейчасъ-же готовъ заплатить вполне дѣйствительнымъ — существомъ тѣвью

вашей, чрезъ посредство которой можете добыть руку возлюбленной, достигнуть исполненія всѣхъ желаній. Или вы находите лучшимъ предать бѣдную дѣвушку Раскалю, этому гнусному бездѣльнику.— Впрочемъ, почемужъ бы не удостовѣриться вамъ въ справедливости словъ моихъ собственными глазами. Вотъ шапка невидимка, прибавилъ онъ, вынимая что-то изъ кармана; я ссужу вамъ ее, и мы войдемъ въ садъ Форштмейстера никѣмъ невидимые.

Надобно признаться, что мнѣ чрезвычайно не хотѣлось быть осмѣяннымъ страннымъ человѣкомъ этимъ. Я ненавидѣлъ его отъ всей души и я думаю, что нестолько правила и предразсудки, сколько отвращеніе къ нему удерживали меня отъ выкупа требуемой подписью тѣни моей, какъ ни была она необходима мнѣ. Мнѣ противно было даже идти съ нимъ вмѣстѣ въ садъ Форштмейстера. Мысль, что я поставлю та-

кимъ образомъ между мной и милой моей, между двумя разтерзанными и обливающимися кровью сердцами этого отвратительнаго проныру, этого насмѣшливаго демона, возмущала душу. Я принялъ все, что случилось, за предъопредѣленіе, и рѣшилъ, что несчастіе мое неотвратимо.

— Милостивый государь, сказалъ я ему послѣ нѣкотораго молчанія, я продалъ вамъ тѣнь мою за кошелекъ, имѣющій конечно большое достоинство, и не смотря на то, горько раскаиваюсь въ этомъ. Если есть возможность размѣняться намъ снова—я готовъ.

Онъ покачалъ головою и сморщился.

— Въ такомъ случаѣ, продолжалъ я, мнѣ остается прибавить что, я не продамъ вамъ ничего, ни даже за тѣнь мою. Вы поймете изъ этого, что и странная прогулка, которую вамъ угодно было предложить мнѣ, для меня не будетъ

уже такъ пріятна какъ для васъ, и потому извините меня.

— Очень жаль господинъ Шлемиль, что вы съ такимъ упорствомъ отказываетесь отъ моего совершенно дружескаго предложенія. Впрочемъ, въ другой разъ я буду можетъ быть, посчастливѣе. До свиданія и, надѣюсь, скорого. Да, кстати—позвольте показать покрайней мѣрѣ вамъ, что покупаемыя мной вещи у меня не въ забросѣ, напротивъ берегутся въ особеннымъ тщаніемъ.

Онъ тотчасъ же вынулъ изъ кармана тѣнь мою, развернулъ ее однимъ чрезвычайно искуснымъ швыркомъ и она легла къ ногамъ его съ солнечной стороны. Онъ двигался теперь между двухъ подвластныхъ ему тѣней своей собственной и моей, потому что и моя повиновалась движеніямъ его.

Увидавъ такъ долго невиданную тѣнь мою и еще осужденную на столь унижительную службу, тогда какъ она бы-

ла такъ необходима мнѣ, я зарыдалъ горько.

—Вы можете еще возвратить ее, сказалъ ненавистный, величаясь добычей своей; черкните только перомъ и, бѣдная Мина вырвана изъ когтей бездѣльника и въ объятіяхъ благороднѣйшаго графа. Черкните только перомъ, говорю я вамъ.

Слезы полились еще сильнѣе; но я отвернулся и махнулъ рукой, чтобъ онъ оставилъ меня.

Въ это самое время подоспѣлъ отискивавшій меня Бендель. Увидавъ, что я рыдаю и тѣнь мою, которой нельзя было не узнать, — во власти сѣраго незнакомца, онъ рѣшился тотчасъ же возвратить мнѣ мою собственность хоть бы даже и силой. А такъ какъ самъ онъ неумѣлъ обращаться съ вещью, такъ нѣжной, какъ тѣнь, то и накинулся прямо на похитителя съ требованіемъ, чтобъ онъ возвратилъ принадлежащее мнѣ.

Незнакомецъ, вмѣсто всякаго отвѣта, поворотился къ нему спиною и пошелъ. Бендель за нимъ и давай колотить его толстой палкой, которую всегда носилъ съ собою, все повторяя, чтобъ онъ возвратилъ мнѣ тѣнь мою. Незнакомецъ какъ будто-бы уже привыкшій къ такому обращенію, склонилъ только голову, сгорбился и шелъ все далѣе увлекая за собой и тѣнь и служителя моего. Долго раздавался еще въ пустынь глухой звукъ ударовъ, наконецъ и онъ исчезъ, и я остался снова одинъ съ моимъ несчастіемъ.

VI.

Оставшись одинъ, я далъ полную волю слезамъ моимъ, облегчая тѣмъ бѣдное сердце мое отъ страшной безыменной тягости. Несчастію моему я не видалъ ни предѣловъ, ни конца, ни цѣли; съ какой-то бѣшеной жадностію всасывалъ я

новый ядъ, влитый незнакомцемъ въ раны мои. Когда я вызвалъ изъ глубины души моей образъ Мины; когда она предстала мнѣ блѣдная, заливаемая слезами, именно въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ я видѣлъ ее въ послѣдній разъ, между мной и ею явился издѣвающийся призракъ Раскаля. Закрывъ лице руками, бросился я бѣжать, но гнусное видѣніе не отставало; оно преслѣдовало меня до тѣхъ поръ пока выбившись изъ силъ, я не упалъ на землю и не оросилъ ее новымъ потокомъ слезъ.

И все это изъ за-тѣни! И эту тѣнь я могъ возвратить однимъ почеркомъ пера! Я сталъ думать о предложеніи незнакомца и о моемъ отказѣ. Смутно было все во мнѣ; я не могъ ни обсуживать, ни понимать.

День прошелъ. Я утолилъ голодъ дикими плодами, а жажду водой ближайшаго источника. Настала ночь, я легъ подъ деревомъ. Влажное утро пробудило меня

изъ тяжелаго усыпленія, въ которомъ — я самъ слышалъ это, — я храпѣлъ какъ умирающій. Бендель потерялъ вѣроятно слѣды мои, и это радовало меня. Я не хотѣлъ возвращаться къ людямъ, которыхъ бѣгалъ теперь, какъ робкая серна. Такъ провелъ я три дня.

Утромъ четвертаго я находился на песчаной долинь. Сидя на солнцѣ, которымъ любилъ теперь пользоваться, я молча питалъ сердце мое отчаяніемъ. Вдругъ легкій шорохъ заставилъ меня встрепенуться; готовый бѣжать я осмотрѣлся и не видалъ никого, только по песку, озаренному солнцемъ, неслась человѣческая тѣнь довольно похожая на мою — она неслась одна, лишенная господина своего.

Сильно забилося сердце мое; бѣдная тѣнь, подумалъ я, ты вѣрно ищешь господина своего? позволь-же я буду имъ! И я бросился за ней съ тѣмъ, чтобъ завладѣть ею. Мнѣ представилось, что

если мнѣ посчастливится попасть на слѣдъ ея, такъ она сама подбѣжить къ ногамъ моимъ, можетъ быть пристанетъ къ нимъ и такимъ образомъ со временемъ привыкнетъ ко мнѣ.

Но тынь обратилась въ бѣгство только что я тронулся; я гнался за ней съ быстротой, которую могла придать только мысль, что явилась наконецъ возможность выдти изъ страшнаго положенія моего. Она бѣжала къ лѣсу, конечно довольно еще отдаленному, но доберись она до него, мнѣ ужъ не видать ее. Я понялъ это и содрогнулся, опасеніе придало мнѣ крылья—я видимо догонялъ ее, вотъ совсѣмъ уже готовъ былъ догнать ее, какъ вдругъ она остановилась и обратилась прямо на меня. Какъ левъ на свою добычу ринулся я къ ней, чтобъ завладѣть ею, и совсѣмъ неожиданно встрѣтилъ твердое тѣлесное препятствіе. Невидимо посыпались на меня жесточайшіе удары.

Въ ужасъ крѣпко охватилъ я протянутыми впередъ руками то, что незримо стояло передо мною, и грянулся вмѣстѣ съ нимъ на землю. Тутъ только увидалъ я, что подо-мною лежалъ лицомъ вверхъ какой-то человѣкъ.

Теперь все стало ясно. Человѣкъ этотъ несъ, а теперь вѣроятно обронилъ незримое гнѣздо, которое скрывая ношатая не скрываетъ однакожь тѣни. Я взглянулъ вокругъ и увидалъ тотчасъ же тѣнь незримаго гнѣзда; подскочить къ нему и завладѣть драгоцѣнной добычей было дѣло одного мгновенія. Незримый и безъ тѣни стоялъ я съ гнѣздомъ въ рукахъ моихъ.

Сшибенный съ ногъ бѣднякъ вскочилъ тотчасъ же и искалъ глазами счастливаго побѣдителя, но ни его, ни даже тѣни его, которую онъ въ особенности высматривалъ, не было на всемъ ярко озаренномъ протяженіи равнины. Что я не имѣлъ тѣни, въ попыхахъ онъ не могъ

передъ тѣмъ замѣтить, да и могло ли такое придти ему въ голову. Убѣдившись, что не возможно открыть ни малѣйшаго слѣда ни того, ни другаго принялся онъ въ отчаяніи рвать на себѣ волосы. Мнѣ же дало добытое сокровище возможность и желаніе возвратиться снова въ среду людей. За оправданіемъ такого наглаго похищенія въ собственныхъ глазахъ, у меня не стало дѣло, или лучше: я и не нуждался въ немъ; чтобъ поскорѣе избавиться отъ всѣхъ мыслей такого рода, побѣждалъ я не оглядываясь на несчастнаго, жалобные стенанія котораго долго еще раздавались въ ушахъ моихъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, представились мнѣ тогда всѣ обстоятельства случая этого.

Я старалъ нетерпѣніемъ попасть поскорѣе въ садъ Форштмейстера и убѣдиться собственными глазами въ справедливости сказаннаго ненавистнымъ незнакомцемъ; но я не зналъ, гдѣ я. Чтобъ

осмотрѣться я взобрался на ближайшій холмъ и увидалъ въ недалекомъ разстояніи городокъ, а у подошвы садъ Форштмейстера. Сильно забилося сердце мое и слезы совсѣмъ отличныя отъ тѣхъ, которыя доселѣ проливалъ я, навернулись на глаза — мнѣ можно было увидеть ее опять. Съ боязливымъ нетерпѣніемъ быстро спустился я съ холма. Нѣсколько мужиковъ шли изъ города мнѣ на встрѣчу. Не видя меня, они говорили о мнѣ, о Раскалѣ и о Форштмейстерѣ; но я не хотѣлъ ничего слышать.

Я вошелъ въ садъ, со всѣмъ трепетомъ ожиданія въ груди — меня встрѣтило что-то похоже на хохотъ; я вздрогнулъ, осмотрѣлся быстро, но не открылъ никого. Я пошелъ далѣе и мнѣ слышались близехонько отъ меня какъ бы шаги человѣка, и все таки я не видалъ никого. Я подумалъ, что это обманываетъ меня слухъ мой. Было еще

рано, въбѣсѣдкѣ графа Петра ни души, ни души и въ цѣломъ саду; я пробѣжалъ всѣ такъ знакомыя дорожки, пробрался почти къ самому дому. Тотъ же шорохъ шаговъ преслѣдовалъ меня очень явственно. Я сѣлъ на лавку, находившуюся передъ домомъ, на мѣстѣ озаренномъ лучами солнца. Мнѣ показалось, что нечеловѣческій Кобольдъ смѣялся сѣлъ подѣ меня. Замокъ двери щелкнулъ, Форштмейстеръ вышелъ съ бумагами въ рукахъ. Надъ головой моею надвинулось какъ-бы облако, я обернулся и—о, ужасъ! челоуѣкъ въ сѣромъ кафтанѣ сидѣлъ подлѣ меня и смотрѣлъ на меня съ сатанинской улыбкой. Онъ осыпалъ и меня шапкой невидимкой, мирно лежали рядушкомъ у ногъ его и моя и его собственная тѣни; небрежно игралъ онъ извѣстнымъ пергаменомъ.

—Ну вотъ, вы приняли таки приглашеніе мое, шепталъ онъ мнѣ на ухо,— между тѣмъ какъ Форштмейстеръ за-

нятый бумагами прохаживался въ тѣни бесѣдки. Теперь насъ двѣ головы подъ одной шапкой. Все идетъ какъ не лѣзя лучше. Однакожь, возвратите-ка мнѣ птичье гнѣздо мое, теперь оно не нужно вамъ, и вы слишкомъ честны, чтобъ оттягать его у меня. Благодарности не нужно — увѣряю васъ я уступилъ его вамъ съ величайшей радостью.

Онъ взялъ его изъ рукъ моихъ и положилъ въ карманъ свой, смѣясь надо мной такъ громко, что Форштмейстеръ обернулся.—Я сидѣлъ какъ окаменелый.

— Вы должны однакожь сознаться, продолжалъ онъ, что шапка эта гораздо удобнѣе. Она прикрываетъ не только челоуѣка но и тѣнь его, прикроетъ пожалуй и не одну, а сколько хотите. Нынче, какъ вы сами видите, у меня опять ихъ двѣ. Замѣтьте, любезный Шлемиль, прибавилъ онъ съ новымъ хохотомъ; часто по неволѣ дѣлаемъ мы то чего сначала по добру ни-

какъ не хотѣли. Право, выкупите у меня тѣнь вашу, спасите невѣсту; время не ушло еще,—а Раскаля мы вздернемъ на висѣлицу ; это нисколько не трудно, была бы только веревка. Послушайте, хотите въ придачу и эту шапку?

Тутъ вышла мать и стала разговаривать съ мужемъ своимъ.

—Что Мина? спросилъ онъ ее.

—Плачетъ.

—Глупая, вѣдь ужъ этого не перемишишь !

—Конечно ; но выдти такъ скоро за другаго ! Послушай, ты слишкомъ жестокъ съ единственнымъ дѣтищемъ своимъ.

—Нѣтъ, ты не понимаешь этого. Вышедъ за богатаго, всѣми уважаемаго человѣка прежде чѣмъ выплачетъ всѣ ребяческія слезы свои—она утѣшится, пробудится отъ горя, какъ отъ тягостнаго сновидѣнія и поблагодаритъ и Бога и насъ. Ты увидишь.

—Дай Богъ!

—Конечно, теперь она довольно богатая невеста; но послѣ того шума, который надѣлала несчастная исторія съ извѣстнымъ искателемъ приключеній, не скоро найдетъ она такую выгодную партію какъ господинъ Раскаль. Знаешь ли какъ богатъ этотъ господинъ Раскаль. Онъ накупилъ въ одной нашей округѣ почти на шесть милліоновъ земель, и все на чистыя деньги. Я видѣлъ купчія собственными глазами. Именно это онъ-то и перекупалъ у меня вездѣ самыя лучшія помѣстья. Кромѣ того, я видѣлъ у него милліона на полтора векселей на Томаса Джонса.

—Какъ же много наворовалъ онъ!

—Это что опять такое! Онъ сберегалъ тамъ, гдѣ другіе разточали.—

—Человѣкъ носившій ливрею.—

—Чтожъ такое? за то у него тѣнь хоть куда.

—Такъ, но —

Смѣясь взглянулъ на меня человѣкъ въ сѣромъ кафтанѣ. Дверь разтворилась, вышла Мина, опираясь на плечо горничной, и безмолвныя слезы катились по прекраснымъ, блѣднымъ щекамъ ея. Она сѣла въ кресла, поставленные для нея подъ тѣнюю липъ; а отецъ подлѣ на стулѣ. Онъ взялъ ее за руку и она заплакала еще сильнѣе.

— Доброе, милое дитя мое, началъ онъ кроткимъ нѣжнымъ голосомъ; я увѣренъ, ты будешь умна, ты не захочешь огорчить стараго отца твоего, который имѣетъ въ виду одно только счастіе твое. Я очень хорошо понимаю, что все это должно было потрясти тебя жестоко; особеннымъ чудомъ избавилась ты отъ ужаснѣйшаго несчастія! Прежде чѣмъ мы открыли обманъ, гнусный обманъ, ты очень любила безсовѣстнаго негодяя я знаю все и не упрекаю тебя. Я и самъ любилъ его, воображая что онъ знатный человѣкъ;

но теперь — теперь совсѣмъ не то ! Какъ — да у послѣдняго пуделя есть своя тѣнь , а мое милое , мое единственное дѣтище должно выдти за человѣка — никогда, вѣдь ты перестала ужъ и думать о немъ. — Послушай, Мина, теперь сватается за тебя человѣкъ, которому солнце не страшно, человѣкъ всѣми уважаемый; конечно онъ не князь; но за то у него десять милліоновъ, въ десять разъ болѣе чѣмъ у тебя — онъ сдѣлаетъ тебя совершенно счастливой. Не возражай, не противься; будь по прежнему моей доброй, послушной дочерью, позволь любящему тебя отцу похлопотать о тебѣ, осушить слезы твои. Общай отдать руку свою господину Раскалю. Ну полно же, скажи, общаешь ли ты ?

— У меня не осталось уже ни воли, ни желанія, и потому разполагайте мною, какъ вамъ угодно, сказала она замирающимъ голосомъ.

Доложили, что приѣхалъ господинъ Раскаль который вслѣдъ за симъ и явился. Минна лежала безъ чувствъ.

—И вы можете переносить это, прошепталъ мнѣ ненавистный незнакомецъ, глядя на меня съ негодованіемъ. Да что же послѣ этого течеть у васъ въ жилахъ ?

Тутъ быстро оцарапалъ онъ мнѣ руку и когда выступила кровь, онъ воскликнулъ :

— Кровь , и притомъ красная еще! Подписывайте же !

Перо и пергамень были уже въ рукахъ моихъ.

VII.

Суди меня, любезный Шамиссо, какъ хочешь ; я не намѣренъ оправдываться. Я и самъ каралъ себя и долго и жестоко, питая безпощаднаго червя въ груди моей. Безпрестанно носилось передъ

глазами души это ужасное мгновѣніе жизни моей, и я въ смиреніи все смотрѣлъ на него и скорбѣлъ и терзался. Да, другъ мой, сдѣлай по легкомыслию хоть одинъ шагъ съ прямой дороги и пошолъ въ сторону, и все далѣе и далѣе; тутъ, какъ-бы ни сверкали путеводныя звѣзды неба — для тебя нѣтъ уже выбора, тебя такъ и тянетъ внизъ, и ты самъ долженъ принести себя въ жертву безжалостной Немезидѣ.

Сдѣлавъ необдуманнѣйшій проступокъ, навлекшій на меня страшное проклятіе, втѣснившись святотатственной любовію въ судьбу другаго существа — тамъ, гдѣ я посѣялъ гибель, гдѣ требовалась быстрая помощь, мнѣ слѣдовало конечно броситься на помощь слѣпо и не медля, потому что послѣдній часъ звучалъ уже. Не унижай меня, любезный другъ, предположеніемъ, что я не сдѣлалъ этого потому, что цѣна спасенія показалась мнѣ

слишкомъ высокою; не думай, чтобы я подорожилъ чѣмъ бы то ни было мнѣ принадлежащимъ болѣе, чѣмъ золотомъ. Нѣтъ, меня остановила непреоборимая ненависть къ отвратительному незнакомцу; меня возмущало всякое сношеніе съ нимъ. И тутъ, какъ это не разъ повторялось уже въ моей жизни и какъ это вообще такъ часто бываетъ во всемірной исторіи, дѣяніе замѣнилось событіемъ. Въ послѣдствіи я помирился съ самимъ собой. Прежде всего я научился уважать необходимость; и что же болѣе содѣянаго дѣла, свершившагося событія можно назвать собственно стію ея? За симъ и на эту необходимость научился я смотрѣть, какъ на мудрое предопредѣленіе вѣющее по всему гигантскому снаряду мірозданья, въ которомъ мы то содѣйствующія, то движимыя, то движущія колеса. Чему быть — то будетъ; чему надобно было свершиться, то свершилось и не безъ

предъопредѣленія, которое я научился наконецъ уважать какъ въ своей судьбѣ, такъ и въ судьбѣ увлеченныхъ моею.

Не знаю чему приписать это: чрезмерному ли напряженію души, напору ли столь сильныхъ ощущеній, изтощенію ли силъ физическихъ необкновеннымъ постомъ, которому я подвергъ себя въ послѣдніе дни, или наконецъ невыносимому отвращенію, которое возбуждала во мнѣ близость сѣраго чудовища — довольно я лишился чувствъ именно въ то самое мгновеніе, какъ пришлось подписывать и долго лежалъ словно мертвый.

Когда я очнулся, слухъ мой поразили топанье ногами и проклятія. Я открылъ глаза, было темно; ненавистный незнакомецъ радуясь хлопоталъ около меня.

— Ну что это, ворчалъ, онъ; точь въ точь какъ старая баба. Вставай, подними или опять раздумалъ, нашелъ что лучше хныкать?

Съ трудомъ всталъ я на ноги и молча

посмотрѣлъ вокругъ. Было уже поздно, въярко освѣщенномъ домъ форштмейстера гремѣла музыка; По аллеямъ сада гуляли гости; одна пара разговаривая подошла близехонько и сѣла на лавку, на которой передъ тѣмъ сидѣлъ я съ незнакомцемъ. Они разговаривали о свершенномъ въ это утро бракосочетаніи богатаго Раскаля съ дочерью форштмейстера. — Кончено!

Я сдвинулъ съ головы шапку невидимку исчезнувшего, въ тоже мгновеніе, незнакомца, и углубившись въ мракъ рощи побѣжалъ молча мимо бесѣдки графа Петра къ выходу изъ сада. Но мучитель мой гнался за мной незримо осыпая меня колкими насмѣшками.

— Такъ вотъ награда, говорилъ онъ, за всѣ труды мои, за ту заботливостъ, съ которой я цѣлый день хлопоталъ около слабонервнаго господчика. И я разыграю дурака? Никогда! Бѣги, бѣги отъ меня бессмысленный упрямецъ; мы

все таки неразлучны. У тебя мое золото у меня тѣнь твоя; это не дастъ намъ покоя ни на мгновеніе. Когда же тѣнь не слѣдовала за господиномъ своимъ? Твоя будетъ гонять меня за тобою до тѣхъ поръ, пока ты не умилосердишься надъ ней и не избавишь меня отъ нея. погоди, отъ скуки и пустоты душевной, ты похлопочешь еще о томъ, что прозѣвалъ теперь такъ глупо; никто не уходилъ еще отъ судьбы своей!

Онъ все говорилъ въ этомъ тонѣ; насколько не отставая отъ меня, какъ и усиливалъ я бѣгъ мой. Я никакъ не могъ привести въ порядокъ мыслей моихъ.

Добѣжавъ самыми безлюдными улицами до дома моего, я едва узналъ его — онъ стоялъ темень и безмолвенъ; двери были заперты, окны повывбиты. Подлѣ меня раздался злобный хохотъ.

— Каково! заговорилъ опять незнакомецъ. Впрочемъ вы найдете здѣсь Бен-деля; недавно его отослали домой такъ

изнуреннымъ , что ему и теперь, я думаю, не до выходовъ. Вотъ онъ поразскажетъ вамъ. Позвольте однакожь пожелать вамъ доброй ночи; до свиданія и надѣюсь, скорого.—

Я позвонилъ, показался свѣтъ и Бендель не отирая спросилъ: кто тамъ. Какъ обрадовался онъ, когда узналъ голосъ мой. Дверь отворилась и рыдаючи бросились мы другъ къ другу въ объятія. Я нашелъ его очень измѣнившимся, слабымъ, больнымъ; у меня же волосы посѣдѣли совершенно.

Онъ провелъ меня по пустымъ, опустошеннымъ комнатамъ въ маленькую нетронутую горенку; принесъ кой чего съѣсть и выпить и когда мы съѣли зализался опять слезами. Онъ разсказалъ мнѣ, что послѣ того, какъ онъ встрѣтилъ сѣраго чело^вѣка съ моею тѣнью, онъ гналъ и колотилъ его такъ долго, что потерялъ слѣды мои и совсѣмъ обезсиленный упалъ наконецъ на землю; что

затѣмъ отчаявшись отыскать меня онъ возвратился въ домъ мой, въ который вскорѣ ворвался возбужденный Раскалемъ народъ, разбивая стекла и ломая мебель. Такъ отблагодарилъ онъ благодѣтелю своему. Служители мои разбѣжались. Мѣстное начальство нашло меня подозрительнымъ и потому предписало, чтобъ я оставилъ и городъ и округъ ихъ въ двадцать четыре часа. Все это было дѣло Раскаля. Вѣроятно, что бездѣльникъ открылъ тайну мою еще въ самомъ началѣ; движимый корыстолюбіемъ онъ подбился ко мнѣ; подобралъ вскорѣ послѣ того ключъ къ сундуку съ моимъ золотомъ и такимъ образомъ ему не трудно было составить состояніе позволившее ему бросить меня.

Всѣ это рассказалъ мнѣ Бендель со слезами; онъ плакалъ и послѣ, но тутъ уже отъ радости, что видитъ меня опять и что, тогда какъ онъ полагалъ меня падшимъ подъ бременемъ несчастія, несу я

его напротивъ покойно и твердо. И въ самомъ дѣлѣ отчаяніе мое приняло именно эту форму. Я созналъ все исполняское величіе несчастія моего и его неотвратимость. Я выплакалъ всѣ слезы мои; оно не много уже вырвать изъ груди моей ни одного стона; хладнокровно, равнодушно подвергалъ я ударамъ его обнаженную голову мою.

— Бендель, началъ я; ты знаешь судьбу мою. Не безъ вины несу я тягостное наказаніе это. Я не хочу, чтобъ ты, добрый и невинный, страдалъ вмѣстѣ со мною. Я иду въ ту же ночь; осѣдай мнѣ лошадь; я ѣду одинъ, ты останешься—я хочу этого. Въ сундукъ довольно еще золота, оно твое.—Безъ цѣли буду я скитаться по свѣту, улыбнется мнѣ счастье снова—я не забуду того, на чьей вѣрной груди пролилъ столько горькихъ слезъ.

Никакія представленія, ни просьбы, ни слезы его не могли поколебать рѣшенія моего и онъ нехотя долженъ былъ

исполнить послѣднее приказаніе господина своего.

Еще разъ прижалъ я горько плачущаго къ груди моей, вскочилъ на лошадь, и поѣхалъ прикрытый мантией ночи прочь отъ кладбища всѣхъ радостей моихъ, нисколько незаботясь куда несетъ меня лошадь моя, потому что на всей землѣ у меня не было уже ни цѣли, ни желанія, ни надежды.

Вскорѣ присоединился ко мнѣ какой-то пѣшеходъ, который пройдя не много подлѣ лошади моей, обратился ко мнѣ съ просьбою о позволеніи, такъ какъ намъ одна дорога, положить епанчу свою за сѣдло мое. Я позволилъ; онъ поблагодарилъ меня за ничтожную услугу эту очень вѣжливо, похвалилъ мою лошадь, затѣмъ принялся превозносить счастье богатыхъ, наконецъ, незнаю какъ, углубился въ какое-то странное бредованіе съ самимъ собой, сдѣлавъ меня просто слушателемъ.

Онъ началъ развивать взгляды свои на жизнь и свѣтъ и тотчасъ же перешелъ къ метафизикѣ, отъ которой потребовалъ отысканія слова, служащаго разрѣшеніемъ всѣхъ загадокъ. Изложивъ задачу эту съ необыкновенной ясностію онъ тутъ же приступилъ и къ разрѣшенію ея.

Любезный другъ, ты знаешь, что, пройдя курсъ философіи, я созналъ вполне, что философскія умозрѣнія никогда не будутъ призваніемъ моимъ, а потому и бросилъ ихъ совершенно. Съ тѣхъ поръ многое оставилъ я втунѣ; многое отказался и знать и понимать, и — какъ ты самъ, полагаясь на здравый смыслъ мой, совѣтовалъ мнѣ, — слѣдовалъ только внутреннему голосу живущему въ каждомъ человѣкѣ. Говорунъ этотъ выводилъ съ необыкновеннымъ искусствомъ крѣпко сколоченное зданіе, само на себѣ зиждущееся и какъ бы внутренней необходимостью сдерживающее-

ся. Но я не находилъ въ немъ именно того, что такъ хотѣлось бы найти, и отъ того оно казалось мнѣ художественнымъ произведеніемъ пріятнымъ по замкнутости и окончанности своей, только для глазъ. Я слушалъ однакожъ краснорѣчиваго человѣка этого съ большимъ удовольствіемъ; какъ—то нечувствительно отвлекъ онъ меня отъ горя моего и я вполне предался бы ему, еслибъ онъ подѣйствовалъ и на душу мою также сильно, какъ на разумъ.

Между тѣмъ время шло, а я и незамѣчалъ, что ужъ свѣтало. Какже испугался я, когда взглянувъ случайно въ сторону, увидалъ на востокъ яркій румянецъ, предвѣщавшій скорое появленіе солнца, а въ этотъ часъ, когда оно заставляетъ отбрасывать самыя длинныя тѣни, противъ него на полѣ открытомъ не было рѣшительно никакой защиты. И я былъ не одинъ! Я взглянулъ на спутника моего и испугался еще болѣе. —

подлѣ меня шолъ человѣкъ въ сѣромъ кафтанѣ.

— Онъ улыбнулся моему смущенію.

— Соединимся же на нѣкоторое время, продолжалъ онъ, предупреждая меня, какъ это водится въ свѣтѣ, хоть изъ взаимной выгоды. Разстаться мы успѣемъ еще. Для васъ нѣтъ другой дороги, кромѣ той, что идетъ вдоль горъ, потому что спуститься въ долину выне посмѣете, а возвратиться назадъ черезъ горы не захотите; и мнѣ надобно идти тутже. Я вижу, что восходящее солнце гонитъ уже краску съ лица вашего. Хотите я на время ссужу вамъ тѣнь вашу, а вы за это позвольте мнѣ попользоваться пріятной компаніей вашей. Съ вами вѣдь нѣтъ уже Бенделя, я послужу вамъ не хуже его. Вы не любите меня — очень жаль. Дьяволъ совсѣмъ не такъ горекъ, какъ говорятъ про него. Вчера, правда, вы очень досадили мнѣ; да я не злопамятенъ; признайтесь, вѣдь сегодня я на

много уменьшилъ вамъ скуку дороги.—
Что тутъ думать, возьмите тѣнь вашу
хоть на пробу.

Солнце взошло; по дорогѣ на встрѣчу
намъ шли люди; и я принялъ предло-
женіе его, не безъ внутренняго отвра-
щенія однакожъ. Улыбаясь спустилъ онъ
тѣнь мою на землю и она, занявъ въ то-
же мгновеніе свое мѣсто на тѣни лоша-
ди, поскакала подлѣ меня веселехонько.
На душѣ у меня было какъ-то странно.
Я поровнялся съ толпой поселянъ и они
дали мнѣ дорогу и сняли шляпы какъ
передъ зажиточнымъ человѣкомъ. Я ѣ-
халъ далѣе и жадно, съ біющимъ серд-
цемъ, посматривалъ на тѣнь когда то
бывшую моею и которую теперь я дол-
женъ былъ занять у другаго, и даже у
врага моего.

А онъ шелъ себѣ подлѣ меня безза-
ботно, насвистывая какую то пѣсенку.
Онъ шелъ пѣшкомъ, я былъ верхомъ;
голова моя закружилась, искуше-

ніе было слишкомъ велико — я прип-порилъ и понесся что есть мочи въ сторону; но я не увлекъ за собой тѣни. При поворотѣ она соскочила съ лошади и ждала законнаго владѣльца своего на дорогѣ. Пристыженный поворотилъ я назадъ; человѣкъ въ сѣромъ кофтанѣ досвиставъ преспокойно пѣсню свою, посмѣялся надо мной, усадилъ опять тѣнь мою на тѣнь лошади и объяснилъ мнѣ потомъ, что она пристанетъ ко мнѣ только тогда, когда сдѣлается снова моею законной собственностью.

— Я такъ крѣпко держу васъ тѣнью вашей, прибавилъ онъ въ заключеніе, что вамъ никакъ не оторваться отъ меня. Такому богатому человѣку, какъ вы, тѣнь необходима, ужъ это такъ должно быть, и если можно за что похулить васъ, такъ это именно за то, что вы не смекнули этого съ самаго начала.

Я продолжалъ путь мой все тойже дорогой; всѣ удобства и даже самая ро-

скошъ жизни возвратились; имѣя хоть и занятую тѣнь я могъ вращаться легко и свободно, вездѣ пользовался я уваженіемъ, которое вселяетъ богатство, и все таки въ сердцѣ у меня была смуть. Чудный спутникъ мой, самъ выдававшій себя вездѣ за служителя моего, былъ чрезвычайно предъупредителенъ, ловокъ и расторопенъ, коротко,-образецъ камердинера богатаго человѣка; но онъ не отходилъ отъ меня ни на минуту и безпрестанно обнаруживалъ совершеннѣйшую увѣренность, что я выкуплю же наконецъ тѣнь свою хоть только изъ того, чтобъ избавиться отъ него. Онъ былъ для меня также тягостенъ, какъ и ненавистенъ. Я могъ даже бояться его. Втолкнувъ меня опять въ свѣтъ, котораго бѣжалъ я, онъ поставилъ меня въ совершенную отъ себя зависимость; я по неволѣ долженъ былъ выслушивать всѣ доводы его, очень хорошо чувствуя, что онъ правъ. Дѣйствительно богатый

не могъ существовать въ свѣтѣ безъ какой бы то нибыло тѣни, и чтобъ остаться въ томъ положеніи, которое онъ снова разцвѣтилъ мнѣ, разумѣется не было другаго средства. Но послѣ того, какъ я пожертвовалъ любовію, послѣ того какъ жизнь поблекла для меня ничто не могло уже измѣнить твердаго рѣшенія моего не жертвовать душой моею ни за какую тѣнь въ цѣлой вселенной, и я не зналъ чѣмъ все это кончится.

Однажды мы сидѣли передъ входомъ въ пещеру, которая такъ сильно возбуждаетъ любопытство всѣхъ путешествующихъ по горамъ этимъ. Въ неизмѣримой глубинѣ ея слышалось рокотаніе подземныхъ потоковъ и брошенный въ нее камень летѣлъ съ шумомъ и казалось не находилъ дна. Онъ рисовалъ мнѣ, что дѣлывалъ очень часто, со всей роскошью богатаго воображенія своего и въ самыхъ яркихъ краскахъ, все что я могъ бы сдѣлать силою кошелька моего, ко-

гда бы имѣлъ тѣнь. — Опершись локтями на колѣни, закрывъ лице руками, слушалъ я колориста и сердце разрывалось обольщеніемъ и силой воли. Наконецъ я немогъ выносить долѣе.

— Кажется, вы забыли милостивый государь, началъ я, что я позволилъ вамъ сопутствовать мнѣ, только съ условіемъ: ни чѣмъ не сковывать свободы моей?

— Если вамъ угодно, я готовъ оставить васъ, сказалъ онъ съ величайшимъ спокойствіемъ.

Я молчалъ, а онъ принялся тотчасъ же свертывать тѣнь мою. Я поблѣднѣлъ, но не останавливалъ его.

— Вы не терпите меня, заговорилъ онъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія; вы ненавидите меня, — я знаю это; но за чтожъ ненавидите вы меня? за то ли, что напавъ на меня на дорогѣ думали завладѣть птичьимъ гнѣздомъ моимъ? или за то, что такъ коварно хо-

тѣли похитить мою собственность—тѣнь, которую я повѣрилъ вамъ полагаясь только на честность вашу? что до меня я нисколько не расположенъ ненавидѣть васъ за это; я нахожу напротивъ очень естественнымъ, что вы испытали и хитрость и силу—всѣ средства, какія были во власти вашей; что вы при всемъ этомъ имѣете строжайшія правила, думаете какъ сама честность, не имѣю ничего и противъ этого—у всякаго свой вкусъ. Я совсѣмъ не такъ взыскателенъ, какъ вы; я только дѣйствую такъ, какъ вы думаете. Скажите сами, хваталъ я васъ когда нибудь за горло для того, чтобъ завладѣть драгоцѣнной душой вашей какъ ни нравится она мнѣ? Старался я какимъ бы то ни было средствомъ похитить промѣненный вамъ кошелекъ?

Мнѣ нечего было возражать противъ этого.

—Хорошо, милостивый государь, про-

должалъ онъ; вы не можете терпѣть меня, и это понимаю я, и не виню васъ за это. Намъ надо разстаться—это ясно; сказать правду и я начинаю уже скучать вами. Позвольте же посовѣтовать вамъ въ послѣдній разъ: выкупите у меня тѣнь вашу, чтобы навсегда избавиться отъ моего такъ унижительнаго для васъ присутствія.

— За это, сказалъ я протягивая ему кошелекъ.

— Нѣтъ.

— Такъ и я отвѣчу вамъ тѣмъ-же, сказалъ я съ тяжелымъ вздохомъ. А за тѣмъ прошу оставить меня и не преграждать мнѣ дорогу въ міръ, въ которомъ надѣюсь довольно мѣста для насъ обоихъ.

— Я иду, возразилъ онъ улыбаясь; позвольте однакожъ прежде сообщить вамъ какъ позвать меня, если, паче чаянія, когда нибудь понадобится вамъ покорнѣйшій рабъ вашъ. Тряхните только кошелькомъ и звонъ вѣчныхъ

монетъ его привлечетъ меня въ тоже мгновеніе. Въ міръ этомъ каждый думаетъ о своей собственной выгодѣ; я же, какъ вы видите, не забываю и вашей, открывая вамъ новую силу въ кошелькѣ вашемъ. Кошелекъ этотъ даже и въ томъ случаѣ, когда ваша тѣнь пожрется молю, будетъ крѣпчайшей связью между нами. Коротко, вы держите меня во власти своей моимъ-же золотомъ; разполагайте рабомъ вашимъ даже заочно; вы вѣдь знаете какъ я услужливъ съ друзьями; и въ особенности съ богатыми; вы испытали это даже на самомъ дѣлѣ. Только одну тѣнь вашу — позвольте еще разъ повторить это — я не могу уступить вамъ безвозмѣдно.

Въ памяти моей мелькнули тутъ образы временъ прошедшихъ.

— А если у васъ расписка Господина Джонса? спросилъ я его быстро.

— Отъ такихъ короткихъ друзей я не требую расписокъ.

— Гдѣ-же онъ? я хочу это знать непременно!

Тутъ какъ-то неохотно опустилъ онъ руку въ карманъ и вытащилъ изъ него за волосы блѣдную и обезображенную фигуру Томаса Джонса, посинѣвшія губы котораго лепетали: «*Justo judicio Dei judicatus sum; Justo judicio Dei condemnatus sum.*»

Я ужаснулся.

— Именемъ Всевышняго заклинаю я тебя, исчезни! воскликнулъ я, быстро бросилъ роковой кошелекъ въ бездну и онъ поднялся мрачный и исчезъ за скалами поросшими дикимъ кустарникомъ.

IX.

Я сидѣлъ на томъ-же мѣстѣ безъ тѣни и безъ денегъ и не смотря на то съ груди моей свалилась ужаснѣйшая тяжесть и на душѣ стало какъ-то веселѣй. Не лишился я любви моей, или

лишился я ее только безъукоризненно — мнѣ кажется я могъ быть даже счастливъ. — Я не зналъ что мнѣ начать; обшаривъ карманы мои я нашелъ въ нихъ нѣсколько золотыхъ и перечелъ ихъ смѣясь. Лошадь моя стояла подъ горой въ трактиръ; возвратиться туда я стыдился; надобно было дожидаться покрайней мѣрѣ заката солнца, оно стояло высоко еще на небѣ. Я легъ подъ тѣнь ближайшаго дерева и заснулъ преспокойно.

Цѣлая вереница прекрасныхъ образовъ, вращаясь въ воздушной пляскѣ, сплелись наконецъ въ пріятнѣйшее сновидѣніе. Съ нѣжной улыбкой въ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ пронеслась мимо меня Мина, а за ней и честный Бендель также увѣчанный цвѣтами; и много еще другихъ и, какъ мнѣ кажется, и ты любезный Шамиссо. Было очень свѣтло, а ни у кого не было тѣни, и что всего страннѣе, это было даже совсѣмъ не

дурно. Цвѣты, пѣсни, любовь и радость и все это посреди роскошнѣйшихъ пальмовыхъ рощей. Всѣ эти милые образы были такъ легки, такъ удободвижимы, что ни одного не могъ я ни удержать, ни исполнѣ уяснить себѣ и, несмотря на то, сонъ этотъ мнѣ правился и я боялся проснуться, и проснувшись долго не открывалъ глазъ, чтобъ задержать хоть на мгновеніе улетавшее видѣніе.

Наконецъ я открылъ глаза; солнце было еще на небѣ, но уже на востокъ; я проспалъ цѣлую ночь. Я принялъ это за указаніе не возвращаться въ гостиницу; отказаться отъ небольшого имущества, тамъ оставленнаго мнѣ, было не трудно, и я рѣшилъ предавшись совершенно на волю судьбы пуститься по меньшей дорожкѣ, извивавшейся по льсистому скату горъ. Я такъ отрѣшился отъ всего прошедшаго, что не подумалъ даже прибѣгнуть къ Бенделю, котораго оставилъ богатымъ. Послѣ

этого я обратилъ вниманіе на нарядъ свой—онъ былъ очень скромнъ. На мнѣ былъ старый чернѣй казакинъ, который носилъ еще въ Берлинѣ и въ который не знаю зачѣмъ послѣ столь долгаго времени нарядился опять. Кромѣ того на головѣ у меня была дорожная фуражка, а на ногахъ старые сапоги. Я всталъ, вырѣзалъ на память палку и пустился въ путь.

Въ лѣсу попался мнѣ старый поселенинъ, привѣтствовавшій меня дружественнымъ поклономъ; я вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Какъ любознательный путешественникъ я спросилъ его прежде о дорогѣ, потомъ о самой странѣ, о жителяхъ ея, о произведеніяхъ и о многомъ тому подобномъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ на все очень умно и словоохотно. Мы пришли къ ложу горнаго потока, разорвавшаго лѣсъ на довольно большее пространство. Ярко озаренная солнцемъ прогалина эта испугала меня

и я пошелъ позади поселянина. Но онъ остановился на самомъ опаснѣйшемъ для меня мѣстѣ и обернулся ко мнѣ съ разсказомъ объ опустошеніяхъ, сдѣланныхъ этимъ потокомъ.

—Что-же это однакожъ значить, сказалъ онъ мнѣ прерывая вдругъ разсказъ свой. У васъ совсѣмъ кажется нѣтъ тѣни ?

—Да, нѣтъ, пролепеталъ я вздыхая. Жестокая и продолжительная болѣзнь лишила меня и волосъ и ногтей и тѣни. Волосы выросли, но ты самъ видишь какіе — совсѣмъ бѣлые и несвойственные лѣтамъ моимъ, ногти подрастаютъ также, а тѣнь и до сихъ поръ не показывается.

—Быть безъ тѣни, это ужасно! Злая же была болѣзнь у васъ, пробормоталъ старикъ, качая головою; но разсказа своего онъ не доканчивалъ уже, и при первомъ поворотѣ оставилъ меня, не сказавъ ни слова.

Горькія слезы брызнули опять изъ глазъ моихъ ; послѣ этого я не искалъ уже людскаго общества. Я все держался лѣса и часто, когда приводилось переходить освѣщенное солнцемъ мѣсто, выжидалъ цѣлые часы, чтобъ сдѣлать это непримѣтно. На ночлегъ останавливался я поздно вечеромъ въ деревняхъ. Я шелъ въ рудники, надѣясь найти тамъ работу, которая кромѣ того что была теперь необходима для пропитанія моего, была бы въ тоже время и самымъ дѣйствительнымъ противудѣйствиемъ разрушительному вліянію мыслей моихъ.

Два дождливые дня дали мнѣ возможность пройти порядочное разстояніе, но только на счетъ сапогъ моихъ, подошвы которыхъ годились для графа Петра, а не для простаго пѣшехода. Я шелъ уже почти босикомъ ; надо было добыть новую пару. Въ слѣдующее-же утро проходя маленькимъ мѣстечкомъ, въ которомъ была въ то время ярмарка

я вошелъ въ лавку, гдѣ продавались старые и новые сапоги и занялся этимъ дѣломъ серьёзно. Я выбиралъ и торговался очень долго. Отъ пары новыхъ, очень мнѣ правившихся, я долженъ былъ рѣшительно отказаться испугавшись огромнаго запроса, и удовольствовался старыми но довольно еще крѣпкими, которые съ ласковой улыбкой подалъ мнѣ прекрасный бѣлокурый мальчикъ, хозяйничавшій въ лавкѣ. Я надѣлъ ихъ тотчасъ-же и вышелъ изъ мѣстечка въ сѣверные ворота.

Углубленный въ мысли я не обращалъ вниманія на дорогу; меня занимало какъ и что скажу я въ рудникахъ, до которыхъ къ вечеру надѣялся добраться. Сдѣлавъ, однакожъ, не болѣе двухсотъ шаговъ я замѣтилъ что сбился съ дороги и когда осмотрѣлся то увидалъ себя въ древнемъ сосновомъ лѣсу, котораго топоръ, какъ казалось, никогда не касался еще. Я сдѣлалъ еще нѣсколь-

ко шаговъ и очутился по срѣди голыхъ пустынныхъ скалъ, кой гдѣ только покрытыхъ мохомъ и раздѣленныхъ снѣгами и льдами. Было очень холодно; я оглянулся — лѣсъ исчезъ, Я сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ—вокругъ меня безмолвіе смерти, ледяной равнины, на которой стоялъ я, не было конца; густой тяжелый туманъ носился надъ ней и на краю горизонта какъ-бы облитое кровью краснѣлось солнце. Холодъ былъ невыносимый. Я не зналъ что со мною дѣлалось, ледянящій морозъ заставилъ меня ускорить шаги; мнѣ послышался отдаленный шумъ волнъ, еще шагъ—и я стоялъ на ледяномъ краю какого-то океана. Увидавъ меня, съ шумомъ начали бросаться въ волны безчисленные стада тюленей. Я пошелъ вдоль берега, и тотчасъ-же увидалъ опять голые скалы, землю, березовые и сосновые лѣса. Минуты черезъ двѣ я почувствовалъ удушающій зной; осмотрѣвшись я увидалъ, что стою

на поляхъ засѣянныхъ рисомъ, засаженныхъ шелковичными деревьями. Я сѣлъ въ тѣни послѣднихъ, посмотрѣлъ на часы — не прошло еще и четверти часа какъ я оставилъ мѣстечко. Я думалъ, что все это сонъ, я прикусилъ языкъ, чтобъ пробудить себя; но я не спалъ. Я закрылъ глаза, чтобы привести въ порядокъ мысли мои. Слухъ мой поразили какіе-то незнакомые слова, произносимые гнусливымъ голосомъ; я взглянулъ — два Китайца, которыхъ я не могъ не узнать если не по платью такъ по лицамъ, — говорили мнѣ что-то съ алчными поклонами. Я всталъ и отступилъ два шага назадъ — они исчезли, ландшафтъ перемѣнился совершенно; вмѣсто рисовыхъ полей я видѣлъ деревья, лѣса. Нѣкоторые изъ деревьевъ и растѣній стоявшихъ въ полномъ цвѣтѣ были извѣстны мнѣ и принадлежали юго-восточнымъ странамъ Азіи. Желая подойти къ одному дереву, я сдѣлалъ шагъ

и опять перемѣна. Я пошелъ тише, сталъ поднимать ноги медленно и съ разстановкой, какъ рекрутъ, котораго учать маршировать. Давно развертывались предъ изумленными взорами разнообразѣйшія страны, и поля, и луга, и горы, и степи. Не было никакого сомнѣнія. На мнѣ были семимильные сапоги.

Х.

Въ безмолвномъ благоговѣніи упалъ я на колѣни и залился слезами благодарности, потому что теперь вдругъ объяснилась мнѣ вся будущность моя.—Въ замѣнъ людскаго общества, изъ котораго исключилъ меня проступокъ мой, мнѣ открывалась вся, всегда такъ любимая мной, природа; вся земля дѣлалась садомъ моимъ, ученіе руководствомъ и силой жизни, а наука ея цѣлью. Это не было мгновенной рѣшимостью. По-

стоянно и неутомимо старался я съ сихъ поръ выразить все, что въ первообразѣ предстало тутъ внутреннему взору моему такъ ясно и окончанно; и отъ совпаденія выраженного съ первообразомъ зависѣло и довольство самимъ собою.

Я всталъ, чтобъ тутъ-же ввести себя бѣглымъ обзоромъ во владѣніе полемъ, на которомъ зрѣла будущая жатва моя. — Я стоялъ на вершинахъ Тибета; солнце, восходъ котораго я видѣлъ часа два или три тому назадъ, клонилось здѣсь уже къ западу. Догоняя его я прошелъ всю Азію отъ востока къ западу и вступилъ въ Африку. Съ жаднымъ любопытствомъ пробѣжалъ я ее по всѣмъ направленіямъ. Осматривая въ Египтѣ древнія пирамиды и храмы, увидалъ я въ пустынь, не далеко отъ стовратыхъ Оивъ, пещеры, въ которыхъ жили Христіанскіе отшельники. — Вотъ жилище твое, мелькнуло въ

головѣ моей, и мысль эта запала глубоко въ душу мою. Выбравъ для моего будущаго пребыванія самую уединенную, покойную, просторную и совершенно недоступную для шакаловъ пещеру, я пустился далѣе.

У столбовъ Геркулеса перешагнувъ я въ Европу. Осмотрѣвъ южныя и сѣверныя страны ея перебрался я изъ Сѣверной Азіи черезъ полярныя льды въ Гренландію и въ Америку и обходилъ обѣ части ея. Зима, царствовавшая на Югѣ, обратила меня отъ мыса Горна опять къ Сѣверу.

Въ ожиданіи, пока займется день въ восточной Азіи, я остановился и уже отдохнувъ не много пустился опять странствовать. Я пошелъ по цѣпи, которая тянется черезъ обѣ Америки и въ которой находятся высочайшія изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ возвышенностей земнаго шара. Тихо и осторожно шелъ я съ вершины на вершину, то черезъ пы-

лающіе волканы, то черезъ вѣчные льды, сталъ я наконецъ на гору Св. Іліи и перескочилъ черезъ Беринговъ проливъ въ Азію. Я пошелъ по Западному берегу ея, осматривая съ особеннымъ любопытствомъ всѣ доступныя мнѣ отсюда острова. Съ полуострова Малакки перенесли меня сапоги мои на Суматру, Яву, Бали и Ламбокъ. Много разъ и нерѣдко съ опасностію пытался я перебраться по мѣлкимъ островамъ и скаламъ, которыми устьяно море это, на Борнео и другіе острова тихаго океана. Утомленный бесполезными усиліями сълъ я наконецъ на крайней оконечности Ламбона лицомъ на Юго-востокъ и какъ узникъ у рѣшетки темницы своей плакалъ горько, что такъ скоро нашелъ предѣлъ странствованію своему. Достопримѣчательная и для полного уразумѣнія земли и ея солнцами вытканной одежды, царства животныхъ и царства растительнаго, такъ существенно необ-

ходимаѣ новая Голландія и Южный океанъ съ его коралловыми островами, оставались для меня недоступными. Такъ съ самаго еще начала всему, что я долженъ былъ собрать и соорудить, суждено было остаться ничтожнымъ отрывкомъ.—О, что-же послѣ этого всѣ старанія, всѣ усилія человѣка!—

Много разъ, въ жесточайшую зиму Южнаго полушарія пускался я съ мыса Горна по льдамъ полюса на западъ, въ надеждѣ хоть отсюда преодолѣть какіе нибудь двѣсти шаговъ, отдѣлявшіе меня отъ Вандименовой земли и новой—Голландіи. Нисколько не заботясь о томъ, что можетъ быть мнѣ не лезя будетъ уже возвратиться, и что гадкая земля эта прихлопнетъ меня какъ гробовая крыша, шагаль я отчаянно по носящимся льдинамъ, пренебрегая всѣми ужасами холода и моря. Все напрасно—я, и до сихъ поръ не былъ еще въ Новой Голландіи. Послѣ каждой такой попыт-

ки возвращался я опять на Ламбокъ, садился на оконечность его и обративъ лице къ Юго — востоку, заливался опять слезами, какъ узникъ у рѣшетки темницы своей.

Наконецъ я пересилилъ себя, оторвался отъ этого мѣста, углубился, съ грустію въ сердцѣ, въ Азію и къ ночи былъ уже въ Оивайдъ, въ убѣжищѣ вчера только мной избранномъ.

Отдохнувъ и дождавшись, когда разсвѣнетъ въ Европѣ, я отправился туда, чтобъ заpastись всѣмъ необходимымъ. Прежде всего мнѣ пришло въ голову добыть останавливающую обувь, потому что на самомъ дѣлѣ испыталъ уже, какъ неудобно снимать сапоги каждый разъ, только что вздумается разсмотрѣть какойнибудь предметъ хорошенько. Паратифлей надѣтыхъ на сапоги оказалась вполне достаточной; въ послѣдствіи я всегда имѣлъ при себѣ даже двѣ пары, потому что, сбросивъ одну, часто не

успѣвалъ поднять ее, такъ напримѣръ при ботанизированіи когда наталкивался вдругъ на льва, человека или гіенну. Часы мои замѣняли мнѣ хронометръ; но кромѣ того мнѣ были еще нужны секстантъ, нѣкоторые физическіе инструменты и книги.

За всѣмъ этимъ я ходилъ нѣсколько разъ въ Парижъ и Лондонъ и всегда въ туманные и пасмурные дни. Издержавъ все волшебное золото я платилъ Африканской слоновой костью, отыскивать которую мнѣ было нисколько не трудно, и тутъ я выбиралъ разумѣется только тѣ клыки, которые были подъ силу. Такимъ образомъ, какъ скоро я снабдилъ себя всѣмъ нужнымъ, я началъ тотчасъ-же жизнь приватнаго ученаго.

Я ходилъ по всей землѣ, то измѣряя высоты, то температуру ея источниковъ и воздуха, то изучая звѣрей и растѣнія; сравнивалъ опыты и наб-

люденія мои перебѣгая отъ экватора къ полюсу, изъ одной страны свѣта въ другую. Яица Африканскихъ строусовъ и птицъ сѣверныхъ морей и плоды въ особенности баннановъ и пальмъ были обыкновенной пищею моею. Недостатокъ счастья вознаграждался у меня табакомъ, а лишеніе человѣческаго общества любовію пуделя, сторожившаго пещеру мою въ пустынь Оиваиды. Радостно лая и прыгая, бросался онъ мнѣ на встрѣчу, когда я возвращался обремененный сокровищами моими, и я чувствовалъ, что я не одинъ въ міръ этомъ. Одно нечаянное событіе должно было однакожь ввести меня еще разъ въ кругъ людей.

XI.

Разъ, ослабивъ силу сапогъ туфлями, собиралъ я мхи и поросли на сѣверныхъ оконечностяхъ земли; вдругъ, совсѣмъ неожиданно изъ за скалы вышелъ

бѣлый медвѣдь. Желая перескочить на сосѣдній островъ, я сбросилъ проворно туфли, сталъ одной ногой на голую выдававшуюся изъ моря скалу, я шагнулъ и упалъ по другую сторону ея въ воду. Въ попыткахъ я и не замѣтилъ, что туфля съ другой ноги не свалилась еще.

Съ трудомъ спасъ я жизнь мою. Окоченъый отъ холода пустился я что было мочи въ Либійскія пустыни, съ тѣмъ чтобъ осушиться и обогрѣться на тамошнемъ солнцѣ. Но солнце жгло голову мою такъ невыносимо, что я по неволѣ бросился опять на сѣверъ. Думая облегчить недугъ овладѣвшій мною движеніемъ, я принялся бѣгать быстрыми и невѣрными шагами съ востока на западъ и съ запада на востокъ. Ночь и день, зима и лѣто мѣнялись безпрестанно.

Незнаю долго-ли рыскалъ я тамъ по свѣту. Жгучая горячка бушевала въ жилахъ моихъ, съ ужасомъ чувствовалъ

я, какъ оставляетъ меня память; къ довершенію несчастія моего, надобно-же было, чтобъ я на бѣгу наступилъ кому-то на ногу—раздраженный болью онъ толкнулъ меня и я упалъ безъ чувствъ.

Опомнившись я увидалъ, что лежу на покойной постелѣ, стоявшей между многими другими въ пространной и прекрасной залѣ. Кто-то сидѣлъ въ головахъ у меня; какіе-то люди переходили отъ постели къ постелѣ. Они подошли и къ моей и говорили что-то обо мнѣ. Но они называли меня двѣнадцатымъ номеромъ; а въ ногахъ у меня, на стѣнѣ—это не былъ обманъ глазъ,—на черной мраморной доскѣ блестяло золотыми буквами:

ПЕТРЪ ШЛЕМИЛЬ.

Внизу были еще двѣ строки, но я былъ слишкомъ слабъ, чтобъ разобрать ихъ, и я закрылъ глаза опять.

Мнѣ слышалось что читають что-то громко о Петръ Шлемилъ, но не могъ понять что именно. Къ постелѣ моей подошли какой-то ласковый мужчина и прекрасная женщина въ черномъ платьѣ. Лица ихъ были знакомы мнѣ.

Мало по малу силы мои возвращались. Меня звали двѣнадцатымъ номеромъ и двѣнадцатый номеръ по длинной бородѣ принимался за жида ; не смотря на то за нимъ ухаживали точно также, какъ и за другими. Что у него не было тѣни, этого кажется не замѣтили еще. Сапоги мои, какъ меня увѣряли, находились вмѣстѣ со всѣмъ тѣмъ, что нашли при мнѣ въ то время, какъ меня принесли сюда, въ совершенной сохранности и возвратятся мнѣ, какъ скоро выздоровлю. Домъ, въ которомъ я лежалъ назывался Шлемиліумъ, а то, что каждый день громко читали о Петръ Шлемилъ, было поминовеніе о немъ, какъ объ учре-

датель этого богоугоднаго заведенія. Добрый человекъ, котораго я видѣлъ у постели моей, былъ Бендель, а прекрасная женщина Минна.

Неузнаваемый никѣмъ, выздоравливалъ я въ Шлемиліумъ. Я узналъ еще болѣе: я былъ въ городѣ, въ которомъ родился Бендель; на тѣ деньги, которыя я оставилъ ему, онъ учредилъ здѣсь отъ моего имени пристанище для несчастныхъ и принялъ на себя надзоръ за нимъ. Минна овдовѣла; несчастный уголовный процессъ лишилъ Господина Раскаля жизни, и ее большей части имущества. Родители ея также умерли, и она жила здѣсь сестрой милосердія.

Вотъ что говорили они однажды подлѣ постели двѣнадцатаго нумера :

—Скажите, милостивая государыня, говорилъ Бендель, зачѣмъ подвергаете вы себя такъ часто вредному воздуху этой палаты. Неужели судьба ваша

такъ невыносима, что вы желаете смерти?

—Нѣтъ, господинъ Бендель, отвѣчала она; послѣ того, какъ я избавилась отъ тягостнаго сновидѣнія, такъ долго томившаго меня, мнѣ стало очень хорошо; съ тѣхъ поръ я уже не желаю и не боюсь смерти. Съ тѣхъ поръ я могу спокойно думать о прошедшемъ и о будущемъ. Да и вамъ самимъ развѣ не доставляетъ прекрасное теперешнее служеніе господину и другу вашему, тихаго внутренняго счастья?

—О, какъ-же! — Много чуднаго пережили мы однакожь; много выпили мы изъ полной чаши, совсѣмъ не разсуждая, и радости и горя. Она осушена теперь до дна, теперь можно принять все это за испытаніе; вооруженные всѣмъ благоразуміемъ опытности мы можемъ теперь ждать настоящаго начала. Да, то, что будетъ за тѣмъ, будетъ настоящимъ началомъ; и не смотря на то, хоть и не

желаемъ возвращенія прежней жизни , а вообще все таки какъ-то радостно, что привелось и такъ пожить, какъ жили. Во мнѣ есть какое-то внутреннее убѣжденіе, что и старому другу нашему теперь лучше, чемъ прежде.

—И я убѣждена въ этомъ , сказала прекрасная вдова и они прошли мимо меня.

Разговоръ этотъ имѣлъ на меня сильное вліяніе: я колебался только: объявить ли имъ о себѣ или удалиться не признаннымъ? Наконецъ я рѣшился. Я попросилъ бумаги и карандашъ и написалъ :

«И старому другу вашему теперь лучше, чемъ прежде; а если онъ и несетъ кару, такъ это кара искупленія.»

Послѣ этаго я спросилъ платье мое, потому что чувствовалъ уже себя совершенно здоровымъ. Принесли ключъ отъ небольшого шкапика стоявшаго под-

лъ постели мсей. Въ немъ лежало все имущество мое. Я одѣлся, повѣсилъ черезъ плечо коробку, въ которую клалъ собираемыя растѣнія и въ которой къ немалой радости нашелъ набранныя въ послѣдній разъ сѣверныя поросли. Натянувъ сапоги, я положилъ на постель записку и, только что отворилъ дверь, былъ уже далеко на дорогѣ въ Оиванду.

Возвращаясь по Сирійскому берегу и именно по тѣмъ самымъ мѣстамъ, по которымъ удалялся въ послѣдній разъ отъ убѣжища моего, я увидалъ бѣднаго Фигаро бѣжавшаго мнѣ на встрѣчу. Соскучившись ждать такъ долго господина своего, вѣрный пудель этотъ искалъ его по слѣдамъ. Я остановился и подозвалъ его къ себѣ. Онъ бросился ко мнѣ изъясняя радость свою прыжками и громкимъ лаемъ. Я взялъ его на руки, потому что бѣжать за мной разумѣется, онъ не имѣлъ никакой возможности.

Въ пещерѣ моей я нашелъ все въ старомъ порядкѣ. По мѣрѣ возвращенія силъ моихъ переходилъ я и къ прежнимъ занятіямъ и къ прежнему образу жизни; но полярныхъ холодовъ я не могъ выносить почти цѣлый годъ.

Такъ точно любезный Шамиссо, живу я и до сихъ поръ. Сапоги мои не изнашиваются, хотя я испугался было этого, прочитавъ ученое сочиненіе знаменитаго Тиціуса *de Rebus gestis Pollicilli*. Сила ихъ все таже, тогда какъ моя собственная слабѣетъ все болѣе и болѣе. Но и тутъ утѣшаетъ меня мысль, что не безплодно-же утратится она. Вездѣ, куда только могли перенести меня сапоги мои, изучалъ я землю, высоты ея, температуру, магнитныя явленія, жизнь на ней и въ особенности царства растительнаго, подробнѣе и отчетнѣе чѣмъ кто нибудь до меня. Всѣ открытія и наблюденія мои я изложилъ съ вели-

чайшей точностію и въ строжайшемъ порядкѣ въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ; выводы-же и взгляды соединилъ въ нѣсколько трактатовъ. Я написалъ географію внутренности Африки и полярныхъ странъ, внутренности Азіи и восточныхъ береговъ ея. Моя *Historia stirpium plantarum utriusque orbis*—огромный отрывокъ *Floræ universalis terrae* и членъ моей *Systemae naturae*. Я не только увеличилъ значительно число извѣстныхъ растѣній, но сдѣлалъ еще много какъ для самой системы, такъ и для географіи растѣній. Теперь я занимаюсь съ особеннымъ рвеніемъ моей Фауной. Всѣ произведенія мои я завѣщаю по смерти Берлинскому университету.

Тебя же, любезный Шамиссо, я избираю въ хранители чудной исторіи моей; пусть по смерти моей она послужитъ обитателямъ міра сего полезнымъ назиданіемъ. Ты же, любезный

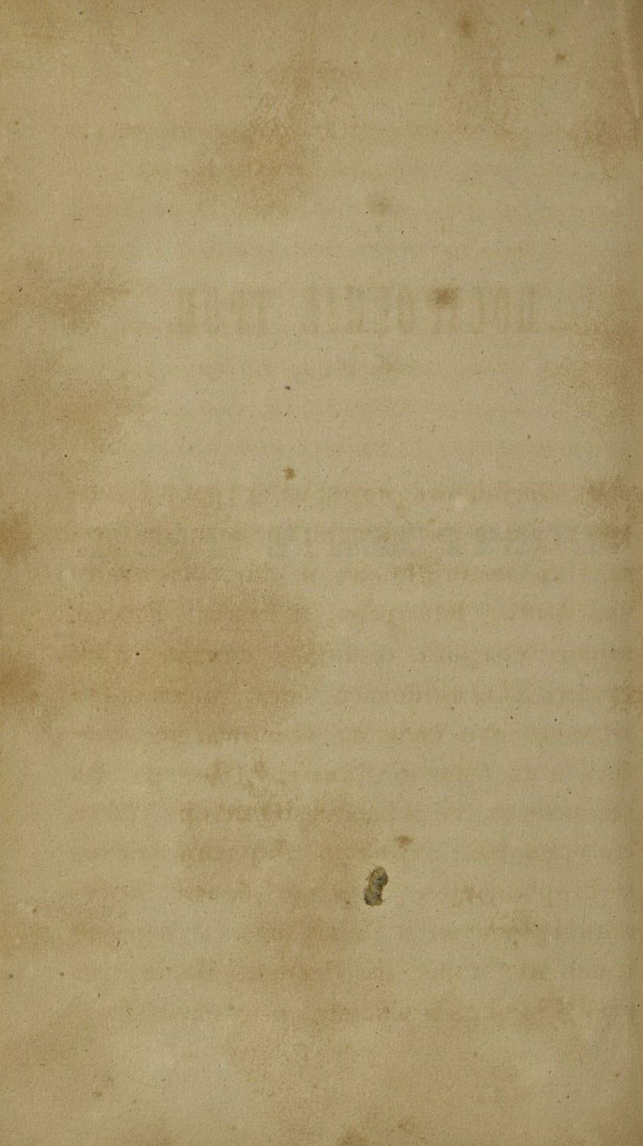
другъ мой, хочешь жить посреди людей, такъ научись уважать прежде всего тѣнь, а потомъ уже золото. Хочешь жить для себя и для своего лучшаго я—такъ тебѣ не нужно никакого совѣта !

ПЕРЕВ. КЕТЧЕРЪ.

NOT RECORDED

ПОСТРОЕНИЕ ТРОИ.

ПОСТРОЕНИЕ ТРОИ.

Въ Эгейскомъ морѣ, на островѣ Само-
трасѣ, жили въ древнія времена два бра-
та. Ихъ звали Язіонъ и Дарданъ, отецъ
имъ былъ Юпитеръ, а мать - Нимфа,
царица острова. Язіонъ, считая себя
сыномъ Олимпійскаго бога, осмѣлился
возвести очи свои на Олимпъ и влю-
биться въ богиню Димитру (Церера). Въ
наказаніе за его дерзость, Юпитеръ убилъ
его громовой стрѣлою. Дарданъ жесто-
ко огорчившись смертію брата, оста-
вилъ отечество и переѣхалъ на твердую
землю въ Азію, на берегъ Мизіи гдѣ
рѣки Симонсъ и Скамандръ сливаясь, па-

даютъ въ море и гдѣ высокая гора Ида отдѣляетъ отъ моря красивую равнину. Тамъ царствовалъ государь Критскаго происхожденія, по имени Тейкеръ, по немъ пастушескій народъ его назывался Тейкриды. Гостепріимный государь ласково принялъ Дардана, далъ ему частицу земли во владѣніе и дочь свою въ жены. Дарданъ основалъ тамъ поселеніе, землю назвалъ своимъ именемъ Дарданія, а народъ Тейкридовъ переименовалъ Дарданцами. Послѣ него царствовалъ сынъ его Эрихоній, а послѣ Эрихонія сынъ его Тросъ, по имени котораго земля назвалась Трояда, большая главная площадь Троя, а Тейкриды или Дардане Трояне. Наслѣдникомъ Царя Троса былъ старшій сынъ его Илій. Однажды Илій посѣтилъ соседа своего Фригійскаго Царя, который пригласилъ его на разныя боевыя игры. Илій одержалъ во всѣхъ бояхъ побѣду и получилъ въ награду пятьдесятъ

дѣвицъ, пятьдесятъ юношей и пеструю корову; Царь Фригійскій отдавая ему корову сказалъ, что при ней передаетъ приказаніе Оракула построить городъ на томъ мѣстѣ, гдѣ она ляжетъ. Иллій пошелъ за коровой она привела его и легла на большой площади, на которой и онъ и отецъ его жили, и которая называлась уже Троя. Тамъ на холмѣ построилъ онъ крѣпкій городъ Илліонъ, или Иліось, или Пергамъ, и съ тѣхъ поръ городъ этотъ назывался то Иліонамъ то Пергамомъ, то Троей. Когда закладывалъ Иллій основаніе города, то просилъ предка своего Зевса подать ему знакъ, что задуманная постройка будетъ ему угодна. На другой день нашелъ онъ у палатки своей статую Богини Аѳины, пзвѣстную подъ названіемъ палладіума. Эта статуя была вышиною въ три локтя, въ правой рукѣ держала поднятое копье, въ лѣвой лень и прялку, ноги были скутаны одеждой. Вотъ

что было съ этой статуей. Богиня Аѳина (Минерва) была воспитана однимъ Тритономъ, морскимъ божествомъ; у этаго Тритона была дочь однихъ лѣтъ съ Аѳиной и любимая ея подруга; ее звали Паллада. Однажды рѣзвая дѣвушки, играя, стали драться на копьяхъ. Паллада подняла копьѣ свое на подругу, но Юпитеръ испугавшись за милую дочь накрылъ ее Эгидой, то есть щитомъ изъ овечьей шкуры. Паллада испугавшись взглянула вверхъ и въ эту минуту сама получила смертельную рану. Глубоко огорченная Аѳина велѣла сдѣлать сходное изображеніе подруги своей, надѣла на него панцырь изъ такой же овечьей шкуры изъ какой сдѣлана была Эгида и поставила рядомъ съ статуей Юпитера. Юпитеръ съ согласія дочери своей, бросилъ этотъ самый Палладіумъ на площадь Илліоса въ знаменіе того, что городъ будетъ подъ защитой его дочери и его самаго.

Сынъ царя Иллія и Эвридики назывался Лаомедонъ; онъ былъ человекъ своевольный и буйный, обманывалъ боговъ и людей. Этотъ Лаомедонъ задумалъ обнести стѣнами открытую еще площадь Трои и укрѣпить ее также какъ укрѣпленъ городъ. Въ то самое время Аполлонъ и Нептунъ, въ наказаніе за непослушаніе Юпитеру, бродили по землѣ изгнанные съ неба. По волѣ судьбы пришли они къ Лаомедону въ то время, когда онъ готовился строить стѣны около города и предложили ему свои услуги. Они уговорились съ Царемъ за условную плату и подъ ихъ руководствомъ стали возвышаться неразрушимыя стѣны Трои. Нептунъ самъ помогалъ работать а Фебъ-Аполлонъ пасъ въ то время Царскія стада въ прекрасныхъ лѣсахъ и долинахъ горы Иды. Цѣлый годъ служили они такимъ образомъ Лаомедону. По прошествіи года, когда несокрушимыя стѣны были совсѣмъ готовы, без-

совѣстный Лаомедонъ отказалъ богамъ въ условленной платѣ, и когда красно-рѣчивый Аполлонъ сталъ упрекать его, приказалъ прогнать обоихъ, грозя обрубить имъ уши, а Аполлону связать руки и ноги. Прогнѣванные боги стали смертельными врагами Троянцевъ и царя ихъ, сама Аѳина ужасаясь коварства, отвратилась отъ покровительствуемаго ею города, и Юпитеръ молчаніемъ своимъ предалъ праведному мщенію оскорбленныхъ, столицу съ ея неокружимыми стѣнами, весь народъ и все поколеніе нечестиваго Государя.

ПРІАМЪ, ГЕКУБА И ПАРІСЪ.

По смерти Лаомедона, царствовалъ сынъ его Пріамъ. Пріамъ женился на дочери фригійскаго царя, Дримаса, Гекубѣ; первый сынъ ея былъ Гекторъ. Когда Гекуба была беременна вторымъ ребенкомъ и время родинъ ея прибли-

зилось, то приснился ей однажды ночью престрашный сонъ. Она видѣла будто родила горящій факелъ, которой зажегъ всю Трою и превратилъ въ пепелъ. Пріамъ, которому она рассказала сонъ свой, призвалъ сына своего отъ перваго брака, именемъ Азака и приказалъ ему растолковать значеніе этаго сна. Азакъ былъ прорицатель и отъ дѣда своего съ материнской стороны Меропса научился искусству изъяснять сны. И такъ Азакъ сказалъ мачихѣ своей Гекубѣ, что она родить сына, который погубить отечество свое, и потому совѣтовалъ подкинуть дитя, какъ скоро оно родится. — Царица въ самомъ дѣлѣ родила сына, и для блага земли своей рѣшилась пожертвовать материнской любовью. Она позволила Пріаму отдать новорожденное дитя невольнику, а тотъ понесъ его на гору Иду и тамъ покинулъ. Невольника звали Агелай. Черезъ пять дней Агелай пришелъ посмотрѣть

что сдѣлалось съ ребенкомъ и нашель, что онъ лежитъ въ лѣсу весель и здоровъ, потому что медвѣдица кормила его. Агелай поднялъ дитя, принесъ къ себѣ, воспиталъ и назвалъ Парисомъ.

Когда Парисъ выросъ и сталъ юношею, то поражалъ всѣхъ своею красотою и необыкновенной силой; онъ сталъ покровителемъ всѣхъ товарищей своихъ пастуховъ, и защищалъ ихъ отъ разбойниковъ. За что прозвали его Александромъ.

Однажды среди самой уединенной долины въ ущельяхъ горы Иды, стоялъ онъ одинъ въ тѣни деревъ, прислонясь къ огромному дубу, и смотрѣлъ сквозь разсѣлину горы на далекое море и на дворцы города Трои, вдругъ земля потряслась отъ приближенія одного изъ безсмертныхъ и прежде нежели онъ успѣлъ опомниться, Меркурій, посланникъ боговъ, съ окриленными своими ногами, съ золотымъ жезломъ своимъ,

передъ нимъ очутился. »Не бойся ничего, сказалъ онъ юношѣ; я пришелъ возвѣстить тебѣ посѣщеніе трехъ богинь: онѣ избрали тебя судьей своимъ, ты долженъ рѣшить которая превосходитъ другихъ красотою. Юпитеръ повелѣваетъ тебѣ не отклоняться отъ этаго суда.» — Такъ говорилъ Меркурій и поднявшись надъ узкою долиной, скрылся изъ глазъ трепещущаго юноши. Слова его ободрили Париса, онъ осмѣлился поднять глаза, остановить взоры на представшихъ предъ нимъ неземнымъ величіемъ и красотою блистающихъ, трехъ богинь Олимпа. Священный трепетъ обдалъ его; чѣмъ болѣе онъ смотрѣлъ на нихъ, тѣмъ прекраснѣе онѣ ему казались; каждая поражала чудною красотою и ни съ одной не могъ онъ свести глазъ; одна изъ нихъ однакожь показалась ему моложе, нѣжнѣе, и болѣе любовью и прелестью исполнена. — Между тѣмъ гордая богиня превышающая прочихъ ро-

стомъ, величіемъ и важностью, сказала: Я сестра и супруга Юпитера, Юнона. Если ты мнѣ отдашь это золотое яблоко, которое Эриса, богиня раздора бросила на столъ во время свадебнаго пира Оетиды и Пелея съ надписью: *Прекраснѣйшей*, — то я сдѣлаю тебя Царемъ самаго лучшаго царства, какое есть на землѣ, тебя, бѣднаго пастуха изгнаннаго изъ царскихъ палатъ. — Я Паллада, богиня, мудрости сказала другая, которой синіе глаза и возвышенное чело сіяли дѣвственнымъ величіемъ и важной красотой; «если ты мнѣ присудишь побѣду, то слава о твоей мудрости и добродѣтеляхъ распространится по всей землѣ. — Тогда третья Богиня взглянула съ ласковыми очами и съ плѣнительной улыбкой на юношу и сказала: Парисъ! не плѣняйся этими дарами: они опасны и наслажденіе ими не вѣрно! то, что я тебѣ обещаю не доставитъ тебѣ ничего кромѣ радости. Люби, и прекраснѣйшая

пзъ смертныхъ будетъ твоей супругой.
Я Афродита, богиня любви.

Молодой пастухъ, восхищенный этимъ
общаніемъ и прелестью Венеры обле-
ченной очаровательнымъ своимъ поясомъ,
забылъ о другихъ богиняхъ, и въ упое-
ніи подалъ яблоко, полученное отъ Юно-
пы прекрасной богини любви. Юнона и
Минерва съ досадой отъ него отверну-
лись и поклялись отмстить обиду свою
на немъ, на отцъ его Пріамъ, на всемъ родъ
его и на всемъ Троянскомъ царствѣ;
съ тѣхъ поръ обѣ, особливо Юнона, ста-
ли непримиримыми врагами Троянъ. Ве-
нера улыбаясь подтвердила клятвой свое
общаніе и простилась оставивъ юношъ
самую сладкую и пріятную надежду.
Нѣсколько времени жилъ еще Парисъ
на высотахъ Иды; такъ какъ надежды
возбужденныя богиней еще не исполня-
лись, то онъ женился на прекрасной
дѣвушкѣ называемой Эноной, дочерью
одной Нимфы и морскаго Бога, и жилъ

съ нею счастливо, и неизвѣстно посреди стадъ своихъ и тѣнистыхъ долинъ. Наконецъ привлекли его въ городъ, гдѣ прежде никогда не бывало игры учрежденной царемъ Пріамомъ въ честь умершаго родственника. Пріамъ назначилъ побѣдителю въ награду быка взятаго изъ царскихъ стадъ съ горы Иды. Случилось, что этотъ быкъ былъ любимый Парисовъ и какъ онъ не могъ отказать въ немъ царю своему, то рѣшился самъ оспаривать побѣду и за него сражаться. Во всѣхъ боевыхъ играхъ побѣдилъ онъ всѣхъ своихъ братьевъ, даже храбрѣйшаго и славнѣйшаго изъ нихъ, великаго Гектора. Діофобъ, другой сынъ Царя Пріама, раздраженный своимъ низверженіемъ, хотѣлъ заколотъ юнаго пастуха. Но Парисъ спрятался за алтарь Юпитера и дочь Пріама, Кассандра, одаренная даромъ прозрѣнія узнала въ немъ покинутаго брата. Тогда родители забыли предсказанныя бѣды, обняли его

съ восторгомъ и признали за сына своего.

Парисъ возвратился однако на гору Иду къ женѣ своей и стадамъ. Ему, какъ царскому сыну построили удобное и красивое жилище. Но вскорѣ, принявъ одно порученіе царя, отправился онъ самъ того не зная, за наградой обѣщанной ему Афродитой.

ПОЖИЩЕНІЕ ГЕЗІОНЫ.

Мы знаемъ, что царь Пріамъ былъ еще младенцемъ, когда Геркулесъ завоевавъ Трою, убилъ Лаомедона а сестру Пріама Гезіону,отдалъ за мужъ за Теламона своего друга. Гезіона жила счастливо царствуя въ Саламинѣ, но Пріамъ не могъ равнодушно вспомнить объ испытанномъ униженіи. Однажды разговаривая съ дѣтьми своими о похищеніи Гезіоны, Пріамъ сказалъ, что не можетъ утѣшиться въ разлукѣ съ нею, Парисъ всталъ и объявилъ, что если дадутъ ему нѣ-

сколько кораблей, то онъ отправится въ Грецію, силою отниметь сестру отца своего у враговъ, и съ помощью Боговъ возвратится со славою и побѣдою въ домъ свой. Надежду свою полагалъ онъ на благосклонность богини Венеры, объ обѣщаніяхъ которой разсказалъ отцу и братьямъ. Пріамъ убѣжденный въ покровительство боговъ согласился на его предложеніе, Дейфобъ сказалъ, что если братъ явится съ войскомъ, то Греки не посмѣютъ отказать ему въ удовлетвореніи и выдадутъ Гезіону. Между многими сыновьями Пріама былъ одинъ прорицатель именемъ Геленъ. Пророчески увѣрялъ онъ, что если братъ его Парисъ привезетъ изъ Греціи женщину, то всѣ Греки нападутъ на Трою, разорятъ ее, и убьютъ Пріама со всѣми его сыновьями. Такое прорицаніе произвело несогласіе въ совѣтъ. Троилъ, меньшей сынъ Пріама, не хотѣлъ слушать предсказаній брата и стремясь къ дѣятель-

ности, совѣтывалъ не пугаться войны и ея слѣдствій. Другіе были осторожныѣ. Пріамъ же страстно желая увидѣться съ сестрою, соглашался съ предложеніемъ Париса.

По повелѣнію Царя созвали собраніе народа. Пріамъ вспомнилъ Троянамъ какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ посылалъ онъ къ Грекамъ посольство подъ предводительствомъ Антенора, требовалъ удовлетворенія за похищеніе сестры и возвращенія Гезіоны. Антеноръ возвратился съ позоромъ. Теперь желаетъ онъ, если на то будетъ народъ согласенъ, послать роднаго сына своего, Париса, съ значительнымъ войскомъ и поручить ему силою взять то, чего добромъ отдать не хотѣли. — Антеноръ всталъ для подкрѣпленія рѣчи Пріамовой, живо представилъ сколько онъ, мирный посланникъ, долженъ былъ перенести стыда отъ Грековъ, представилъ народъ Греческой дерзкимъ среди

мира и тишины и робкимъ въ войнѣ. Слова его воспламенили народъ, съ громкимъ крикомъ требовалъ онъ войны. Но мудрый Царь Пріамъ не хотѣлъ легкомысленно начинать важнаго дѣла и вызывалъ каждого сказать свое мнѣніе. Тогда Пантей, одинъ изъ старшинъ города сталъ среди собранія и сказалъ, что будучи еще юнымъ отрокомъ слышалъ отъ отца своего Офрія что Оракулъ предсказывалъ что когда Царскій сынъ изъ рода Лаомедона привезетъ въ домъ жену Гречанку, то всей Трои предстанетъ гибель неминуемая. И потому, продолжалъ онъ, не будемъ, друзья, льститься пустой воинской славой и вмѣсто мира и тишины, предавать жизнь нашу и свободу невѣрному жребію битвъ. — Народъ недоволенъ былъ его рѣчью и просилъ Царя Пріама не внимать словамъ боязливаго старика, а исполнить то, что положилъ уже съ сердца своемъ.

Тогда Пріамъ началъ снаряжать кораб-

ли, построенные изъ крѣпкаго лѣсу
ростущаго на горѣ Идѣ; сына своего
Гектора послалъ въ Фригію, Деифоба и
Париса въ сосѣднюю Пэонію, собрать со-
юзныхъ воиновъ. Въ Троѣ самой всѣ
мужи способные носить оружіе изгото-
вились къ войнѣ и такимъ образомъ
составилось многочисленное войско.
Царь Пріамъ отдалъ его подъ упра-
вленіе сына своего Париса, брата его
Деифоба, Полидама сына Пантеева и пар-
скаго сына Энея далъ ему въ товарищи.
Великолѣпный флотъ пустился по морю
и прежде всего приплылъ къ острову
Цитеръ, гдѣ на нѣсколько времени ос-
тановился. На пути къ Цитеръ встрѣтил-
ся онъ съ Греческимъ кораблемъ спар-
танскаго Царя Менелая, который плылъ
для свиданія съ разумнымъ Нестромъ
въ Пилось. Греки съ удивленіемъ смо-
трѣли на такой большой флотъ и Трояне
съ любопытствомъ разсматривали кра-
сивый Греческій корабль, праздничными

тканьми украшенный, но обѣ стороны другъ друга не знали; каждый подумалъ о другомъ: куда онъ плыветъ? и каждый поплылъ своей дорогой по широкимъ волнамъ. Троянскій флотъ присталъ благополучно къ острову Цитеръ. Оттуда Парисъ хотѣлъ отправиться въ Спарту для переговоровъ съ Юпитеровыми дѣтьми Касторомъ и Полуксомъ; если они откажутся выдать ему Гезіону сестру отца его, то по приказанію Пріама, хотѣлъ онъ съ вооруженнымъ флотомъ своимъ прибыть въ Саламинъ и силою похитить Гезіону.

Прежде же всего хотѣлъ Парисъ принести жертву на островъ Цитеръ въ храмъ посвященномъ Діанѣ и Венерѣ вмѣстѣ. Жители острова увидѣли изъдалека шествіе великолѣпнаго флота и дали о томъ знать въ Спарту, царицѣ Еленѣ, которая въ отсутствіи мужа своего Менелая правила Государствомъ.

Елена дочь Юпитера и Леды, сестра Кастора и Поллукса, была первая красавица на всей землѣ. Тезей плѣнился ею, когда она была еще ребенкомъ и увезъ, но братья ее отняли у него силой. Выростая при дворѣ Спартанскаго царя Тиндара, своего вотчима, она разцвѣтала такъ несравненно прекрасна, что красота ея привлекала множество жениховъ. Царь Спартанскій боялся отдать ее за мужъ, для того чтобы всѣ остальные женихи не сдѣлались ему врагами. Тогда Одисей царь Итаки, умный Греческій герой посовѣтывалъ ему взять со всѣхъ жениховъ клятву защищать оружіемъ того, на кого падеть выборъ царя, если кто будетъ нападать на него. Тиндаръ потребовалъ отъ жениховъ этой клятвы и потомъ выбралъ себѣ зятемъ Менелая царя Аргивскаго, сына Атрея, брата Агамемнона, отдалъ ему дочь и свое государство Спарту. Елена родила ему дочь Герміону, которая была еще

въ колыбели, когда Парисъ пріѣхалъ въ Грецію.

Прекрасная Елена въ отсутствіи мужа скучала во дворцѣ своемъ; едва узнала она о прибытіи на островъ Цитеру огромнаго флота и чужестраннаго Принца, тотчасъ сильное любопытство увидѣть чужестранца овладѣло ею и она устроила торжественное жертвоприношеніе Діанѣ, въ ея храмъ на островъ Цитеръ.

Въ ту минуту, когда Парисъ принесъ свою жертву, вошла она во храмъ. Руки, поднятыя къ молитвѣ, опустились и онъ въ восторгѣ, въ изумленіи думалъ, что видитъ передъ собою ту же богиню Афродиту, которая являлась ему пастуху.—Слухъ о красотѣ Елениной часто поражалъ Париса и онъ желалъ пріѣхать въ Спарту для того, чтобы увидѣть ее, но не могъ вообразить, чтобы она доходила до такого совершенства; помышляя объ женѣ, обѣщанной ему богиней, не думалъ онъ также, чтобы она

могла быть женой другаго. Теперь, увидя Спартанскую Царицу, всѣ недоумѣнія его исчезли: она, а не другая обѣщана ему наградой, она, чья красота равняться можетъ только съ красотою Венеры. Онъ забылъ о порученіи отца, забылъ для чего вооружалъ столько кораблей и предпринялъ путешествіе, одна Елена казалась ему единственной цѣлью всѣхъ желаній. Елена въ свою очередь смотрѣла на восхищеннаго юношу, на длинные его кудри, на великолѣпную восточную одежду, и красота чужестранца изгладила изъ головы мысль о супругѣ, ибо всемъ, что доселѣ ее занимало.

Между тѣмъ Елена возвратилась въ Спарту, во дворецъ свой, куда скоро явился Парисъ съ отборными воинами. Не смотря на отсутствіе Менелая, Елена приняла посольство и угостила чужестранца отличнымъ гостепріимствомъ. Красота юнаго сына Царя Пріама, ис-

кусная игра его на лирѣ, сладкія рѣчи а болѣе всего пламень любви его, овладѣли неохраняемымъ сердцемъ Елены. Парисъ увидя колеблющуюся вѣрность супруги, забылъ приказанія отца, порученія, данныя ему народомъ, и всею душою предался обманчивымъ обѣщаніямъ богини Афродиты. Онъ собралъ своихъ вѣрныхъ воиновъ, прибывшихъ съ оружіемъ въ Спарту, и представивъ имъ надежду на богатую добычу, уговорилъ участвовать въ задуманномъ преступленіи. Всѣ вмѣстѣ ворвались они во дворецъ, овладѣли сокровищемъ Греческаго государя и похитивъ прекрасную Елену, отвезли ее на островъ Цитеру къ оставшемуся тамъ флоту.

Когда восхищаясь своей чудной добычей плыли они по Эгейскому морю, сдѣлалось вдругъ совершенное затишье: море перестало колыхаться, вѣтеръ пересталъ дуть, передъ кораблемъ, на которомъ находился Парисъ — похититель,

вдругъ раздвинулась волна и древній богъ моря Нерей выставилъ съдую голову увѣчанную тросникомъ и морскими растѣніями. Корабль стоялъ неподвижно какъ бы прикованный желѣзными цѣпями къ желѣзной подвижной равнинѣ, »Зловѣщія птицы летаютъ передъ тобой, проклятый разбойникъ! закричалъ старикъ Парису. Греки придутъ на тебя съ сильнымъ войскомъ поклявшись разорвать твой преступный союзъ и разорить древнее царство Пріама. Горе! горе! сколько вижу коней! сколько вооруженныхъ мужей, падающихъ среди народа Дарданскаго! Паллада грозно ополчается уже шлемомъ и щитомъ своимъ. Цѣлые годы будетъ длиться кровавая война и только гибель одного героя удержать на нѣсколько времени погибель твоего города. Но время исполнится и Греческій мстительный пламень пожретъ Трою и всѣ дома ея.

Такъ прорекъ съдой старецъ и по-

грузился опять въ волны. Парисъ слушалъ съ трепетомъ его грозныя предвѣщанія, но вѣтеръ попутный весело повѣялъ, онъ забылъ, въ объятіяхъ похищенной своей красавицы, всѣ предсказанныя бѣды и сталъ со всѣмъ флотомъ своимъ на якорь у острова Крана, гдѣ вѣроломная и легкомысленная жена Менелая торжественно отдала новому сунругу руку свою. Оба перестали думать объ отечествѣ и о прошедшемъ и долгое время употребляли на пиры и веселія привезенныя съ собою сокровища. Нѣсколько лѣтъ прошло такимъ образомъ.

ГРЕКИ.

Преступленіе совершенное Парисомъ посланникомъ съ Спарту, противъ всѣхъ правъ гостепріимства и народныхъ понесло тотчасъ плоды свои, и возмутило противъ него въ храбромъ Греческомъ на-

родъ всѣхъ государей и всѣхъ мужей
воинственныхъ. Менелай, царь Спартан-
скій и братъ его Агамемнонъ, царь Ми-
кины, были потомки Тантала, внуки Пе-
лопса, сына Атрида, знамениты величі-
емъ рода своего и его злодѣянїями.
Этимъ двумъ могущимъ братьямъ по-
корны были, сверхъ Аргоса и Спарты,
почти всѣ прочіе города Пелопоннеса,
а всѣ остальные Греческіе государи бы-
ли съ ними въ союзъ. Когда извѣстіе о
похищеніи Елены дошло въ Пилосъ, гдѣ
посѣщаль сѣдовласаго Нестора царь
Менелай, то огорченный супругъ посѣ-
щилъ въ Микину къ брату своему Ага-
мемнону, гдѣ онъ царствовалъ вмѣстѣ съ
сестрою Елены, Клитемнестрою. Агамем-
нонъ принялъ живое участіе въ скорби
и гнѣвѣ брата своего, но старался утѣ-
шить и обѣщаль напомнить всѣмъ преж-
нимъ женихамъ Елены о ихъ клятвѣ.
Такимъ образомъ оба брата обошли всю
Грецію и всѣхъ Государей призывали итти

войною противъ Трои. Тлептолемъ, сынъ Геркулеса, царь Родоскій, присоединился къ нимъ первый и вызвался поставить девяносто вооруженныхъ кораблей, противъ коварнаго города Трои; за нимъ Діомедъ съ осмидесятью кораблями мужественныхъ Пелопонезцевъ, обѣщаль имъ свое содѣйствіе. Оба эти государя съѣхались на совѣтъ къ Атридамъ въ Спарту, и присудили послать воззваніе къ Діоскурамъ, сыновьямъ Юпитера, братьямъ Елены, Кастору и Поллуксу. Но Касторъ и Поллуксъ, при первомъ извѣстіи похищеніи сестры, бросились на корабль и гнались за похитителемъ до острова Лесбоса, близъ Троянскихъ береговъ лежащаго; тамъ буря охватила корабль ихъ и поглотила волнами. Сказаніе утверждаетъ будто Діоскуры не потонули въ волнахъ, но Юпитеръ отецъ ихъ, взялъ ихъ на небо, гдѣ они, въ видѣ двухъ свѣтлыхъ звѣздъ, охраняютъ мореплавателей отъ гибели. Между тѣмъ по

вызову Атридовъ, Греція встала вся готовая къ мести; оставались не присоединившись только два знаменитые государя. Одинъ изъ нихъ былъ хитрый Одиссей, царь Итаки, супругъ Пенелопы. Ему не хотѣлось для вѣроломной жены Спартанскаго царя, оставить своего младенца сына Телемаха и юную свою подругу. Когда Менелай пришелъ къ нему съ другомъ своимъ, Паламедомъ, сыномъ царя Навплия изъ Эвбеи, то Одиссей притворился безумнымъ, впрегъ осла въ одинъ плугъ съ воломъ и нахалъ на этой странной парѣ поле, въ борозды котораго сѣялъ соль вмѣсто семянъ.—Воины смотрѣли съ удивленіемъ на работу Одиссея и онъ надѣялся этимъ избѣжать ненавистнаго похода. Но прозорливый Паламедъ пронику умыселъ хитрѣйшаго изъ смертныхъ, пошелъ тайно во дворецъ Одиссея, —принесъ младенца Телемаха и положилъ его въ борозду которую гото-

вился пахать Одиссей. Отецъ заботливо приподнялъ плугъ и поворотилъ его въ сторону. Громкое восклицаніе воиновъ обличило его въ здоровомъ умѣ и притворствѣ. Онъ пересталъ отговариваться принять участіе въ походѣ и заключивъ въ коварномъ сердцѣ своемъ непримиримую вражду противъ Паламеда, общалъ царю Менелаю прислать двѣнадцать вооруженныхъ кораблей изъ Итаки и сосѣднихъ острововъ.

Другой государь, который не изъявилъ еще согласія своего на общее дѣло, и о мѣстѣ пребыванія котораго никто не зналъ, былъ славный Ахиллесъ, юный сынъ царя Пелея и морской богини Фетиды. Когда онъ родился, бессмертная мать его хотѣла сдѣлать и его бессмертнымъ, и для того въ тайнѣ отъ Пелея каждую ночь клала младенца въ небесное пламя, истребляя такимъ образомъ то, что онъ отъ отца имѣлъ въ себѣ смертнаго. Днемъ заливчивала она

Амвросіей сожженныя мѣста. Однажды ночью Пелей засталъ ее и закричалъ громко, увидѣвъ сына трепещущаго въ огнѣ. Это внезапное появленіе помѣшало Тетидѣ окончить начатое дѣло; она оставила безъ цѣлительнаго омовенія младенца, сдѣлавшагося потому смертнымъ, удалилась въ прозрачное царство Нереидъ и не возвращалась болѣе во дворецъ супруга своего. Пелей поднялъ съ земли сына своего и считая его опасно раненымъ понесъ къ знаменитому врачу, воспитателю многихъ героевъ, Кентавру Хирону. Хиронъ радостно принялъ къ себѣ младенца, кормилъ его медвѣжьимъ мозгомъ, и печенками львиными и кабаньими. Когда Ахиллесу минуло девять лѣтъ, Греческій прорицатель Калхасъ, предсказалъ, что Греческое войско должно будетъ осадить далекій городъ Трою, но что гибель города зависить отъ одного Ахиллеса. Это предсказаніе дошло до слуха его безсмертной матери Те-

тиды; она видѣла, что въ этой же войнѣ обречено сыну ея быть убитымъ, и потому прокралась во дворецъ Пелея, одѣла сына своего въ женское платье и перенесла на островъ Скиросъ къ царю Ликомеду, который принялъ его какъ дѣвушку и возрастилъ вмѣстѣ съ своею дочерью и другими дѣвицами, наставляя во многихъ женскихъ рукодѣліяхъ. Но юноша начиналъ мужать, легкій пухъ отъбнялъ его подбородокъ, онъ открылъ тайну свою прекрасной дочери царя, Деидаміи. Взаимная склонность влекла ихъ другъ ко другу и въ то время, когда всѣ вообще почитали Ахиллеса родственницей царя, Деидамія, видѣла въ немъ жениха своего. Калхасъ, отъ котораго никакая тайна не скрывалась, объявилъ Атридамъ гдѣ пребываетъ переодѣтый сынъ богини. Зная сколько онъ необходимъ для покоренія Трои послали за нимъ Одиссея и Діомиду. — Когда Греческіе воины прибыли на островъ

Скирось, царь Ликомедь принялъ ихъ во дворецъ своемъ окруженный своими юными дѣвицами. Нѣжность лица и чудная красота скрывали будущаго героя отъ проицательныхъ глазъ обоихъ Греческихъ государей, и всѣ усилія ихъ распознать его были тщетны. Тогда Одиссей употребилъ хитрость. Онъ пришелъ въ женскую половину какъ будто нечаянно и положилъ тамъ копье и щитъ, потомъ велѣлъ загремѣть военной трубъ, какъ бы нападалъ непріятель. Всѣ дѣвицы, услыша тревожные звуки, со страхомъ убѣжали изъ комнаты, одинъ Ахиллесъ остался и мужественно схватилъ копье и щитъ. — Тогда Греческіе государи узнали его и онъ сбросивъ свое переодѣяніе, общалъ имъ дать пятьдесятъ кораблей, и предводительствуя своими Мирмидонами или Солійцами, вмѣстѣ съ другомъ своимъ и товарищемъ Патрокломъ и воспитателемъ Фениксомъ присоединиться къ Греческому войску.

Гавань Авлиды, въ Віотіи у перешейка Евбеи, была назначена сборнымъ мѣстомъ всѣхъ войскъ и всѣхъ Греческихъ кораблей, а Агамемнонъ всѣми Государями признанъ главою ополченія и верховнымъ всѣхъ дѣлъ распорядителемъ.

Въ назначенную гавань собралися кромѣ названныхъ царей съ ихъ кораблями, еще несчетное множество другихъ. Главные изъ нихъ были великанъ Аяксъ, сынъ Теламона изъ Саламина, и сводный братъ его Тейкеръ искусный стрѣлокъ изъ лука; маленькій, проворный Аяксъ изъ Локриды, Менесѡей изъ Лѡинъ; Аскалафъ и Іялмень, сыны Марса изъ Орхоменъ. Изъ Віотіи Пенелей, Аркезилай, Кленій, Проѡеноръ; изъ Фокиды Скедій и Эпистрофъ; изъ Эвбеи Элефеноръ съ Абантами; съ другой частью Аргивянъ и Пелополезцевъ Сѡенель, сынъ Капаней, и Эвріаль сынъ Менисфея; изъ Пилоса старецъ Несторъ, пережившій уже три поколѣнія; изъ Ар-

кадіи Агапеноръ, сынъ Анкея; изъ Элиды и другихъ городовъ: Амфимахъ, Ѡалпій, Діоръ и Поликенъ; изъ Дулихиі и острововъ, Мегесъ сынъ Филея; съ Этолійцами Ѡоасъ, сынъ Адрамена; изъ Крита Идомей и Меріонъ; изъ Родоса Гераклидъ Тлиполемъ; изъ Сима юный Нирей, красотою превышающій всѣхъ Греческихъ воиновъ, кромѣ Периды; съ острововъ Калиднійскихъ Гераклиды Фидиппъ и Антифъ; изъ Филака Подаркесъ сынъ Ифкла; изъ Феры въ Фессаліи Эвмелъ сынъ Адмета и богобоязненной Альцесты; изъ Меѳоны Ѡомасіи и Мелибеи Филоктетъ; изъ Триккіи Иѳомы и Эвхалии: два прорицателя Подалирь и Мехеонъ; изъ Орменіи съ окрестностями Эврипилъ, сынъ Эвемона; изъ Аргиссы Полипетъ, сынъ Пирѳоя друга Тезеева; изъ Кіѳа Гуней; изъ земли Магнетовъ Проѳоой.

Вотъ имена Государей собравшихся въ Авлиду съ большимъ или меньшимъ

числомъ кораблей подъ предводительствомъ Атридовъ, Одиссея и Ахиллеса. Сами же Греки назывались въ то время, то Данайцами, отъ древняго Египетскаго Царя Даная, поселившагося въ Пелопонезъ, въ Аргосъ; то Аргивянами, отъ главной Греческой земли Арголиды или Аргивской земли; то Ахеянами, отъ древняго названія Греціи Ахаіей. — Позднѣе назвались они Греками, отъ Грека сынъ Тессалова, и Елленами, отъ Еллена сына Девкалиона и Пирры.

ПОСОЛСТВО ГРЕКОВЪ КО ЦРІАМУ.

Пока Греки вооружались, и готовились къ походу, Агамемнонъ въ совѣтъ старшинъ народныхъ и своихъ близкихъ друзей, рѣшилъ послать посольство къ царю Пріаму въ Трою, дабы не упустить никакого средства къ примиренію. Послы должны были жаловаться на нарушеніе права народнаго, на похищеніе Греческой царицы и потребовать возвращенія царю Менелаю супруги и

всѣхъ его увезенныхъ сокровищъ. Послами избраны были знаменитые вожди: Паламедъ, Одиссей и Менелай. Одиссей былъ смертельный врагъ Паламеду, но уважая его разумъ и опытность, для общаго блага подчинился его руководству и уступилъ ему честь держать слово при дворѣ царя Пріама.

Трояне чрезвычайно удивились посольству, прибывшему въ сопровожденіи многихъ вооруженныхъ кораблей. Они не могли постигнуть причины его. Парисъ съ похищенной супругой своей все еще покоился на островѣ Кранаъ и слухъ объ немъ совсѣмъ пропалъ въ Троѣ. Пріамъ вмѣстѣ со всѣмъ народомъ своимъ подумалъ, что посольство Париса и требованіе возвращенія Гезіоны были приняты Греками враждебно, что вооруженный флотъ Троянскій былъ разбитъ и уничтоженъ, и что Греки возгордясь побѣдой, переплыли далекое море, чтобы напасть на Троянъ въ

собственной ихъ землѣ. Извѣстіе , что Греческое посольство приближается къ городу, повергло всѣхъ въ сильную тревогу. Врата городскія отворились и три государя введены были немедленно во дворецъ царя Пріама. Пріамъ, окруженный многочисленными сынами своими и знатнѣйшими людьми города , принялъ ихъ. Паламедъ, какъ представитель всѣхъ Грековъ, началъ прежде всего жаловаться царю на постыдное нарушеніе гостепріимства, которое позволилъ себѣ сынъ его Парисъ , похитивъ царицу Елену изъ дворца супруга ея. Потомъ показалъ всѣ опасности, которыя война можетъ навлечь на государство Пріама, сказалъ имена всѣхъ могучихъ вождей Греческихъ , которые съ тысячею кораблей и съ безчисленнымъ войскомъ, готовы возстать на Трою , и наконецъ требовалъ добровольнаго возвращенія прекрасной Елены. « Ты не знаешь о! царь , говорилъ онъ , какіе смертные

оскорблены твоимъ сыномъ, это Греки! Греки, которые скорѣе погибнуть всѣ, нежели позволять чужеземцу обидѣть одного изъ нихъ. Но пришедши мстить за обиду, они не смерти ищутъ, а побѣды; число ихъ подобно песку морскому, всѣ исполнены мужества, и всѣ горятъ желаніемъ омыть позоръ нанесенный народу ихъ, въ крови виновника. Глава всѣхъ вождей нашихъ, Агамемнонъ могущій царь Аргоса и первый Греческій вождь, а съ нимъ и всѣ другіе вожди Данаевъ говорятъ тебѣ: Отдай намъ похищенную нашу Гречанку или готовься погибнуть.

Сыны Пріама и старѣйшины народа Троянскаго воспламенились гнѣвомъ, услыша дерзкую рѣчь, всѣ вынули мечи и ударили ими по щитамъ. Но царь Пріамъ повелѣлъ имъ усмириться, всталъ съ престола своего и сказалъ: О чужестранцы, принесшіе намъ такіа дерзкія рѣчи отъ лица вашего народа, дайте

мнѣ прежде опомниться отъ удивленія. Въ чемъ вы насъ обвиняете, здѣсь никому не извѣстно. Мы одни можемъ жаловаться на оскорбленіе, которое вы намъ приписываете. *Вашъ* одноземецъ Геркулесь напалъ въ мирное время на *нашъ* городъ, изъ *нашего* города увлекъ онъ за собою въ плѣнъ невинную сестру мою Гезіону, и отдалъ ее въ невольницы другу своему Теламону Саламинскому. Одинъ только произволъ Теламона возвелъ ее въ супруги ему, а не оставилъ рабыней и плѣнницей. Но это супружество не загладило безчестнаго похищенія и я второе уже отправляю посольство подъ предводительствомъ сына моего Париса, для вытребованія моей увезенной сестры, съ которой хочу провести послѣдніе дни моей старости. Какъ исполнилъ сынъ мой Парисъ порученіе мое, что онъ сдѣлалъ и гдѣ теперь находится, — мнѣ это неизвѣстно. Я знаю только, что ни во дворецъ мо-

емъ, ни въ городъ, нѣтъ ни одной Гречанки. Слѣдовательно не могу выполнить вашего требованія, если-бъ и хотѣлъ. Когда-же боги услышатъ мое моленіе и сынъ мой Парисъ возвратится благополучно въ Трою, то я возвращу вамъ похищенную Гречанку, если она сама не пожелаетъ остаться подъ моимъ покровительствомъ. Но возвращу ее тогда только, когда вы сами отдадите мнѣ сестру мою Гезіону изъ Саламины.»

Весь совѣтъ Троянъ одобрилъ рѣчь царя своего, но Паламедъ гордо отвѣчалъ ему: Исполненіе нашего требованія, о царь, должно быть безусловно. Мы вѣримъ почтенному лицу твоему, вѣримъ словамъ устъ твоихъ, утверждающихъ что супруги Менеласовой нѣтъ еще въ стѣнахъ твоихъ; но скоро, не сомнѣвайся, скоро она здѣсь будетъ; она точно похищена недостойнымъ сыномъ твоимъ. Что было во времена отцовъ нашихъ, и что дѣлалъ Геркулесъ,

то отъ насъ далеко и мы за то отвѣчать не беремся. Но за настоящую обиду сдѣланную однимъ изъ сыновъ твоихъ, требуемъ мы теперь-же удовлетворенія. Гезіона добровольно слѣдовала за Теламономъ, и посылаетъ съ нами противустать тебѣ въ предстоящей войнѣ, одного изъ сыновей своихъ сильнаго богатыря Аякса. Елену похитили противъ ея воли, тайно. Благодаримъ Боговъ, что медленность разбойниковъ твоихъ, даетъ тебѣ время одуматься и рѣшеніемъ своимъ отврати погибель отъ страны твоей.»

Пріамъ и Трояне хотя очень недовольны были рѣчью Паламеда, но уважили въ немъ достоинство посланника: собраніе разошлось, и старѣйшій изъ гражданъ Трои мудрый Антеноръ, сынъ Эзинта и Клеоместры, охранялъ возвращеніе чужестранныхъ государей, проводилъ ихъ въ домъ свой и угостилъ съ благороднымъ гостепріимствомъ до

другаго утра. Утромъ далъ имъ охранителей, которые довели ихъ до берега, тамъ съли они опять на блестящія суда свои и поплыли назадъ въ Авлиду.

АГАМЕМНОНЪ И ПРОКРЕВЕНІЕ.

Войска и флотъ собирались въ Авлиду; въ ожиданіи ихъ вождь народовъ и царей, Агамемнонъ, занимался охотой. Однажды прекрасная лань, посвященная Богинѣ Артемидѣ (Діанѣ), подошла подѣ стрѣлу его, страсть увлекла охотника, онъ пустилъ стрѣлу въ священную дичину и увидя ее падающую сказалъ: Сама Діана не могла-бы попасть вѣрнѣе. Раздраженная такимъ непочтеніемъ Богиня, наслала совершенную тишину на воздухъ и море, такъ что всѣ собравшіеся въ гавань корабли и всѣ войны готовые къ высадкѣ, должны были оставаться праздными въ Авлидѣ. Смущенные Греки просили совѣта у Калхаса, сына Фесторова, который въ качествѣ

жреца и прорицателя участвовалъ въ походѣ. Калхасъ отвѣчалъ имъ: Если вождь Грековъ царь Агамемнонъ, принесетъ въ жертву Артемидѣ дочь свою Ионгенію, то гнѣвъ Богини укротится, вѣтеръ попутствовать будетъ кораблямъ, и разрушенію Трои не будетъ сверхъестественныхъ препятствій.

Слова прорицателя опечалили царственнаго вождя. Тотчасъ отправилъ онъ къ собраннымъ грекамъ Герольда, Талонбія изъ Спарты, возвѣститъ передъ всѣми народами, что Агамемнонъ слагаетъ съ себя начальство надъ всѣмъ войскомъ, потому что не хочетъ взять на совѣсть убіеніе дочери своей. Но Греки услыша такое рѣшеніе грозили возмутиться. Испуганный Менелай спѣшилъ въ палатку вождя, брата своего, представилъ ему слѣдствіе его рѣшенія — стыдъ которымъ покроется весь народъ, если оставятъ Елену во власти похитителя, и говорилъ такъ убѣдительно,

что наконецъ Агамемнонъ согласился на ужасное пожертвованіе. Онъ отправилъ въ Микалу къ супругъ своей Клитемнестрѣ письмо съ нарочнымъ, приказывалъ ей прислать дочь ихъ Иѳигенію въ Греческой станъ, подъ тѣмъ предлогомъ, будто желаетъ еще до начатія войны, обручить ее блистательному сыну Пелея, юному Ахиллесу.—Но едва Агамемнонъ отправилъ гонца, чувство отеческой любви снова восторжествовало. Онъ призвалъ къ себѣ ночью, стараго довѣреннаго слугу и поручилъ ему тайно письмо къ царицѣ Клитемнестрѣ; тамъ писалъ онъ, чтобы она не высылала дочери своей Иѳигеніи, что обрученіе отложено до весны, и что онъ, отецъ ея, о томъ царицу просить. Вѣрный служитель спѣшилъ отправиться съ письмомъ Агамемнона, но Менелай, отъ котораго не укрылась нерѣшительность печальнаго брата и который сторожилъ за каждымъ его шагомъ, остановилъ служителя, си-

лою отнялъ у него письмо и прочелъ его. — «Нѣтъ ничего измѣнчивѣе и несправедливѣе права нетвердаго, вскричалъ младшій Атридъ входя въ палатку брата своего. Давно-ли горѣлъ ты желаніемъ сдѣлаться предводителемъ всей Греческой силы? давно-ли ласково обходился съ каждымъ послѣднимъ Ахейцемъ, угождалъ всѣмъ государямъ Ахаіи, для того чтобы получить названіе вождя нашего? И когда удалось тебѣ сдѣлаться надъ всѣми главнымъ, какъ скоро ты ко всѣмъ перемѣнился, какъ сдѣлался не приступень, какъ рѣдко выходилъ къ войску, какъ невозможно было найти тебя дома! И здѣсь, пріѣхавъ со всѣмъ Греческимъ войскомъ въ Авлиду, когда посѣщенный гнѣвомъ боговъ, напрасно желалъ вѣтру для отплытія, съ какимъ сокрушеніемъ внималъ ты воинамъ, когда они жаловались, за чѣмъ теряемъ здѣсь силы и напрасно медлимъ въ Авлидѣ? Какъ усердно ис-

каль совѣта и помощи! И когда прорицатель Калхасъ велѣлъ принести дочь твою Иѳигенію въ жертву Богинѣ Артемидѣ, ты согласился отдать дочь свою и послалъ за женою и дочерью. И вдругъ, о стыдъ и позоръ! теперь отклоняешься опять и новаго гонца посылаешь, чтобы не быть убійцею дочери. Впрочемъ тебя ли одного винить можно? Многіе тысячи прежде тебя не знали покоя и не жалѣли трудовъ для достиженія желаемого, и постыдно оставляли пріобрѣтенное, когда приходилось обладать имъ съ пожертвованіями! И не обязанъ ли каждый властитель не щадить себя для пользы общей, и всѣ опасности отклонять разумно?

Такіе упреки изъ устъ брата не могли успокоить Агамемнона. «Что кричишь ты такъ громко? отвѣчалъ онъ ему. За что сердишься? Я не тебя обижаю! тебѣ жаль твоей прекрасной жены Елены? За чѣмъ-же не умѣлъ беречь своего

сокровища! Я посылаю гонца поправить то, на что неразумно согласился! дѣйствуй и ты разумнѣе. Радуйся, что избавился вѣроломной жены и не старайся вновь пріобрѣтать измѣнницу. Нѣтъ, я не хочу быть убійцею собственнаго чада; на это не достаетъ у меня силъ?»

Пока братья такимъ образомъ ссорились, вѣстникъ явился къ Царю Агамемнону, извѣщая о прибытіи дочери его Ифигеніи, за которой въ слѣдъ прибудетъ Клитемнестра съ маленькимъ сыномъ Орестомъ. Услыша это, Агамемнонъ предался такому горькому сокрушенію, что Менелай подошелъ къ нему и взялъ его правую руку. — Побѣда твоя! воскликнулъ старшій Атридъ! тебѣ уступаю!» — Но Менелай обѣщалъ ему отказаться отъ своего жестокаго требованія и умолялъ утѣшиться! Если боги дали мнѣ часть въ судьбѣ твоей дочери, говорилъ онъ, то я ее тебѣ уступаю! Прости моей вспыльчивости! и будемъ

вмѣстѣ отстаивать жизнь твоей Иогеніи.

Но Агамемнонъ отвѣчалъ ему: « Приговоръ мой изрекла судьба ; смерть дочери моей неизбежна : вся Греція того требуетъ. Калхасъ и хитрый Одиссей, сговорившись, возмутятъ все войско, убьютъ и тебя и меня и принесутъ въ жертву дочь мою. Если-бы мы ушли даже въ Аргосъ, то повѣрь, они не оставятъ камня на камнѣ въ древнемъ городѣ Циклоповъ!—И потому, братъ, объ одномъ прошу тебя, старайся, чтобы ужасный приговоръ не узнала Клитемнестра, и храни его втайнѣ, покуда судьба наша не свершится.

Прибытіе женщинъ прервало разговоръ и Менелай въ глубокой задумчивости удалился.

Агамемнонъ холодно и въ смятеніи встрѣтилъ супругу свою, но Иогенія съ госторгомъ обнимала отца, заботливо

смотрѣла на грустный взоръ его , на смущенное чело, и спрашивала причину « Намъ предстоитъ разлука , отвѣчалъ ей отецъ.» О какъ-бы я счастлива была, если-бъ могла съ тобою не разлучаться! воскликнула Иѳигенія. — И тебѣ готовится путешествіе, сказалъ Агамемнонь, но прежде мы должны принести жертву,—и ты тамъ будешь, дочь моя! — Не въ силахъ будучи удержать своей горести, отослалъ онъ беззаботную дѣвушку въ приготовленную для нее палатку, а съ матерью продолжалъ скрывать истину. Любопытная царица спрашивала о женихѣ своей дочери , о его племени и достоинствахъ. Съ трудомъ освободился отъ нее Атридъ и спѣшилъ къ Калхасу, чтобы условиться во всемъ нужномъ для неизбѣжнаго жертвоприношенія.

Между тѣмъ судьбѣ угодно было привести Ахилла въ палатку вождя царей, Мирмидоны его, нетерпѣливо требовали

исполненія приговора. — Клитемнестра ласково привѣтствовала мнимаго супруга своей Иѳигеніи. О какомъ бракѣ говоришь ты, царица? спросилъ удивленный Ахиллесъ. Никогда Агамемнонъ не говорилъ мнѣ о томъ ни слова.» — Клитемнестра не смѣла догадываться и въ смущеніи стояла передъ Пелидомъ; вдругъ старый служитель преданный Клитемнестрѣ и Агамемнону, у котораго Менелай отнялъ письмо, всшелъ въ палатку царя и тихо, шопотомъ сказалъ царицѣ: Выслушай стараго раба своего! супругъ твой хочетъ убить своею рукою дочь твою.» — Онъ разсказалъ трепещущей матери всю тайну. Клитемнестра бросилась къ ногамъ Пелида: Не стыжусь лежать передъ тобою во прахѣ, вскричала она. Спаси насъ, сынъ безсмертной богини, спаси дочь мою отъ смерти, а меня отъ отчаянія. Невѣстой обреченной тебѣ привезла я сюда дочь мою, тебя называла женихомъ ея! Умо-

ляю тебя божественной твоей матерью, помоги намъ! Какъ у подножія алтара, молюсь у ногъ твоихъ! Ты слышала жестокое намѣреніе Агамемнона, ты видишь, что мы слабыя, безпомощныя женщины, приѣхали въ средину грознаго войска. Возьми насъ подъ защиту свою, и мы будемъ спасены!

Ахиллесъ почтительно поднялъ лежащую у ногъ его царицу и сказалъ: Успокойся, Государыня! Я воспитанъ сострадательнымъ, добрымъ человѣкомъ! въ домѣ Хирона научился нравамъ прямымъ и богобоязненнымъ. Охотно повинуюсь Атридамъ, когда они ведутъ меня къ славѣ, но въ дѣлѣ безславномъ, ихъ не послушаю. Я не позволю убить твоей дочери отцу ея, онъ (хотя ложно) самъ назвалъ ее моею невѣстою. Мое имя не будетъ служить приманкою и предлогомъ дѣтоубійства, мнѣ стыдно будетъ передъ цѣлымъ войскомъ, если это потерплю.»—Великодушный! благо-

родный Пелидь! воскликнула внѣ себя Клитемнестра! будь нашимъ защитникомъ! Вели, и дочь моя придетъ сама просить тебя, хотя благородно-рожденной дѣвицѣ это не прилично. Нѣтъ, возразилъ Ахиллесъ, не показывай мнѣ твоей дочери! Не хочу подавать повода къ празднословію; но вѣрь мнѣ, я никогда не говорилъ не правды. Я спасу дочь твою, или самъ погибну.» Сказавъ это Ахиллесъ удалился.

Клитемнестра не скрывала уже своего отвращенія къ Агамемнону, когда онъ пришелъ къ ней. Атридь, не вѣдая, что тайна его извѣстна, встрѣтилъ супругу свою такими двусмысленными словами: «Отпусти теперь дочь свою и поручи ее отцу. Мука и вода и жертва готовы уже, остается совершиться дѣлу! Хорошо! отвѣчала Клитемнестра сверкая очами, хорошо! Выдь, дочь моя, сама изъ палатки, ты знаешь волю отца, выдь и возьми съ собою брата твоего,

Ореста.»—Когда Июгенія вышла, «посмотри на нее, отецъ, продолжала она, вотъ стоитъ она покорная! Но сперва скажи мнѣ откровенно: Неужели ты точно, хочешь убить нашу дочь?» Долго стоялъ безмолвенъ Атридъ, наконецъ въ отчаяніи воскликнулъ: «О злая судьба моя! все извѣстно! кто открылъ мою тайну?»—Выслушай меня теперь, говорила Клитемнестра, я все сердце передъ тобою выскажу. Преступленіемъ совершился союзъ нашъ, ты отнялъ меня силою у перваго супруга моего, убилъ его и груднаго младенца, сына моего. Братья мои Касторъ и Поллуксъ собрали уже войнѣ и сѣли на коней, чтобы уничтожить тебя. Только старому отцу моему, Тиндару, обязанъ ты жизнью и тѣмъ, что сталъ супругомъ моимъ. Ни однимъ облакомъ не помрачила я союза нашего, ты радовался мною дома, гордился мною внѣ дома. Я родила тебѣ трехъ дочерей и этого мла-

денца сына, а теперь ты отнимаешь у меня старшую дочь мою, а если кто спросить тебя, за что? ты что отвѣчать будешь? За то, чтобы Менелаю возвратить преступную жену его! О не принуждай меня тебя ненавидѣть! Ты хочешь принести дочь свою въ жертву? Какую молитву прочтешь ты, поднимая ножъ? чего просить будешь у боговъ? Несчастливаго возвращенія домой, послѣ несчастнаго отъ бытія изъ дому? — Или мнѣ молить благословеній тебѣ? этимъ обвиню самихъ боговъ! И почему твоя именно дочь должна здѣсь пасть жертвою? почему не скажешь ты Грекамъ: бросьте жребій, чьей дочери умирать придется. — Я вѣрная твоя подруга должна лишиться своей дочери, между тѣмъ какъ Менелай, за кого мы всѣ страдаемъ, беззаботно радуется своей Герміовой, а невѣрная жена его спокойно покинула ее, на попеченіе Спарты. — Скажи: истину ли я сказала? если истину

о, неубивай нашей дочери! твоей, моей дочери! неубивай ее! образумься!

Июгенія бросилась тогда къ ногамъ отца; и едва слышнымъ голосомъ говорила: О для чего неумью я говорить и тебя умилоствовать? Слезы однѣ служить мнѣ рѣчами; вмѣсто маслиной вѣтви руками обвила я колѣна твои. Не погуби меня безвременно, отецъ мой! прекрасенъ свѣтъ божій! не принуждай меня то видѣть, что скрываетъ мракъ ночи. Вспомни какъ ласкалъ ты меня, младенца, какъ обѣщаль ввести меня въ домъ знаменитаго супруга и радовался моимъ счастіемъ и цвѣтущей красою. Я всѣ слова твои помню, а ты всѣ забылъ ихъ и хочешь убить меня? О не убивай меня, умоляю слезами матери моей! Она въ страданіи родила меня, а теперь страдаетъ вдвое, разставаясь со мною? что мнѣ нужды до Елены и Париса? Почему должна я умирать за то, что онъ пріѣзжалъ во Грецію? О взгля-

ни на меня, обними меня! дай мнѣ унести изъ міра воспоминаніе о твоей ласкѣ, если слова мои тебя не трогаютъ! Взгляни на сына твоего, онъ еще птенецъ, молча умоляетъ тебя, но я достигла уже цвѣтущихъ лѣтъ. О сжапись, помилуй меня! естьли что милѣе жизни?—самая бѣдная жизнь, лучше славной смерти.

Но Агамемнонъ былъ неумолимъ, рѣшеніе его было принято твердо. «гдѣ я могу миловать сказалъ онъ, тамъ милую: я люблю дѣтей моихъ, люблю тебя, дочь моя. Съ скорбнымъ сердцемъ исполняю грозное велѣніе, но исполнить его долженъ. Вы видѣли какое множество кораблей меня окружаютъ, какое множество войска и царей вооруженныхъ, стоятъ около меня, всѣ стремятся къ Трои, всѣ знаютъ, что для гибели Трои, нужна гибель твоя, о дочь, по словамъ прорицателя. Всѣ войны хотятъ отмстить за похищеніе Гречанки, они истребятъ и васъ и меня, если я про-

тивиться стану приговору боговъ. Моя власть тутъ безсильна, и я уступаю не Менелаю брату, а всей Греціи.

Царь ушелъ не дожидаясь новыхъ просьбъ, и оставилъ рыдающихъ женщинъ въ своей палаткѣ. Вдругъ раздался звукъ оружія. «Это идетъ Ахиллесъ, радостно вскричала Клисчтенестра и прежде нежели скромная Ионгенія успѣла спрятаться отъ мнимаго жениха своего, сынъ Пелея вошелъ въ палатку съ малымъ числомъ вооруженныхъ. Несчастливая дочь Леды, сказалъ онъ, весь станъ въ волненіи требуетъ смерти твоей дочери: я хотѣлъ увѣщевать ихъ, и меня едва не побили камнями.» — А твои Мирмидоны? спросила задыхаясь отъ страха Клисчтенестра.

Они первые возмутились, отвѣчалъ Ахиллесъ и назвали меня влюбленнымъ болтуномъ. Я прибѣжалъ съ не многими вѣрными мнѣ друзьями, что бы защитить тебя отъ Одиссея. Спрячься за мать,

дѣвица! Я закрою васъ собою, и посмотрю кто осмѣлится тронуть сына богини, отъ жизни котораго зависить участь Трои.» Этѣ слова пробудили слабую надежду въ душѣ отчаянной матери.

Но Иѳигенія вырвалась изъ ея объятій, подняла голову и стала бодро передъ царицей и Ахиллесомъ. Выслушайте меня, сказала, она твердымъ голосомъ. Напрасно, дорогая мать моя, гнѣваешься ты на супруга своего: онъ не можетъ противиться неизбѣжному року. Благодарю тебя, чужестранецъ, за твое усердіе, но оно тебѣ вредить можетъ. Выслушайте мое намѣреніе: я умереть рѣшилась! Изгоняю изъ свободной груди моей всякое низкое чувство и добровольно свершу назначенное. На меня устремлены взоры всей славной Греціи нашей, отъ меня зависить отплытіе кораблей нашихъ, паденіе Трои, и отмщеніе за честь Греческихъ женъ. Смерть моя

исполнить все, меня назовутъ избавительницей Греціи, вѣчно славно будетъ имя мое. Мнѣ ли смертной, войти въ состязаніе съ богиней Артемидой, когда ей угодно, чтобъ я принесла жизнь въ жертву отечеству?—нѣтъ, добровольно отдаю я себя, возмите, убейте меня, разорите Трою; покореніе ее будетъ мнѣ памятникомъ.

Говоря такимъ образомъ Иѳигенія стояла передъ матерью и Пелидомъ, подобна богинѣ со взоромъ, блестящимъ величіемъ души. Ахиллесъ преклонилъ передъ нею колѣна и сказалъ: Дочь Агамемнона! я почелъ бы себя счастливейшимъ изъ смертныхъ если бы боги присудили мнѣ быть твоимъ супругомъ. Для тебя желалъ бы я владѣть Греціею, для Греціи, тебѣ любезной, тобою. — Одумайся! смерть есть зло ужасное, а я хотѣлъ бы дать тебѣ счастье и радости жизни! Иѳигенія отвѣтствовала улыбаясь: Довольно уже красота жен-

ская причинила горя; довольно Тивда-рида Елена вовлекла храбрыхъ мужей въ погибель; ты другъ, не отдавай жизни своей за женщину и за меня не убивай никого!—Оставь меня спасти Грецію; когда таковъ даръ данный мнѣ безсмертными богами. — Дѣйствуй какъ хочешь, великая, воскликнулъ Пелидъ, я пойду къ алтарю, можетъ быть, тамъ увидѣвъ ножъ готовый для закланія, ты перемѣнишь свое намѣреніе и подашь мнѣ желанную руку.—Онъ поспѣшилъ уйти, и Иѳигенія запретивъ матери говорить объ ней, положила ей на руки маленькаго Ореста и пошла радостно принять смерть за отечество. Мать осталась въ палаткѣ, не имѣя силы за ней слѣдовать.

Между тѣмъ все Греческое войско собралось передъ городомъ Авлисомъ въ цвѣтущей Діаниной рощѣ. Алтарь былъ воздвигнутъ и подлѣ него стоялъ жрецъ, прорицатель Калхасъ. Воцлѣ

жалости и удивленія раздался во всемъ войскѣ, когда увидали Иѳигенію идущую въ сопровожденіи вѣрныхъ служанокъ своихъ, Агамемнонъ громко рыдая закрылъ одеждой лицо свое, но Иѳигенія подошла къ нему и сказала: Взгляни на меня отецъ мой! здѣсь добровольно отдаю жизнь мою, покорная тебѣ, вождю войскъ Греческихъ и вѣлѣнію богини! Будьте счастливы и возвращайтесь съ побѣдою! Пусть ни одинъ Аргивецъ до меня не дотронется! Свободно и радостно преклоню сама главу, подъ жертвенный ножъ!

Громкое восклицаніе храбрыхъ отвѣчало ей. Талонбій, герольдъ, ставши въ средину, громко повелѣлъ молчаніе и тишину. Прорицатель Калхасъ—положилъ острый ножъ на алтарь богини. Когда Ахилесъ, въ полномъ вооруженіи съ поднятымъ мечемъ подошелъ къ алтарю, одинъ взглядъ великодушной дѣвы, измѣнилъ его намѣреніе. Онъ бро-

сплъ мечъ свой на землю, окропилъ алтарь освященной водою, и сказалъ: прими великая богиня Артемида, отцу священную, добровольную жертву, эту чистую кровь невинной дѣвы, которую Агамемнонъ и Греческое войско тебѣ теперь приносятъ! дай кораблямъ нашимъ благополучное шествіе, а Трои гибель отъ мечей нашихъ!

Атриды и войско стояли въ торжественномъ молчаніи — жрецъ Калхасъ поднялъ ножъ — ударъ его былъ слышенъ явственно, но о чудо! Дѣва изчела изъ глазъ толпы! — Діана спасла ее. — Высокая статная лань лежала вмѣсто ея у алтаря и обливала его горячею кровью. Вожди Греческаго войска, воскликнулъ Калхасъ, — смотрите какую жертву прислала намъ богиня Артемида! Кровь благородной дѣвы не угодна богинѣ. Она примирилась съ нами, пошлетъ кораблямъ нашимъ попутный вѣтеръ, и мы сегодня же оставимъ пристань Авлиды. Такъ

говорилъ онъ и смотрѣлъ на пламя пожирающее жертву. Когда угасла послѣдняя искра, внезапный вѣтеръ повѣялъ по воздуху и корабли закачались на взволнованныхъ волнахъ!

Когда Агамемнонъ пришелъ въ свою палатку, то Клитемнестра тамъ уже не было.—Вѣрный служитель поспѣшилъ извѣстить отчаянную мать о спасеніи ея дочери. Съ радостной благодарностью подняла она руки къ небу, но пришедши въ себя горько воскликнула: Гдѣ же дочь моя? у меня отняты всѣ мои радости. Нѣтъ, глаза мои уже никогда не увидятъ дѣтоубійцу! — Служитель поспѣшилъ уготовить всѣхъ къ отъѣзду и когда Агамемнонъ возвратился съ жертвеннаго пира, супруга его была уже далеко на пути въ Микену.

**ОСТАВШІЕ ГРЕКОВЪ. ФИЛОКТЕТЬ
БРОСИВШІ НА ОСТРОВЪ.**

Въ тотъ же день, флотъ Греческій, при сильномъ попутномъ вѣтрѣ, быстро поплылъ по открытому морю. Послѣ краткаго шествія, присталъ онъ къ маленькому острову Хризу, чтобы запастись свѣжею водою. Тамъ Филоктеть, сынъ Царя Пеаса изъ Мелибеи въ Тессаліи, испытанный другъ и товарищъ Геркулеса, хранитель его несокрушимыхъ стрѣлъ, нашелъ разрушенный алтарь, посвященный нѣкогда Язономъ богинѣ Аѳинѣ. Богобоязненный Герой, обрадовавшись своей находкѣ, хотѣлъ принести жертву покровительницѣ Грековъ на оставленномъ ея алтарѣ. Но ядовитая змѣя, сторожившая святилище, ужалила Героя въ ногу. Его отнесли на корабль и поплыли далѣе.

Неумолкающее стenanіе, и смрадь ядовитой раны сдѣлались несносны спут-

никамъ сына Пеасова. Крикъ его вездѣ нарушалъ ихъ спокойствіе. Сынъ Атрея, сговорившись съ коварнымъ Одиссеемъ, приняли жестокое намѣреніе оставить больного Героя на пустомъ, необитаемомъ островѣ Лемнось. Они забыли что Филоктету принадлежать его чудныя стрѣлы. Хитрый Одиссей тихонько положилъ въ лодку заснуваго воина и приставъ къ берегу, положилъ его у скалы; подлѣ него онъ оставилъ на нѣскольکو дней пищи и необходимой одежды. Потомъ возвратился самъ на корабль и скоро соединился съ прочимъ въ даль плывущимъ флотомъ.

ГРЕКИ ВЪ ШЕСТОМЪ ТЯГЕВѢ.

Греческій флотъ присталъ благополучно къ берегамъ малой Азіи. Греки, не зная еще тогда близкой дороги къ Трои, — по волѣ вѣтра пустили корабли свои далеко отъ стѣнъ ея и приплыли

къ берегамъ Мизіи, гдѣ всѣ стали на якорь. Вдоль всей пристани разставлены были вооруженные люди. Именемъ царя своего запретили они Грекамъ выходить на землю — прежде нежели они извѣстятъ его о прибытіи ихъ. Царь Мизіи былъ самъ Грекъ — по имени Телефъ, сынъ Геркулеса. Греки не спрашивая кто царствуетъ въ Мизіи, и не слушая вопросовъ сторожевыхъ воиновъ вышли вооруженные на берегъ, и всѣхъ стражей побили. Не многіе убѣжали и извѣстили царя Телефа, что нѣсколько тысячъ непріятелей побили его стражу, и хотятъ овладѣть его землею. Царь Телефъ, поспѣшно собралъ войско и пошелъ чужестранцамъ на встрѣчу. Онъ самъ былъ воинъ отличнѣйшій и во всемъ отца своего Геркулеса достоинъ. Все войско его устроено было по образцу Греческихъ войскъ; слѣдовательно Данайцы нашли неожиданный отпоръ, и завязалась долгая, кровавая битва. Между Греками

болѣе прочихъ отличился Опрзандръ, внукъ царя Эдипа, сынъ Полиника и наперстникъ Діомиды. Онъ низпровергалъ въ войскѣ непріятелей всѣхъ, ему встрѣчающихся и наконецъ убилъ подлѣ самаго царя—перваго вѣрнаго и лучшаго друга его. Царь Телефъ запылалъ яростью и ужаснѣйшій поединокъ возникъ между внукомъ Эдипа и сыномъ Геркулеса. Гераклидъ одержалъ побѣду и Опрзандръ палъ, копьемъ насквозь пронзенный. Громко вскрикнулъ Діомедъ увидѣвъ издали паденіе друга и прежде, нежели царь Телефъ успѣлъ стащить вооруженіе съ убитаго, Діомедъ быстро прибѣжавши, взвалилъ тѣло друга себѣ на плеча, и поспѣшилъ унести его съ поля сраженія. Когда Герой проходилъ съ ношей своей мимо Аякса и Ахиллеса, то скорбный гнѣвъ овладѣлъ этими Героями, они собрали разсѣянныхъ воиновъ своихъ, и раздѣлившись на двѣ стороны, дали битвѣ новый видъ; Аякъ стрѣ-

люю низвергъ Тефранта, однокровнаго брата Телефа, и когда Телефъ спыша на помощь брату зацѣпился за виноградную лозу, то Ахиллесъ воспользовался симъ временемъ и бросилъ въ него свой дротикъ. Дротикъ попалъ въ лѣвую ногу, Телефъ вытащилъ его, и охраняемый тѣснившимися около него защитниками избѣжалъ смерти. Ночь разлучила враговъ и каждый удалился съ поля сраженія, дабы нѣсколько успокоиться. Мизійцы въ столицу, а Греки къ кораблямъ своимъ. И въ томъ и въ другомъ войскъ было много раненыхъ и много убитыхъ. На другое утро, съ обѣихъ сторонъ, послано было просить перемирія необходимаго для погребенія павшихъ. Тутъ только Греки узнали съ удивленіемъ, что Царь, защищавшій такъ мужественно владѣніе свое, соотечественникъ имъ и сынъ великаго ихъ Геркулеса, а Телефъ, что онъ обагрилъ руки кровью своихъ собратій. Въ Греческомъ

войскъ три Государя были сродниками Телефу: Тлептолемъ, сынъ Геркулеса, и два сына Царя Тессала, внуки Геркулеса Фидиппъ и Антиохъ. Они вызвались пойти вмѣстѣ съ Мизійскимъ посланникомъ и рассказать подробно Царю Телефу, кто эти Греки и за чѣмъ ѣдутъ въ Азію. Телефъ ласково принялъ родственниковъ своихъ и слушалъ внимательно ихъ повѣсть. Тутъ узналъ онъ, что Парисъ преступленіемъ своимъ оскорбилъ всю Грецію, что Менелай съ братомъ своимъ Агамемнономъ и со всѣми соединенными Греческими Государями идутъ наказать его. И потому, говорилъ Тлептолемъ, ты Государь не отречешься самъ принять участіе въ мести общей и соединишься съ твоимъ народомъ, за благо котораго отецъ нашъ Геркулесъ боролся съ цѣлымъ міромъ и наполнилъ всю Грецію памятниками своей любви къ ней. Залечи раны, нанесенныя тобою Грекамъ! ты самъ Грекъ

и долженъ ополчиться вмѣстѣ съ нами противъ вѣроломныхъ Троянъ.

Телефъ съ трудомъ приподнялся на ложъ, на которое распростерла его рана нанесенная Ахиллесомъ, и дружелюбно отвѣчалъ Героямъ Греческимъ. «Ваши упреки несправедливы, дорогіе соотечественники! вы собственной виною стали мнѣ врагами. Стражи береговъ моихъ, покорные моему вѣленію, спросили у васъ, согласно съ правами образованныхъ на родовъ, кто вы и откуда! Вы обошлись съ ними какъ съ варварами, противъ которыхъ считаете все дозволеннымъ. Вы убили всѣхъ моихъ стражей и самому мнѣ на цѣлый вѣкъ мой оставляете горестный памятникъ вашего пришествія.» Тутъ указалъ онъ на свою ногу.— Но я не сѣтую: тяжелой раной готовъ я выкупить счастье принять у себя соотечественниковъ, братьевъ, Грековъ. Выслушайте теперь мой отвѣтъ. Я не могу идти войною противъ Пріама. Вто-

рая супруга моя Антиоха дочь ему, онъ самъ благочестивый и почтенія достойный старецъ, прочіе сыновья его благородны душею и велики духомъ, они не участвовали въ преступленіи легкомысленнаго Париса. Взгляните на отрока, сына моего Эврипила: каково ему будетъ на сердце, если я стану вмѣстѣ съ другими разорять земли его дѣда? — Также и вамъ, друзья соотчичи, не хочу я вредить. Примите отъ меня дары и нужные запасы, потомъ идите во имя боговъ рѣшать дѣло, въ коемъ я не могу быть участникомъ.

Съ этимъ мирнымъ отвѣтомъ возвратились Гераклиды къ Аргивянамъ и сказали Агамемнону и прочимъ, какъ ласково они приняты были и какъ заключили союзъ во имя всѣхъ Грековъ. Агамемнонъ съ своими совѣтниками положилъ послать Аякса и Ахиллеса къ царю Телефу, для того, чтобы они укрѣпили твердый союзъ и утѣшили Телефа въ нанесенной

ранѣ.—Воины нашли Гераклида въ жестокихъ страданіяхъ, Ахиллесъ со слезами бросился къ нему и съ сердечнымъ раскаяніемъ жалѣлъ, что по незнанію могъ уязвить собрата и благороднаго сына Геркулесова. Царь Телефъ забылъ даже о страданіяхъ своихъ и заботился только о томъ, что не предувѣдомили его о посѣщеніи такихъ дорогихъ гостей.

Потомъ торжественно пригласилъ Атридовъ во дворецъ свой и встрѣтилъ ихъ великолѣпно и дорогими подарками. Атриды, по просьбѣ Ахиллеса, привели съ собою знаменитыхъ врачей Полидарія и Махаона. Но копье богамъ любезнаго Пелида имѣло чудесную силу и раны имъ нанесенныя не изцѣлялись. Однакоже врачамъ удалось уменьшить боль и разными зеліями избавить царя и на будущее время отъ жестокаго мученья. Тогда съ болѣзненнаго одра своего далъ онъ Грекамъ полезныя на-

ставленія, нагрузилъ съѣстными припасами флотъ ихъ; и не прежде дозволилъ пуститься въ путь какъ по истеченіи зимы, которую всю провели они въ Мизіи. Потомъ указалъ имъ дорогу къ Трои и назначилъ то мѣсто, гдѣ впадаетъ Скамандръ въ море, для причала кораблямъ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ПАРИСА.

Въ Троѣ никто еще не зналъ объ отплытіи великаго Греческаго флота, но страхъ и боязнь господствовали въ стѣнахъ ея съ самаго отъѣзда Греческихъ посланниковъ. Между тѣмъ Парисъ возвратился съ похищенной Тиндаридой, съ огромною добычею и со всѣмъ Троянскимъ флотомъ. Царь Пріамъ смутился, видя во дворцѣ своемъ незваную невестку и созвалъ на совѣщаніе всѣхъ многочисленныхъ сыновъ своихъ. Юные, храбрые сыны его, которымъ братъ о-

бѣждалъ долю въ добытыхъ сокровищахъ, которымъ привезъ въ супруги красивѣйшихъ и знатнѣйшихъ дѣвицъ Греціи, горѣли желаніемъ отличиться въ битвахъ, и потому совѣтывали принять прекрасную чужестранку и никакъ не выдавать ее Грекамъ.

Совсѣмъ иначе думалъ народъ, опасаясь нашествія непріятелей и осады города своего: проклятія сопровождали Париса когда онъ шелъ по улицамъ во дворецъ съ прекрасной своей добычей и нѣсколько камней пролетѣло мимо головы его. Но по́чтеніе къ старцу Пріаму и покорность его волѣ удержала Троянъ и они не противились явно принятію новой согражданки.

Когда, въ совѣтъ царя, положили не выдавать Елены, то Пріамъ послалъ къ ней въ женскую половину супругу свою, дабы убѣдиться добровольно ли она послѣдовала за Парисомъ въ Трою. Елена сказала, что по происхожденію своему

она столькоже принадлежитъ Троянамъ, сколько Грекамъ; Данай и Агеноръ ей предки, также какъ и дому царей Троянскихъ. Похищена была она силой, но теперь, пламенная любовь соединяетъ ее съ новымъ супругомъ и она всею своею волей принадлежитъ ему. Она не можетъ надѣяться, чтобы народъ и прежній супругъ простили ей все случившееся: въ Греціи предстоитъ ей смерть и позоръ.

Такъ говорила она и обливаясь слезами обнимала колѣна царицы Гекубы. — Гекуба ласково подняла ее и успокоила объявивъ волю царя и сыновъ его, быть ей защитой и покровителями противъ всякихъ враговъ.

ПРЕЖНІИ ШОДЪ ТРОЕИ.

Такимъ образомъ, Елена жила спокойно въ особенно данномъ ей дворцѣ при дворѣ Троянскомъ. Народъ полю-

билъ скоро ея за красоту и за Греческую привѣтливость, и когда грозный флотъ появился у береговъ Троянскихъ, жители города уже смотрѣли на него безъ страха.

Они сочли гражданъ своихъ, сочли союзниковъ, на дѣятельную помощь которыхъ полагались и увидѣли, что числомъ и силою равнялись ополченію Греческому. Итакъ они надѣялись съ помощью боговъ отразить осаду и прогнать непріателя. Кромѣ Венеры, были еще многіе боги на сторонѣ ихъ, Аполлонъ и самъ отецъ боговъ, Юпитеръ.

Старецъ Пріамъ, царь Троянскій, не могъ уже самъ предводительствовать войскомъ, но около него стояли бодро пятьдесятъ сыновъ, иные въ зрѣломъ мужествѣ, иные въ цвѣтущемъ возрастѣ. Девятнадцать были сынами царицы Гекубы. Надъ всѣми возвышался Гекторъ, послѣ него Дейфобъ, потомъ Геленъ прорицатель, потомъ Полить, Памонъ, Антифъ, Гиппоной, Полидоръ и отрокъ Троилъ. Четыре

красавицы дочери Креуза, Лаодика, Кассандра прорицательница и въ младенчествѣ уже блистательная Поликсена украшали тронъ его. Войско стало готовиться къ бою; главнымъ вождемъ его назначенъ Гекторъ, съ блистающимъ шлемомъ, надъ которымъ развѣвалась пышная грива; подле Гектора Эней, супругъ Креузы, сынъ богини Аеродиты и Анхиза, еще бодрого Героя, на которого Троя всегда взирала съ гордостью. Отдѣльнымъ отрядомъ, управлялъ Пандаръ, сынъ Ликаона, которому самъ Аполлонъ подарилъ лукъ и стрѣлы; союзными войсками предводили Амѳій, Азій, Гиппоѳой, Пилай, Акамадъ, Эвфемій, Пирахмъ, Пламень, Годій, Эпистрофъ; — Хромидъ и Евномій отрядомъ Мизійцевъ, Форкіи и Антифъ отрядомъ Мѳонійцевъ; Апенмахъ и Настій Карійцами, Ликійцами Сарпедонъ и Главкъ.

Между тѣмъ Греки высадили войска свои вдоль моря между горъ Си-

гійскихъ и Ретійскихъ и устроили станъ свой, который уподоблялся большому городу. Они перетасили также всѣ корабли на твердую землю и уставили ихъ рядами, такъ, что одинъ рядъ возвышался надъ другимъ слѣдуя наклоненію берега. Каждый народъ поставилъ отдѣльно свои корабли, въ томъ порядкѣ, въ какомъ причаливали къ берегу. Большіе камни служили подмостками кораблямъ, дабы предохранить ихъ отъ мокроты и дать между ними свободный ходъ вѣтру. Въ первомъ ряду отъ твердой земли стояли на самыхъ концахъ корабли Ахиллеса и Аякса Теламонида, перваго на правой, втораго на лѣвой сторонѣ; при нихъ разстановленъ былъ станъ ихъ, который мы неправильно называемъ палатками. Ахиллесова палатка была похожа скорѣе на жилой домъ, тутъ были сараи и кладовыя для съѣстныхъ припасовъ, конюшни для лошадей и закуты для домашняго скота;

близъ кораблей его было мѣсто для скачки, для бѣга въ колесницахъ, и для всякихъ другихъ игръ торжественныхъ. — Къ Аяксовымъ кораблямъ примыкали корабли Протезилая за ними слѣдовали другихъ Эссалийцевъ; потомъ Критяне, Аѳиняне, Фокійяне, Беотійцы, а тамъ Ахиллесъ съ своими Мирмидонами; — во второмъ ряду между многими другими Локры, Дулихий, Эвнейя; въ третьемъ народы не столько знаменитые и съ ними Несторъ съ Пилосцами, Эврипилъ съ Орхоменами, и наконецъ Менелай. Въ четвертомъ и послѣднемъ ряду вдоль берега стояли Діомесъ, Одиссей и Агамемнонъ, Одиссей въ срединѣ, Агамемнонъ по правую сторону, Діомесъ по лѣвую. Передъ станомъ Одиссея находилась Агора, большая площадь назначенная для всѣхъ собраній, въ срединѣ которой стоялъ алтарь Зевса. Эта площадь раздѣляла и третій рядъ такъ, что Несторъ находился по лѣвую ея сторону,

Эврипилъ по правую. Агора занимала большее пространство, а берегъ суживался къ морю, такъ что въ третьемъ и четвертомъ ряду находилось кораблей больше чѣмъ въ другихъ. Весь станъ подобенъ былъ большому городу, пересѣченному многими улицами и дорогами; главныя улицы проведены были между четырехъ рядовъ. Отъ берега къ морю небольшіе проулки раздѣляли корабли каждаго народа одни отъ другихъ, сами корабли отдѣлены были отъ стана своего маленькимъ пространствомъ и каждой народъ раздѣлялся на небольшіе округа по городамъ своимъ или полководцамъ. Жилища воиновъ были сдѣланы изъ лѣсу, глины, и покрыты тростникомъ. Жилище полководца поставлено было впереди своего ряда и украшено болѣе или менѣе сообразно съ важностью вождя. Корабли всему стану служили защитой. Около нихъ Греки съ наружной стороны

обвели земляной валъ, который въ послѣдствіи измѣнился съ каменную стѣну. За валомъ вырыли они ровъ, а передъ нимъ поставили густой частоколъ.

Пока Троянскій царь совѣщался съ совѣтниками своими о лучшемъ способѣ отразить враговъ, Греки имѣли время устроить всѣ эти превосходныя распоряженія. Воины ихъ, работая для общей пользы, получали пищу на общественный счетъ; прочія надобности каждый доставлялъ себѣ, какъ умѣлъ. Простые воины, легко вооруженные, сражались пѣшіе; знаменитые сражались на колесницахъ, и каждый Герой имѣлъ при себѣ возницей, (т. е. кучеромъ) другаго Героя. Верхомъ ѣздить въ древніе времена почти никто не умѣлъ. — Колесницы съ первѣйшими воинами образовали всегда передовой рядъ и прежде прочихъ вступали въ бой.

Междѹ корабельнымъ станомъ Грековъ и городомъ Троей простирался, на че-

тыре часа тьмы, цвѣтущій лугъ; рѣки Скамандръ и Симоисъ съ двухъ сторонъ обтекали его и сливаясь впадали въ море подлѣ самаго Греческаго лагеря. Равнина этаго луга, казалось, предназначена была для битвы. Она доходила до великолѣпнаго города Трои, окруженнаго высокими зубцами и башнями крѣпкихъ стѣнъ, руками боговъ утвержденныхъ несокрушимыми. Троя, возвышаясь на холмѣ, была далеко видима; внутри стѣнъ ея гористыя неровности пересѣкались многочисленными улицами. Только съ двухъ сторонъ была она доступна и на этихъ сторонахъ находились укрѣпленные съ башнями ворота, изъ коихъ одни назывались Дарданскія, а другія Скейскія. Другія гористыя стороны были покрыты не проходимымъ кустарникомъ, — и врата ихъ небыли замѣчательны. Въ верхней крѣпости Илліонъ или Пергамъ стояли дворцы Пріама, Париса, храмы Гекаты, Афины и Апполона. На самомъ

вышемъ холмъ крѣпости алтарь Юпитера. За городомъ, при рѣкѣ Симоисъ, на лѣво отъ лагеря Грековъ, былъ холмъ называемый каликотоне. На право дорога вела къ истоку Скамандра и шла мимо высокаго холма называемаго Батина. Этотъ холмъ можно было обойти и онъ лежалъ внѣ города. За Троей было поле Илійское образующее самую нижнюю ступень лесистой горы Иды, вершина которой называлась Гаргара, а отрасли горы сходя въ долину на право и на лѣво называлась мысомъ Сигейскомъ и мысомъ Ретійскимъ.

Прежде нежели сразились оба народа, Греки были обрадованы прибытіемъ дорогаго гостя. Царь Мизійскій Телефъ, великодушно ихъ прежде угостившій, съ самаго ихъ отъѣзда лежалъ неизцѣльно страдая отъ раны, нанесенной ему копьемъ Ахиллеса. Средства, предписанныя Полидаріемъ и Махаономъ, давно уже перестали дѣйствовать. Нестерпимыя мученія заставили его прибѣ-

гнуть къ Оракулу Феба Аполлона, въ его владѣніяхъ находившемуся, и тамъ получилъ онъ въ отвѣтъ, что только то копье, которое нанесло рану, можетъ изцѣлить ее. Хотя слова прорицанія были довольно темны, но безнадежный Телефъ велѣлъ положить себя на корабль и поплылъ въ слѣдъ за Греческимъ флотомъ. Причаливъ къ устью Скамандра, приказалъ онъ отнести себя въ палатку Ахиллеса. Горестъ молодого Героя возобновилась при видѣ страданій бѣднаго своего гостя. Онъ принесъ копье свое и положилъ въ ногахъ его постели, не понимая какъ можно излѣчить имъ гніющую язву. Многіе воины стояли скорбно около постели страждущаго друга, а Одиссей посмалъ заврачами. Махаонъ и Полидарій спѣшили повиноваться призыву. Услыша прорицаніе Аполлона, опытные сыны Эскулапа отгадавъ смыслъ его, соскребли съ копья Пеллидова немного ржавчины и обложили ею рану. Видимое чудо стало мгновенно совер-

шаться: какъ скоро коснулась ржавчина гніющей, ужасной раны, тотчасъ стала она въ глазахъ окружавшихъ царя друзей, изцѣляться и чрезъ нѣсколько часовъ благородный царь Телефъ, по словамъ Оракула, излѣчился тѣмъ копьемъ, которое его ранило. Радость была общая: выздоровѣвшій, счастливый Телефъ, пошелъ обратно на корабль свой и разстался съ Греками точно съ такой же благодарностью и благословеніями, съ какой они нѣкогда разставались съ берегами Мизіи. Однако онъ поспѣшилъ удалиться, нежелая быть свидѣтелемъ битвы своего свояка съ дорогими ему единоземцами.

BR

Wm. B. Brown
of
Wm.

